

АНДРЕЙ КОКОУЛИН

БОГ-БЕЗ-ИМЕНИ

Фэнтэзи. Возможно, вполне себе героическое.

Глава 1

Сначала надо было доползти до камешка. До мелкого серого камешка, который, наверное, не единожды попадал под мягкие кожаные свейки многих и многих людей. Что сделал Фьольвир? Правильно, пополз. Потому что надо было ползти. Надо. Не хотелось лежать среди страшной, кисло пахнувшей тишины. Нет-нет-нет. Подальше от нее, подальше. К камешку.

Фьольвир вонзил пальцы в почву. Левая кисть была черна от крови и грязи, но, раскроенная между левым «братом» и «отцом» чуть ли не до самого «деда», она все же работала. Она сгибалась. Ползти оказалось трудно. Приходилось часто отдыхать, дышать в землю, есть ее губами, копить силы и сверлить взглядом камешек. Отбегаешь ты что ли от меня, братец? Нельзя.

Как-то отстраненно подумалось, сколько же в нем стрел. Фьольвир помнил первую, пробившую бедро, и вторую, задевшую шею. Должно быть, имелась еще и третья — он чувствовал ее злое жало под лопаткой. А еще был удар коротким, плохой ковки мечом от хохочущего кааряйна в кожаной шапке с длинными ушами в открытый правый бок. Это Фьольвир тоже помнил.

Потом уже его вроде как совсем опустило в лодку к Тааливисто, но уплыть на ней по стылому морю к островам предков так и не удалось.

Ну, ничего, камешек, камешек — это главное. Позже свидимся.

Земля хлюпала под брюхом. Тягучая боль то и дело окунала в короткое беспамятство, но Фьольвир каждый раз вздергивался и, страшась следующего провала в темноту, то одной, то другой рукой непременно подтягивал себя вперед.

Камешек, я ползу.

Что боль? Боль вдруг представилась ему присевшим на спину разжиревшим к старости псом Гайво, плохо слышащим, плохо видящим, ничего не соображающим. Ни криком, ни усилием не согнать, не сбросить. Сидит Гайво на хребте Фьольвира, попердывает. Ему хорошо. Устроился, везут. То под лопатку лапой надавит, то справа царапнет, а то и в затылок мордой двинет — окунись во тьму, арнасон. Ну и сиди, сиди, Гайво, напоминай о жизни. В лодке-то кто о ней напомнит? А Фьольвиру пока не до лодки, ему пока лишь бы до камешка добраться.

Он выдохнул, сплюнул какой-то вязкой, красно-серой слюной. Дополз. Пальцы наконец сжались на мелком, с фалангу, ориентире, потискали его, отложили, отпихнули в сторону. Ну, вот. Следующей целью Фьольвир наметил себе клок травы, похожий на вздыбленную прическу Эртина-щитолома. Жив ли Эртин? Неизвестно. Как-то вместе они ловили рыбу в маленькой бухте рядом с Уоресмаа. Ходили, закатав штанины, по колено в воде и сплетенными из ивовых прутьев садками пытались добыть себе на пропитание юрких, осторожно плавающих у самого дна маюсов. Поймали всего одного и тут же запекли его на костре. Казались себе ужасно взрослыми.

Смешно. Потом измазали себе рожи углями, изображая войца-пекку, чертят из окружения страшного Хэнсуйерно. Хотели девчонок напугать. Эртин еще предложил раздеться догола, мол, будет еще страшнее... Нет-нет. Фьольвир тряхнул головой. Надо ползти. Не время вспоминать. Он еще жив.

Со спины напел запах дыма. Где-то там, позади, видимо, разгорался пожар. Правда,

Фьольвир не слышал, как ни напрягал слух, ни треска прогорающих бревен, ни жадного гудения огня.

Он подтянулся. Травяной клок наконец попал в пальцы. Фьольвир выдрал его. Вот и до второго ориентира дополз. Большое дело.

Какое-то время он отдыхал, глядя на крупинки земли под носом, просунул руку к животу, вытянул — красная. Гайводохнул в затылок, на мгновение отпрявляя в ночь. Ну-ну-ну. Зачем? Фьольвир, моргнув, приподнял голову.

Путь перекрывала нога.

Босая женская нога. Дальше, наверное, к ноге лепилось тело, но Фьольвир его не видел. И не хотел видеть.

Ногу он узнал.

Мейвосо, жена Тотверна. Веселая толстушка, рыжая, как огонь. Тотверн подарил ей браслетик из солнечного камня, и она носила его на лодыжке. Десяток грубо ограненных бусин на жилке, они так и остались на ноге, пропущенные или не интересные кааряйнам.

Нет, к Мейвосе он не поползет. Что он скажет Мейвосе? Пльиви, Мейвосо, пльиви? Возьми мою лодку?

А она спросит: где мой Тотверн...

Фьольвир тяжело развернулся и взял левее, к желтеющему комлю бревна, на котором, бывало, часто вечером устраивался сам. Хороший открывался с бревна вид. Залив и скалы на противоположном берегу. А на скалах — лес. Раньше он был погуще, потемней, сосны и ели стояли плотно, потом, конечно, его несколько проредили, повырубили на дома, лабазы да зимнее, печное тепло. А за лесом, едва видимый, сизоватый, плывущий в дымке, угадывался Холм Аттитойне, бога этих мест.

Бог был невелик, не чета Йоруну или его жене Наккинейсе, но дело свое знал туго: хранил поселившийся под боком народ и от напастей, и от болезней, и от лихих людей. Ни разу за его существование арнасоны не знали великих бед. Голодные годы, и те были наперечет.

За защиту Аттитойне требовал колоду меда в год да пляску на Холме в свой день.

Люди поговаривали, что если пляс особенно удавался, то и Аттитойне не удерживался и присоединялся к людям, высокий, лохматый, похожий на медведя, вставшего на задние лапы. Топал так, что земля тряслась.

Фьольвир видел бога всего два раза — один раз глубоко в лесу, другой раз на Холме. Поклонился, прошел мимо. Божьи дела — не людские, чужого пригляда не требуют.

А пять лет назад, осенью, Аттитойне исчез. Пропал, не оставив ни послания, ни знака, ни следа. Они ждали его год, ждали два. Аттитойне, бывало, отсутствовал несколько месяцев. Сначала не особенно беспокоились. Кто говорил, что, как и все боги, он ушел воевать вахенов, детей изначальной тьмы. Кто был уверен, что Аттитойне проверяет их, прячется, поглядывает издали, смогут ли без него. Ходили слухи и о том, что для их земли выбирают нового бога.

Два года на Холм носили колоды с медом. Два года плясали там в особый день, заводя длинные хороводы, мужские и женские, а потом смешивая их. Весело было, хоть и беспокойно.

Но зимой третьего года с торговцами, переправившимися по замерзшему заливу, пришли новости, что исчез не только Аттитойне. Исчезли все боги земель и мест, исчезли боги постарше, боги дел и ремесел, боги умений и силы, боги природы и боги неба. Но что

было еще хуже, и верховные боги оставались безучастны к молитвам и подношениям. Братья Йоруна, Стергун и Офнир, сам Йорун, и жены их, Крайя, Липпа и Наккинейсе, больше не отвечали людям.

Словно всех их убили вахены.

Фьольвир выплыл из тьмы, судорожно поймал в пальцы шершавую кору.

— Это я так, так... — пробормотал он, затаскивая себя на бревно.

Сначала хотел сесть, но потом понял, что это будет выше его сил. Ничего, можно и полежать. Много ли ему осталось? До заката дотянет, и ладно. Теперь, правда, ни один бог не сообщит, что срок вышел.

«Вышел твой срок, Фьольвир Маттиорайс, уже скользит лодка, вот-вот пристанет к берегу. Собирайся».

Увы, тишина.

Фьольвир снова сплюнул. Осенняя вода залива была черна. Еще бы неделя или две — и берега схватились тонким, прозрачным ледком. Гуськом, на квадратных полосатых парусах, шли по воде когги кааряйнов.

Ненависть обожгла, вскинула за Фьольвира руку, махнула грязным кулаком вслед. Только пустая это была ненависть, никчемная, ненависть мертвеца к еще живым, ненависть убитого к убийцам. Что с нее им? Что с нее ему? Даже проклинать кааряйнов бесполезно. Никто из богов не услышит его проклятие.

Когги скользили, подбираясь к выходу из залива. Они становились все меньше, все бесплотней, и через несколько вдохов и выдохов Фьольвира холодный туман с моря скрыл их совсем.

Вот и все. Кааряйны ушли. Пора, пожалуй, и ему.

Фьольвир шевельнулся, засевшая в теле стрела царапнула изнутри, безумный пес Гайво пролез мордой к животу и вслепую цапнул кишки. Даже вскрикнуть не получилось, только зашипеть. Так костерок мочой тушат. Ш-ш-ш. Фьольвир закрыл глаза. Все, давайте уже лодку.

— Жить хочешь? — вдруг спросил кто-то его.

— Нет.

Бревно качнулось под чужим телом. Кто-то сел рядом с Фьольвиром, задержал ладонь на вычищенной от коры желтой поверхности.

— Серьезно?

Кажется, неведомый доброхот даже наклонился, пытаясь заглянуть Фьольвиру в глаза. Ох, это было нелегко. Фьольвир устал смотреть на залив и, поникнув головой, предпочел заливу землю под носом. Тем более, что на нее так интересно стекало красное. Кап-кап, кап-кап-кап.

— Нет, так не годится, — огорченно сказал доброхот.

Фьольвир почувствовал, как его вместе с болью вздергивают вверх, и закричал. Крик этот, не человеческий даже, а звериный, не произвел, впрочем, на незнакомца никакого впечатления, поскольку он продолжил свои манипуляции — усадил Фьольвира на бревно, подпер плечом, а затем, словно искусный изувер, в два движения сделал боль еще больше, еще острее. Фьольвир вздернулся, но уже не закричал, а захрипел, уткнувшись невидящим взглядом в серое, накрытое тонкими облаками небо.

— Ну-ну-ну, — посочувствовал доброхот.

Он наклонил Фьольвира вперед, обдирая ему рубаху на спине. Ткань трещала, словно

приросла к коже. И сходила также, как кожа, цепляясь за тело до последнего. Фьольвир кашлял и плевался кровью, не имея сил освободиться. Горячая ладонь незнакомца легла между лопаток.

— Я... я тебя... — выдохнул Фьольвир, плавая в красном тумане.

Доброхот фыркнул.

— Убьешь? Ты хочешь сказать: убьешь? Ты и так одной ногой в лодке, арнасон, но нет, ты грозишь мне убийством. А я думал, вы — мирный народ.

— Мы — мирный...

Фьольвир закричал, заперхал снова, когда чужая ладонь раскалилась, будто железо в кузнечном горне, и полезла внутрь его. Он почувствовал палец, принявшийся копошиться под лопаткой.

— О, боги!

— Нет богов, — сказал доброхот.

Но, помедлив, палец из Фьольвира убрал. Стало легче. Фьольвир втянул в себя стылый, сладкий воздух. Незнакомец стряхнул руку и вытер черные и красные пальцы о его штаны.

— Здесь, пожалуй, все. Ну-ка.

Фьольвира опрокинуло навзничь, на чужое колено. Доброхот вылепился из кровавого марева высокой, косматой фигурой с неясным пятном лица.

— Что у тебя здесь?

Рубаха окончательно сползла с Фьольвира, грязной тряпкой канула во мглу. Горячие пальцы протанцевали по груди к животу.

— О, да тут хуже, чем я думал, — сказал незнакомец. — На-ка, зажми, арнасон.

В зубы Фьольвиру ткнулась палка. Она была горьковата, на язык попала земля, но сплевывать было некогда. Фьольвир стиснул челюсти.

— Готов? — спросил, заглянув в него, незнакомец.

Фьольвир моргнул, так и не разобрав чужого лица.

Несколько мгновений неведомый доброхот примерялся, дышал. Ожидание было хуже боли. Приподняв в нетерпении голову, Фьольвир увидел, что правый бок у него отвернут широким мясным лоскутом, измазан в земле, а из дыры, поплеывающей кровью, выпирает сизая, сопливая требуха.

— Лежи.

Незнакомец надавил Фьольвиру на лоб ладонью.

— Ф-фы! — выдохнул сквозь палку тот.

Косматая голова качнулась.

— Чудо, что ты еще жив, арнасон. А теперь — терпи.

Чужая рука забралась Фьольвиру в нутро, и он засучил ногами. Палка похрустывала в зубах, теряя кору. В глазах вспыхивало небо. Толстый пес Гайво добрался до требухи и теперь с ворчанием тянул ее наружу. Фьольвир потянулся его отогнать, но незнакомец, навалившись, закрыл путь руке.

— Терпи, арнасон!

Фьольвир зашипел.

— Это хорошо, — заговорил незнакомец. — Боль — это жизнь.

Наверное, он мог бы через рану добраться до сердца Фьольвира и сжать его в своих пальцах, чтобы оно лопнуло и захлебнулось кровью. Фьольвир, честное слово, был бы не против. Не человек, а сама боль некоторое время таранилась и грызла дерево, силилась

выйти слюной и криком, разливалась, как вода для лодки.

В лодку — маленький бы шажок...

— Куда?

Шлепок по щеке вернул Фьольвира из тьмы. Незнакомец навис снова, вытирая руки о тряпку. Несколько мгновений он боролся с Фьольвиром, как с непослушным псом, заставляя его отдать палку, потом, держа за нижнюю челюсть, влил ему какую-то темную жидкость из жестяного сосуда. Капли зацепали язык.

Спустя миг Фьольвиру показалось, что, несмотря на цвет напитка, неведомый доброхот поделился с ним жидким огнем. Тот колюче протек в горло и пожаром вспыхнул в животе. Все, что еще оставалось внутри нетронутым, словно съежилось, обуглилось и спеклось. Возможно, Фьольвир вместе с криком, как вахен, смог бы изрыгнуть пламя, но незнакомец не дал ему этого, зажал рот ладонью.

— Тише, тише, — прошипел он. — Сейчас пройдет.

И был прав — огонь утих. Фьольвир дернулся раз, другой и затих сам. Сонная слабость растеклась по телу.

— Хорошо, — оценил его состояние незнакомец. — Теперь давай так.

Он, подвинув, расположил Фьольвира вдоль бревна, смахнул грязь и землю с его груди, несколько мгновений разглядывал, словно к чему-то примеряясь, и вдруг пропал. Ни шороха шагов, ни голоса, ни иных звуков.

Только небо и осталось.

Фьольвир лежал, не в силах пошевелиться.

Среди жителей побережья ходили страшные истории о макафиках, темных слугах Хэнсуйерно, которые любили делать из людей, попадающихся им на пути, покорных, могучих и бесчувственных помощников. Такому макафику было достаточно взять горсть земли, плюнуть на нее и поместить человеку в живот. Или подмешать в пищу. Съел ложку — и все, ходишь потом за макафиком, таскаешь все его припасы, сторожишь сон и гниешь заживо, пока он не посчитает, что ты износился, и не подберет себе нового спутника. Правда, и стрела тебя не берет, и меч вреда не причиняет.

Может, и с ним так? Свистнет сейчас незнакомец, и он встанет, несмотря на свои раны, и потащится безропотной тенью, куда укажут. В бурелом, на скалы, на морское дно. Скорее всего, и помнить не будет ни про кааряйнов, ни про двадцать шесть лет своей жизни, ни про...

Хейвиске!

Как же это? Почему он о ней забыл? Фьольвир попытался подняться и не смог. Не было сил. Хейвиске!

Он заплакал.

— Хефф... — шлепнули непослушные губы.

Серьезная и смешная в своей серьезности девчонка с вечно опущенным к земле лицом. Лет в семь или восемь он смеялся над ней вместе со всеми. В десять — влюбился. В пятнадцать — защищал ее, не давая спуску никому из сверстников. Очертя голову, бросался на пятерых, шестерых, едва кто-то из них позволял короткую уничижительную реплику в ее сторону. Бойтесь Фьольвира, сына Магнира, Маттиорайса!

Через год все знали, что он возьмет ее в жены.

Но еще пять лет он с отцом потом ходил в далекие земли, чтобы накопить на эйке, выкуп Хейвиске из общего дома. Торговал пушниной, лесом и медом, служил разным людям,

защищал от нечисти, что плодили в подземном мире Хэнсуйерно и Оккима-Лаити, плывал ватангером в Дикие края.

Мало кто видел улыбку Хейвиске. Фьольвир видел! И смех ее слышал, тихий, счастливый смех. Волосы ее пахли луговыми цветами, губы были сладкие, как лесные ягоды. Когда ему исполнилось двадцать два года, Фьольвир выкупил Хейвиске и привел в родительский дом. И почти сразу стал строить дом отдельный, там, где от леса очистили часть земли и поставили частокол. Аттитойне благословил их перед самым своим исчезновением. Фьольвир помнил его тяжелую, волосатую лапу у себя на макушке и одобрительное рычание.

Как они плясали потом!

Где же она, где его Хейвиске? Удар мечом, хохот кааряйна. Была ли там, в коротких вспышках сознания, Хейвиске?

Он не помнил.

Фьольвир выдохнул и попробовал подняться на бревне. Где этот доброхот, помощник, макафик? Неужели так и бросил его? Подлатал, набил живот землей и исчез? Разве так делают?

— Й-а...

Он с трудом вытолкнул звук. Тело наконец послушалось, приподняло его вверх. И тут же он увидел, как навстречу ему летит сверкающий, серебристый ком.

Пуф-ф!

Вода разбилась о грудь, о лицо Фьольвира, рассыпалась брызгами. Он задохнулся от неожиданности и холода. Уверенные, твердые руки уложили его обратно на бревно.

— Спуск у вас к воде далековато, — услышал Фьольвир голос незнакомца. — Пока спустишься, пока поднимешься. Пока ведро найдешь. Тряпку вот чистую еще подобрал.

Доброхот принялся обтирать Фьольвира. Плечи, руки, шею. Грудь он терзал особенно, до тех пор, пока Фьольвиру не стало казаться, будто под кожей разгораются угольки. Он сморщился, и незнакомец послушно прекратил пытку.

— Хорошо, — оценил он. — Лежи пока.

— Хей... — выдавил Фьольвир. — Хейвиске.

Косматая голова с пятном лица качнулась.

— Прости, арнасон, я не знаю, о ком ты. Все вокруг мертвы.

Фьольвир зажмурился, ощущая странную отрешенность, и вновь открыл глаза. Небо заголубело. Перья облаков прихотливо тянулись к северу.

— Тогда убей и меня, — сказал Фьольвир.

Незнакомец шумно почесал голову.

— Нет, братец, ты мне нужен, — сказал он и прошелся тряпкой по лицу Фьольвира. — Тут уж извини.

Доброхот откинул волосы раненому со лба, просушил тому веки, скулы и бороду.

— Не хочу... жить, — выдохнул Фьольвир.

Незнакомец наклонился.

— Это я уже слышал. А отомстить, отомстить хочешь?

Как ни старался Фьольвир, рассмотреть черты лица своего спасителя у него снова не получилось. То ли у него было что-то не то с глазами, то ли тень на говорившего ложилась как-то не так.

— Как? — спросил он. — Ты же макафик, ты меня...

— Кто? Макафик? Макафик!

Незнакомец захохотал, хлопая себя ладонями по ляжкам. На несколько мгновений он исчез из поля зрения, но Фьольвир ловил рядом его раскатистый смех.

— Веселый ты человек, арнасон.

Отсмеявшись, незнакомец приблизился и повернул раненого на левый бок. Пальцы его стиснули кожу на месте удара мечом. Фьольвир ощутил боль, но гораздо более слабую, чем раньше.

— Быстро заживает, арнасон, — оценил незнакомец. — Так что, пожалуй, вопреки своему желанию поживешь еще. А это что?

Раздался треск штанины. Доброхот присвистнул. Фьольвир дернулся, когда правую ногу чуть выше колена пронзило огнем.

— А здесь у тебя, братец, еще одна стрела, — удивился незнакомец. — Ой, не так стрелы ловят, братец. Не так. Не собой же.

Фьольвир щелкнул зубами.

— Понял, — сказал незнакомец. — Палку дать?

— Тяни! — прохрипел Фьольвир.

— Как скажешь.

Незнакомец прижал бедро Фьольвира коленом, зацепил торчащий наконечник стрелы пальцами и дернул, заставляя древко пройти сквозь мышцы. Пок! — на грудь Фьольвиру шлепнулся обломок.

— Вот и тряпка пригодилась, — сказал незнакомец, быстро обматывая Фьольвиру ногу.

Бедру стало горячо, тепло спустилось к ступне, но скоро вновь поднялось выше колена.

— Могу тебе сказать, арнасон, — сказал доброхот, стягивая, скручивая концы повязки короткой веточкой, — что макафики сейчас, конечно, очень опасны, как любой зверинец, оставшийся без хозяина. И всякие другие твари, которые раньше находились под присмотром, тоже почувствовали свободу. Но это не так уж важно. Предоставленные самим себе люди тоже страшны. Многие хотят подняться до Йоруна, но почти всегда опускаются до Хэнсуйерно. Только и это не важно.

Незнакомец отступил, глядя на свою работу.

— А что важно? — спросил Фьольвир, получив возможность сесть.

— Ногу чувствуешь?

— До повязки.

— Хорошо. Важно то, что в преддверье мира копится изначальная тьма, и дверь, запертая Йоруном и его братьями, скоро не выдержит. А это значит, что для вахенов не будет больше преграды. Как не будет и тех, кто сможет их остановить и вернуть назад во тьму. Понимаешь? Так что для тебя, арнасон, медвежий сын, никакой смерти пока не предусмотрено. Не могу я тебе ее дать.

Незнакомец опустил на бревно рядом с Фьольвиром, ссутулился. Бледное северное солнце опрокинуло его бледную тень под ноги.

— А я что, могу сдержать вахенов? — спросил Фьольвир.

Тень качнулась, хмыкнула.

— Нет, арнасон. Тебе это не под силу.

— Зачем я тебе тогда?

— Спасти мир, — сказал незнакомец. — Кажется, многие саги прибрежного народа начинаются именно так.

— Там про могучих героев. А я полумертвый охотник одной ногой в лодке.

— Ну, значит, ты тот, кто был у меня под рукой. Других я, увы, не нашел. Само по себе это дело не легкое, а уж для меня...

— И что дальше? — спросил Фьольвир.

— Можешь встать?

— Попробую.

Незнакомец подал руку, но Фьольвир отказался от помощи. Небо поднялось вместе с ним, наклонилось, потом выцвело, словно от вспышки, под ногами неожиданно, пастью, глоткой, распахнулся залив, черная вода заглянула в душу, камешки покатались с крутого склона. Трям-бам-бам-бам.

— Тихо-тихо.

Доброхот не дал Фьольвиру соскользнуть вниз и оттащил его назад.

— Действительно, полумертвый.

— Сейчас я.

Фьольвир зажмурился и упрямо тряхнул головой. Под веками прыгнули слепящие шарики. Боль под лопаткой дернула, но мягко, чтобы не забывал. А вот красный, опухший, одевшийся крупными рубцами бок отозвался так, что Фьольвир зашипел сквозь стиснутые зубы и минут пять простоял внаклонку, ощущая под ладонью древесную кору.

— Жив? — спросил незнакомец.

— Почти.

Фьольвир выпрямился.

Не поворачиваясь, шепнуло ему что-то. Лучше будет, если ты этого не увидишь. Все отправились в Тааливисто. И все. Им сейчас хорошо. А те, что лежат...

Он повернулся.

До частокола было десять шагов. До Мейвосы — два. Рыжие волосы и запекшееся со спины платье. Голая нога упиралась в землю, словно пыталась оттолкнуть лежащее тело подальше от смерти.

Песок был светлый и темный, истоптанный. У ворот лежал кто-то еще. Фьольвира замутило. Незнакомец тронул его за плечо.

— Пошли, — сказал он.

— Куда? — спросил Фьольвир.

— Надо собрать всех, арнасон, — сказал доброхот, заглядывая ему в глаза. — Не должны они так... зверю и птицам.

— Я знаю.

— Тогда не стой.

Правая воротная створка была выломана, разбита и двумя бревенчатыми половинами лежала на земле. В тени частокола съежился мертвый мальчишка лет восьми. Полголовы — черные от крови.

— Не трогай его пока, — сказал незнакомец, когда Фьольвир наклонился к ребенку. — Берись.

Он приподнял часть створки.

— И куда? — спросил Фьольвир, вставая рядом.

Дерево царапнуло ладони.

— К общему дому, — сказал незнакомец. — Там места больше.

Вдвоем они поволокли створку вглубь поселения, как муравьи тащат добычу в

муравейник. Ровный чистый след потянулся за ними по земле. Впрочем, даже в усеченном виде створка оказалась для едва оклемавшегося Фьольвира тяжелой. Он выпустил ее на небольшом взгорке за домом Эртина-щитолома.

— Все.

— Что, все? — раздраженно спросил незнакомец.

— Не могу. Сейчас... Дай времени, — сказал Фьольвир.

Он присел на одно колено, отдыхая. Опять наплыл запах дыма, зыбкий, неуверенный, слабый. Поискав его источник глазами, Фьольвир так и не понял, откуда тянет. Кааряйны не стали поджигать дома: то ли еще думали вернуться и прибрать земли вместе с постройками себе, то ли не хотели, чтобы пожар выдал их набег. Опасаться им, в сущности, было некого. Ни людей поблизости, ни богов в укорот. Может, прочий лес берегли, может, просто мозгов не хватило.

Кааряйны!

Фьольвир наткнулся взглядом на лежащего ничком человека в толстом шерстяном везинге и, скрипнув зубами, отвернул голову.

— Готов? — спросил незнакомец.

— Готов.

Они выволокли створку на пустое место перед общим домом, осторожно огибая мертвецов. Крючился староста Айно Хассват. Цеплялась за штанину его жена. Белела худеньким тельцем Вейлиге, сирота, отец ее утонул прошлой осенью. Личико остроносое, задумчивое. Вот и кончилось все для тебя, девочка, подумал Фьольвир.

Утопанная земля отращивала тропки направо и налево, травяным прибором била в стены склада и сходящихся венцами изб.

— Теперь вот что, — сказал незнакомец.

Приставив лестницу, он полез на крышу общей избы, откуда принялся дергать и скидывать вниз вязки соломы. Успокоился доброхот только тогда, когда обнажились слуги. Фьольвир безропотно сносил всю солому к створке и несколькими снопами закрыл дерево, сделав подобие лежанки.

— Хорошо, — оценил незнакомец.

— Им будет мягко, — сказал Фьольвир.

Дальше они занялись мертвецами. Старосту, его жену и Вейлиге сложили первыми, закрыв тряпками рубленые и колотые раны. Пошли по дворам, заглядывая в дома и в сараи, стараясь не пропустить ни одного укромного уголка. Фьольвир все думал, что в подпольях, на чердаках или за печкой найдет хоть одну живую душу, но все было напрасно. Мертвецы прибавлялись к мертвецам.

Дотошность кааряйнов и их жестокость не к взрослым даже, а к совсем маленьким детям заставляли Фьольвира бессильно сжимать кулаки. Он не понимал, зачем. Как будто и не люди кааряйны. Как будто не живут и жить не умеют.

Взрослых сносили вдвоем. Детей — по одному. Подбирали пальцы, руки и головы. Гора мертвецов перед общим домом росла. Малые — на стариках, сестры — на братьях, жены — с мужьями, выше, выше, выше. Фьольвиру казалось, что этой страшной работе не будет конца и края.

Они вышли за частокол и собрали свой урожай там. Мейвоста, белобрысый мальчишка, имени которого Фьольвир не смог вспомнить, Ханна Нейманен. Затем подобрали Тотверна, голову которого разможили молотом, и Хьюлафа, утыканного стрелами, и пошли другим

краем поселения, все ближе и ближе подбираясь к родительскому дому и дому самого Фьольвира. Все медленнее, все неохотнее шли ноги, все мельче становился шаг.

— Что ты? — спросил незнакомец.

— Хейвиска, — выдохнул Фьольвир.

— Мертва.

— Нет, я знаю, я не хочу... — Фьольвир замотал головой. — Не хочу помнить ее мертвой. Может, ты один...

Пальцы незнакомца вдруг вцепились ему в лицо и рывком развернули к себе.

— Как? — заорал доброхот. — Как ты будешь спасти мир, если не можешь посмотреть в глаза тому, от чего его надо спасти?

— От Хейвиски?

— От смерти, тупица!

— Все равно...

— У нас нет на нытье времени, парень!

Незнакомец потащил Фьольвира за собой, как безвольную куклу.

Дом родителей встретил их открытой дверью. Отец привалился к очагу с дубинкой в руке. Мать мечи кааряйнов нашли на лежанке — она, похоже, умерла во сне. Фьольвир вспомнил, что ей часто не здоровилось в последнее время. Все жаловалась, что стала старая. А отец подначивал, говорил, что уже засматривается на молодух. «Готовить ли лодку, Гвейла?». Мать улыбалась: «Полно тебе, Магнир». Никто из них всерьез к отцовским словам не относился.

Фьольвир накрыл родителей шерстяными одеялами. Так, в одеялах, будто спящих, он с незнакомцем и перенес их к остальным. Закидывать наверх было уже невозможно — гора мертвецов выросла на голову выше Фьольвира и казалась ненадежной. Тронь — и шесть-семь трупов, словно обрадовавшись неожиданной свободе, сползут вниз. Поэтому Магнир Маттиорайс занял место в подножье слева, а Гвейла Маттиорайс — справа. Доброхот добавил соломы и досок.

— Еще заход, — сказал он.

От старого Гайво на досках крыльца остались сгустки крови. Самого пса, уже мертвого, брезгливо отвалили к стене. Он защищал дом до последнего, но дряхлые зубы и больные лапы не выстояли против злого и острого железа.

Хейвиска животом лежала на широком столе, что когда-то Фьольвир выстругал из цельного бревна. Платье ее было задрано на спину, открывая то, что никому, кроме мужа, видеть было не положено. Кааряйны развлеклись с ней, втроем, вчетвером, впятером, а затем перерезали горло.

Фьольвира хватило лишь на то, чтобы вернуть платье на место. Он сполз на пол и заревел не как человек, а как зверь, не имея слов, а одни протяжные звуки. Как же так? Как же? Острой болью зазвенел висок, потому что Фьольвир разбил его о ножку стола.

— О, братец!

Незнакомец вздернул своего напарника вверх.

— Пусти!

Фьольвир попытался отмахнуться, но незнакомец оказался сильнее. Он врезал Фьольвиру так, что тот задохнулся.

— Слушай меня, слушай, Маттиорайс! — щелкнули его зубы. — Ты хочешь в лодку? Хочешь в Тааливисто?

— Да, — прохрипел Фьольвир. — Да.

— А ты знаешь, кто дал вам Тааливисто? Кто возвел Хингаард йоргам? Кто построил Веххало сверигам и Тиенн хансам?

Фьольвир кивнул.

— Йорун.

— Почти. Хэнсуйерно по приказанию Йоруна, — прошипел незнакомец. — И как ты думаешь, что будет со всеми этими посмертными мирами, когда из изначальной тьмы выползут вахены? Ну? — Он встряхнул Фьольвира. — Скажи мне, арнасон. Не молчи. Или лучше я тебе скажу. Все исчезнет, Маттиорайс! Не будет ни Хингаарда, ни Тааливисто, ни прочих земель и городов. Ничего не будет. Даже памяти не останется!

— Но зачем им это?

Незнакомец захохотал.

— Потому что они — сама тьма, братец. Хаос. — В голосе его послышалось отчаяние. — Сила разрушения. Такова их природа. И боги сдерживали их, пока были.

Фьольвир качнул головой.

— Кажется, ты выбрал не того...

— Потому что мне не из чего было выбирать!

— Значит, у нас нет шансов.

— Есть! Шансы всегда есть. Думаешь, у меня были большие шансы поставить тебя на ноги, арнасон? Все, все, — незнакомец стиснул ладонями щеки Фьольвира. На пятне его лица впервые протаяли глаза, полные холодного, голубого огня. — Пойми, мы должны спасти мир, Маттиорайс.

Фьольвир зажмурился, не в силах смотреть на незнакомца, уж слишком пугающе тот стал выглядеть.

— А Тааливисто?

— Да. И Хингаард. И Веххало. И десятки других. Даже мир богов. А потом, я даю тебе слово, за тобой придет даже не лодка, а корабль.

— Лодки достаточно, — тихо сказал Фьольвир.

— Хорошо, — согласился незнакомец. — Лодка так лодка.

— Тогда надо... надо отнести Хейвиску к остальным.

— Да.

— Только я сам, я должен сам, — сказал Фьольвир. — А ты возьми Гайво.

— Кого?

— Пса.

Хейвиска была очень легкой. Даже накрытая расшитой фенрикой и зимним везингом, она все равно, что ничего не весила. Фьольвир мог бы нести и нести ее, крафур за крафуром, хоть до самого Тааливисто. Только, если подумать, в Тааливисто Хейвиске нет надобности в этом теле. Она только посмотрит и скажет: «Ради Йоруна, Фьоли, что тебе в голову пришло? Мне оно уже не нужно». И улыбнется. Улыбнется.

— Арнасон!

Окрик незнакомца заставил Фьольвира остановиться. Гора мертвецов на сломанной створке почему-то оказалась справа. Неужели он понес Хейвиске к заливу? Ох, дурак.

— Прости, — шепнул он жене.

Присев, он привалил тело Хейвиски к чьим-то ногам, к чьей-то голове, последний раз провел по волосам, коснулся век, губ. Тяжелый дух начинающей разлагаться плоти забивался

В ноздри, туманил взгляд.

— Все, арнасон, все.

Незнакомец повлек его прочь.

— А где, где Гайво? — спросил Фьольвир.

— Я положил его с другой стороны.

— Ему же найдется место на Тааливисто?

Ответом Фьольвиру была грустная улыбка.

— Он с вечера уже там. Они все уже там, братец. А нам нужен огонь.

В руке у незнакомца появился факел. Он зашел в общий дом, где в очаге могли долгую ночь рдеть и не гаснуть угли.

— Ты еще хочешь вернуться сюда? — крикнул доброхот изнутри.

Фьольвир оглянулся. Частокол, избы, гора мертвецов. Земля, впитавшая кровь и боль людей.

— Не знаю, — сказал он. — Нет.

— Понятно.

Из проема общей избы через мгновение плеснуло красным. Рыжие, жадные отблески заплясали по бревнам. Незнакомец появился с горящим, капающим смолой факелом.

— Я или ты? — спросил он.

Фьольвир подумал.

— Я, — сказал он. — Это мой народ.

— Тогда держи.

Пальцы Фьольвира сжались вокруг факела. Трепещущим жаром обмахнуло лицо. Клокочущее пламя чуть не цапнуло за бороду.

— Осторожнее! — крикнул незнакомец.

Шаг, другой.

Фьольвир вдруг потерял Хейвиску. Только что видел, только что различал ее под нависающими руками, головами, тряпками, шел к ней — и вот уже не может отделить ее от остальных мертвецов, проложенных деревом и соломой. Словно то, что не позволяло ей смешиваться с ними, пропало. Но, может, это было и к лучшему.

Жди меня, родная. Я скоро, подумал Фьольвир и опустил руку.

Огонь прыгнул с факела. Через несколько мгновений гора загудела и затрещала. Потянулись дымки. Запахло мясом. Вязки сухой соломы брызнули искрами. Через мертвых людей пламя принялось прокладывать себе путь наверх, облизывая головы, выглядывая из подмышек и щекоча пятки.

Треск и жар набрали силу.

— Все, все!

Незнакомец потянул замершего Фьольвира от огня. Мертвецы шевелились и переворачивались, словно искали позы поудобней. Несколько досок упали вниз. Воздух гудел, дрожал и плавился. Запах стал невыносим.

— Пошли!

Незнакомец вывел Фьольвира за частокол.

— Ночью подморозит, — сказал он. — Нам нужно успеть выбраться из залива.

— И куда мы поплывем? — спросил Фьольвир, не в силах отвернуть голову от огня и дыма, клубящегося над крышами.

Незнакомец оскалился.

— К кааряйнам.

У бревна перед спуском к заливу их ждал тюк с одеждой. Размотав повязку, Фьольвир передел штаны, натянул рубаху и крепкий, добротный, длиннополый везинг — все не родное, чужое. Потом подпоясался. Незнакомец передал ему топорик и нож. Следом из рук в руки перешли мешок с хлебом и мясом и баккель с водой.

— Пошли.

Незнакомец вооружился вторым топориком, сунул под мышку два коротких весла и по тропке принялся спускаться к воде. Фьольвир еще какое-то время постоял, глядя на зарево, встающее над частоколом, попытался пробудить в себе то ли боль, то ли сожаление, но не смог — внутри было холодно и пусто. Когда жадный, высокий язык пламени пожрал крышу общего дома, Фьольвир мотнул головой и пошел вслед за незнакомцем.

Мелкие окатыши закрипели под кожаными свейками.

Ожидая его, незнакомец сидел на корявом бревне рядом с причальными мостками и сбивал носком ноги верхушки мелких волн. Пустое лицо казалось задумчивым. Берег темнел обломками и ветками. Одинокая лодка качалась на воде. Для двоих она была маловата.

Небо с севера затягивало стылой пеной. Над заливом низко пролетели зимние утки. К скорому снегу.

— Не потонем? — кивнув на лодку, спросил Фьольвир.

— Не должны, — сказал незнакомец, соскакивая с бревна на камни. — Забирайся. Я — за тобой.

На дне лодки поблескивала вода.

— Мы так можем сразу в Тааливисто, — сказал Фьольвир, усаживаясь на скамью на корме.

— И не надейся.

— Мне-то что?

— Лови.

Незнакомец кинул Фьольвиру одно весло и легко перескочил на лодочный нос. Лодка закачалась. Вода плеснула в борт.

— Точно потонем, — сказал Фьольвир.

— Мы остороженько.

Перегнувшись, незнакомец отвязал веревку и оттолкнулся рукой от мостков. Лодку медленно повело в сторону.

— Все, не спи, — сказал доброхот, опуская свое весло в воду. — Я — справа, ты — слева.

Фьольвиру понадобилось несколько гребков, чтобы приспособиться к манере спутника. Три взмаха веслом, короткая передышка, снова три взмаха веслом. Лодка резала залив. Серые скалы плыли мимо. Над скалами вставали сосны. По Холму Аттитойне катилось мутное солнце.

Раз-два-три. Ф-фу. Выдох. Раз-два-три.

Узор скал менялся. Где-то они зарастали мхом, а где-то краснели, темнели жилами просочившихся наружу пород. Сосны качали кронами. На середине залива лодку подхватило течение, и незнакомец сложил весло на коленях.

— Знаешь про шкатулку Телеотта? — спросил он, повернувшись.

— Нет, — сказал Фьольвир.

— Был такой мелкий бог. Телеотт. Мастер вещей. Его не особо ценили в мире богов. Его, в сущности, и у вас не ценили. Вроде бы только где-то у хансов в его честь был построен маленький храм.

— Это ты?

— Телеотт? — незнакомец рассмеялся. — Нет, но я знал его. Он был косоглаз и не в меру волосат. К тому же был жутко любвеобилен. Ни одной более-менее смазливой ваэ-кири, то есть, прислужницы не пропускал.

— Но если он был так дурен собой...

— Он был бог.

— Ну, если так.

— Ты слушай дальше, арнасон, — сказал незнакомец. — Телеотт был женат. При этом женой его была сестра Наккинейсе, жены Йоруна, красавица Фенлиль, богиня страсти и любопытства. И брак состоялся очень даже по любви.

— Ты ее тоже знал? — спросил Фьольвир.

Незнакомец вздохнул.

— Бывало. Но это не важно. Важно то, что Телеотт, стремясь скрыть свои похождения от Фенлиль, смастерил шкатулку. Резную деревянную шкатулку с рунами «турсуз» и «эбо» на стенках. А на крышке была выложена рубинами неправильная руна «энхуз», меняющая живое на неживое. Стоило кому-нибудь коснуться шкатулки, как он оказывался внутри нее, пропадал из всех миров. Не то, что Фенлиль, сами Йорун с Хэнсуйерно не могли обнаружить пропавшего, а уж им-то были ведомы все уголки земных и посмертных миров, поскольку они были их создателями.

Стоило Фенлиль услышать где-нибудь во дворце рокочущий голос мужа и задорный женский смех, как она неслась туда в надежде поймать Телеотта возлежащим на супружеском ложе с одной из ваэ-кири, а то и с обычной земной женщиной. И что же она видела? Телеотт возлежал, но никакой женщины рядом не было и в помине. Ни под ложем, ни за коврами, ни за занавесками, ни в сундуках, ни в нишах, ни прижавшейся испуганной тенью за окном.

Телеотт же изображал недоумение и с обидой восклицал, что не заслужил и ничтожной доли тех подозрений, что он ловит во взгляде несравненной, распрекраснейшей и обаятельнейшей супруги.

Впрочем, долго длиться обману было не суждено.

Незнакомец замолчал, вскинул голову, и на губах его заиграла странная улыбка.

— Что там?

Фьольвир обернулся и увидел далекие красные сполохи над заливом.

— К ночи догорит, — сказал незнакомец.

— Может, мы зря? — спросил Фьольвир.

— Нет, — качнул косматой головой его спутник. — Должен быть знак. А огонь — хороший знак.

— Знак кому?

Незнакомец не ответил. Лодку несло вперед, к открытой воде. Холодный туман накрывал берега, прятал сосны и скалы. Темнело. Вода хлюпала на дне лодки.

— Однажды Телеотту надоело, что Фенлиль носится туда и сюда с горящим взором, мешая ему развлекаться, — продолжил незнакомец свой рассказ, сделав несколько

гребков, — и он попросил ее: «Загляни-ка, милая, в шкатулку. Там тебя ждет изумительное ожерелье моей работы».

— Заглянула? — спросил Фьольвир.

— Она была богиней любопытства, а не богиней мудрости. Ну и, конечно, пропала. Целую неделю после этого Телеотт блаженствовал в обществе десятка разных женщин, пока разъяренная Наккинейсе не вломилась во дворец в поисках сестры. Как рассказывали свидетели, Телеотт носился из одних покоев в другие, из термы в пиршественный зал, из зала — во внутренний сад, из сада — через комнаты слуг — опять в покои, а за ним летали блюда, вазы, щиты, ковры, камни, мраморная плитка, сорванные со стен полотна, освежеванный, но еще не зажаренный бык, мечи, стрелы, одежда, рабочие инструменты. Все эти предметы стремились его ударить или наподдать ему пониже спины. Спасения от них не было.

О, ярости своей жены побаивался даже Йорун.

В конце концов, избитый вещами Телеотт сдался и рассказал о шкатулке. Фенлиль выпустили наружу, и тут выяснилось, что для богов внутри не существует ни времени, ни пространства, они не могут там применить свои силы и вообще едва себя осознают. Мало того, выбраться самостоятельно из-под крышки с руной «энхуз» не имеют возможности даже верховные боги. Наккинейсе испробовала шкатулку и была в ужасе. Она хотела тут же разломать ее, но, подумав, отнесла мужу.

Так шкатулка перешла к Йоруну.

— Это сказка? — спросил Фьольвир.

Незнакомец хмыкнул.

— Это жизнь, братец.

— Я думал, боги другие.

— Такие же, как и люди, — сказал незнакомец. — Возможностей у них побольше и забот побольше, как с вахенами, а так...

Он опустил руку, набрал воды в ладонь и умыл лицо, пригладил волосы. Блеснули голубые глаза.

— Со временем, конечно, боги портятся, — сказал он. — То ли изначальная тьма на них так влияет, то ли собственное могущество. Но портятся, это точно.

— Наш Аттитойне не портился, — сказал Фьольвир.

— Это который почти медведь?

— Да.

— В строгом понимании, он и не бог, ваш Аттитойне, — сказал незнакомец. — Он, скорее, дух, ваэн, природная сила. В некотором смысле, конечно, бог, но очень особенный.

— Он нас хранил, — сказал Фьольвир.

Незнакомец кивнул.

— Здесь он молодец. Я с ним пил, но он, стервец, потребляет только мед. И мычит все больше. Ничего не понять, что мычит.

Он легко переменял позу, поджав под себя ногу, и повернул голову по направлению движения лодки. Впереди клубился туман, слева высилась белая скала.

— Выходим в море, — сказал Фьольвир.

— Давай-ка держаться берега, — предложил незнакомец.

Несколькими гребками они взяли ближе к скале. Туман неожиданно нахлынул стеной и объял лодку. Пропал залив, пропало небо, пропали, казалось, всякие звуки. Белый столп

скалы какое-то время еще виделся сквозь серую слоистую пелену, но скоро исчез и он. Стало жутко холодно. Дыхание спутников вырывалось густым паром. Фьольвир опустил руку к воде и обнаружил, что она стала едва ли не ледяной. Пальцы мгновенно скрючились.

— Такого не было раньше, — сказал он, пряча окоченевшую ладонь под мышку.

— Ну, мы же подали знак, — весело сказал незнакомец.

Туман то глотал его фигуру на носу лодки, то, видимо, не умея переварить, отхаркивал обратно.

— Кому мы подали знак? — спросил Фьольвир.

Незнакомец показал пальцем в небо.

— Там же никого нет, — сказал Фьольвир.

— Ошибаешься, братец.

— И кто там?

Доброхот не ответил. Внезапно в сером безмолвии послышался звук. Что-то заскреблось о борт. Фьольвир наклонился, и увидел мелкие льдинки, притирающиеся к лодке. Сначала их было немного, но скоро с моря нанесло столько, что под ними скрылась открытая вода. Туман стоял плотно, но в нем, кажется, кипела невидимая работа: крепи, росли, напоздали друг на друга льдины, потрескивали и, смерзаясь, превращались в белое ледяное, протянувшееся, наверное, до самого Морозного замка полотно.

Хрустальный звон поплыл над заливом.

— Это что, тоже знак? — спросил Фьольвир.

— Почти, — сказал незнакомец.

Он перехватил весло так, словно собирался им от кого-то защищаться. Вода на дне лодки замерзла, и Фьольвир с трудом освободил прихваченную ледком ногу. По примеру спутника он тоже взял весло в обе руки.

— И что да...

— Тс-с-с! — прошипел незнакомец.

Фьольвир насторожил слух. Звон плыл со всех сторон. Дон-дон-дон. Словно кто-то на собачьих упряжках с колокольчиками пересекал замерзшее море. Много упряжек. Много колокольчиков. Потерялись люди. Бегут мохнолапые, круглоголовые тиккси, сбившись в тумане с пути.

Фьольвир привстал, всматриваясь. Ему казалось, еще мгновение — и, вывалив языки, собаки вылетят им навстречу.

Но нет, нет. Звон прекратился также внезапно, как и возник. Установилась тишина, прерываемая лишь посвистом ветра. Вокруг лодки закружились снежинки, туман слегка протаял, утратил плотность, и в нем на расстоянии десяти шагов то там, то здесь Фьольвир стал улавливать изломанные темные силуэты. Стоило сконцентрировать на таком силуэте взгляд, и он, словно почувствовав, отворачивал вбок, осыпался, терял руки, ноги, голову, падал и беззвучно разбивался о лед.

— Не спи!

Незнакомец резко выбросил весло, едва не задев Фьольвира. Тень, которая совсем близко подобралась к лодке, получила лопастью в грудь и, раскрыв голодный провал рта, повалилась за борт. Брызнула ледяная крошка.

— Кто это? — спросил Фьольвир, запнувшись о скамью.

— Не важно.

Незнакомец блеснул глазами, ощерился и, сделав оборот, поразил еще одну тень,

решившую выползти на нос лодки. Лопасть безжалостно опустилась сверху, и серая голова, увенчанная снежными космами, лопнула, развалилась надвое. Беззвучный вопль всколыхнул туман.

— Бей!

Фьольвир повернулся, но не успел отреагировать — возникшая перед ним зыбкая фигура вцепилась в его весло обеими руками. Она была безноса и безглаза. Изморось составляла ее вытянутое лицо. В широком провале рта танцевал синий язык.

— Бей же! — крикнул незнакомец.

— Как? — заорал Фьольвир.

Несколько мгновений они с фигурой перетягивали весло друг на друга. Туманная тварь шипела, обдавая колким холодом, и дергала все сильнее, с каждым новым рывком грозя лишить Фьольвира оружия. Помощи от незнакомца ждать не приходилось — на него с двух сторон надели двое, по очереди возникая из снежной поземки и ловко уворачиваясь от выпадов противника. Доброхот, впрочем, нашел время между взмахами веслом предупредить спутника.

— Только потеряй мне весло, арнасон!

— Я держу! — крикнул Фьольвир.

Он вспомнил, что у него есть ноги, и что есть мочи пнул фигуру в живот. Боль пронзила ступню, зато тварь, согнувшись, бесследно пропала в тумане. Ледяные пальцы, обнимающие веретено весла, Фьольвир брезгливо сбил в снег.

— У-ху! — крикнул он, празднуя победу.

— Смотри в оба! — приглушил его радость незнакомец.

— Уже!

Вмерзшая лодка стояла, как твердая земля. Передвигаться по ней стало можно без опаски черпнуть воды или перевернуться. Фьольвир скакнул на нос, помогая своему спутнику с хитрыми, морочащими его тварями. Оцепенение прошло, и ему сделалось весело и бесстрашно.

Р-раз! Получай! Мимо? Ну, что ж. А сейчас? Р-раз! Ха! Весло поймало тень на самом взлете, когда снежные лохмы и серая голова только выныривали из-под намерзших вокруг льдин. Хлоп! Фигура ткнулась обратно в лед, плечи оплыли и посыпались крошкой, которую тут же закружил ветер.

Готово! Фьольвир вскинул глаза. Туман. Ни одного ориентира. В заливе они или уже в море?

— Назад иди! — крикнул незнакомец под свист ветра.

— Там ничего...

Договорить Фьольвир не успел. Лодку вдруг подбило снизу, нос ее, с треском ломая лед, взмыл вверх, и оба путешественника не удержались на ногах. Фьольвира опрокинуло и приложило лопатками о скамью, весло, встав в распор, зажало голень, а незнакомец вылетел за борт.

Так же внезапно лодка с шумом обрушилась вниз, породив веер темных водяных брызг. Фьольвир выковырял весло, повернувшись, встал на четвереньки и нос к носу столкнулся с заползающей на корму тварью. Вот тебе и ничего. Тварь была широка, снежное кружево обметало жирное горло, слепое лицо улыбалось.

Фьольвир ткнул в нее веслом, но попал прямо в пасть. Лопасть треснула и выстрелила щепками. Несколько мгновений тварь перемалывала дерево, а потом рывком, цепляясь за

борта кривыми, когтистыми лапами, надвинулась на человека. Нос лодки снова принялся задирается вверх, и бежать стало некуда. Только если сигать прямо в воду, которая чернотой проступала сквозь чешую разбитых ледышек.

Вслепую оскребая доски, Фьольвир нащупал рукоять топорика и выставил его перед собой.

— Убью!

Тварь на мгновение отклонилась, но, видимо, топорик и сам Фьольвир ее не испугали. Она еще глубже наползла на лодку. Дыхание ее заморозило везинг Фьольвира, превратив его в ледяной корсет.

— Убью!

Упираясь носками в ребро скамьи, Фьольвир замахал топориком. Тварь надвинулась еще, и длинное лезвие, натолкнувшись на преграду, выбило из подставленного, бугристого плеча льдистую крошку.

Дзонн!

— Тебе что, в Тааливисто? — закричал Фьольвир, снова вскидывая топорик. — Мы туда не собираемся!

— У-у-у! — выдохнула тварь.

Облако густого, морозного воздуха обожгло Фьольвиру лицо, ослепило. Он ощутил, как стынют губы, зубы, щеки, как стекленеют глаза. Борода и брови заледенели. Больно. Больно!

— Ы-ы! — замычал Фьольвир.

Оружие выпало из его руки. Лодку качнуло. Фьольвир повалился, почти ничего не видя и не соображая. За ледяной шторкой, залепившей веки, вправо и влево ходила косая тень. Тварь? Ее лапы? Он почти простился с жизнью, когда услышал:

— Не спи, арнасон!

— Ы? — вскинулся он.

Незнакомец хрипло, словно кого-то с усилием сдерживая, произнес:

— Мне тут, понимаешь, нужна твоя помощь, арнасон. Я был бы очень бла... годарен тебе, если бы ты прекратил изображать... мешок с дерьмом.

На корме раздался треск. Лодку снова подбросило.

— Ы!

Фьольвир вскочил. Как в его руке оказался топорик, осталось великой тайной. Может быть, сам прыгнул в пальцы. Едва ли что-то разбирая перед собой, Фьольвир с мычанием ринулся в бой. Он запнулся о скамью, но сумел устоять на ногах, ободрав ладонь о расщепленный борт.

— Ы-а!

Темнота сконцентрировалась перед ним, загустела, зашевелилась. Кто еще это может быть, кроме твари? Ух, громадина! Фьольвир замахал топориком, через раз ощущая, что попадает и попадает хорошо. Дзонн! Дзонн! Ну-ка, еще раз!

Эх, помахнулся!

— Арнасон!

Сердитый голос спутника сквозь бряканье ледышек в волосах донесся до Фьольвира откуда-то сбоку и сверху.

— Ы? — выдохнул Фьольвир, задирая голову, чтобы хоть что-то увидеть.

Свет преломлялся, тени плодили тени.

— Смотри, куда бьешь, придурок! — крикнул незнакомец.

— Ы?

— Глаза разуй!

Фьольвир отступил, сбил лед с бровей и ресниц и, срывая ногти, соскреб наконец с лица ледяную маску. Зрение тут же прояснилось, о чем он сразу и пожалел.

— О, боги, — простонал Фьольвир.

Оказалось, что то, что навалилось на корму, было только малой частью чудовища. Сейчас оно, похожее на паука, островом выросло над лодкой. Две пары корявых трехпалых лап вцепились в доски, испещренное узорами, посверкивающее кристаллами льда брюхо нависло складками, а суставчатые изломы задних лап проступали из тумана, будто колонны древнего, разрушенного храма. Еще пара лап занималась тем, что вычесывала тело, рождая сотрясение складок и громкие, скребущие звуки.

Высоко сверху слепыми глазами смотрел на Фьольвира совсем скромный на фоне тела бугорок головы.

— Не спи, арнасон!

— Не сплю! — крикнул Фьольвир, пытаюсь понять, где находится незнакомец.

— Ну так поднимайся ко мне!

— Куда?

— На тварь, арнасон! Я ее держу!

— Как?

— По брюху, арансон!

Незнакомец на мгновение возник на вершине твари, проступил сквозь туман, и тут же скрылся. Одна из лап устремилась к месту, где он только что стоял. Вторая ожесточенно заскребла левее.

— Будь осторожен, арнасон!

— Понял! — крикнул Фьольвир.

— И захвати топорик!

— Уже!

Маттиорайс поставил ногу на скамью, выбирая, куда и как половчей забраться. Тварь плялилась с высоты своего роста, и то, что она пока ничего не предпринимала на счет второй готовой запрыгнуть на нее блохи, не вводило Фьольвира в заблуждение. Лапы-то почти разодрали лодочную корму.

— Что ты тянешь? — крикнул незнакомец.

— А лодка?

— Она не нужна. Перебирайся.

— Можно?

— Не зли меня, арнасон!

— Понял!

Лодка не нужна. Не нужна лодка. Очень интересно получается. Плыли, плыли, приплыли. Фьольвир нахмурился и некоторое время потратил, чтобы выковырять из льда на дне лодки мешок с едой и баккель. Если лодка не нужна, то продукты ему очень даже пригодятся. Потом он собрался с духом и, косясь на лапы чудовища, прыгнул на похожий на ступеньку валик жирного живота. Никакой реакции от твари не последовало, она лишь качнулась на темной воде, но все прихваченные сокровища едва не посыпались у Фьольвира из рук.

— Живей, Маттиорайс!

Незнакомец, похоже, задался целью вывести спутника из себя. Как еще углядел?

— Я уже!

Неслышно ругаясь сквозь зубы, Фьольвир сильнее стиснул вещи и полез по твари. Не забывая поглядывать на лапы, он перебирался со складки на складку. Вот поднялся на два человеческих роста вверх. Вот уже на три. Лодка внизу потеряла в размерах. Еще немного, и станет похожа на игрушечную. В детстве не один десяток вырезанных из коры лодок они с Эртином весенними ручьями запускали в залив.

Фьольвир подавил вздох. Эртин, должно быть, уже в Тааливисто. Хорошо ему! А некоторым приходится...

— Арнасон! — крикнул неугомонный незнакомец.

— Здесь я! — отозвался Фьольвир, останавливаясь для передышки.

Туман потерял плотность, и в промоины с высоты виднелись то чистая вода, то ледовое поле, расколотое несколькими трещинами. По льдинам потеряно бродили тени, потеряв, видимо, и лодку, и лодочников. Справа Фьольвир заметил рисунок окаймляющих залив скал. Не так уж и далеко.

— Арнасон!

— О-у!

Фьольвир, помогая себе топориком, оттолкнулся от ледяного кристалла, растущего из шкуры твари.

— Будь осторожен! — напомнил незнакомец.

— Да!

— Не поднимайся к голове!

— Хо...

Фьольвир замер, обнаружив вдруг, что слепые глаза твари, затянутые кожистыми мешочками, смотрят прямо на него.

— А если уже? — негромко спросил он.

— О, придурок! — завопил незнакомец. — Ради Йоруна, отворачивай в сторону! Быстро! В сторону!

— Сейчас.

Фьольвир наклонился за выпавшим из мешка ломтем хлеба, и спасло его только то, что он запнулся и утонул в складке. Студеное белое облако с хрипом вырвалось из широкой пасти чудовища и обрушилось вниз, лишь вскользь, по свейке, обдав Фьольвира жутким холодом. Быть бы ему ледышкой, окажись он на его пути!

— Арнасон!

— Я жив, жив!

Задышавшись, Фьольвир ползком покинул опасное место, закинул на вершину мешок с баккелем и, подтаскивая закованную в лед ногу, взобрался сам. Ему открылся поросший редким черным волосом бугристый загривок чудовища. Там же, на загривке, среди встопорченных кривых чешуек, обнаружился и незнакомец. Он плясал. Высоко над ним трепетали и дергались, словно выцеливая, когти двух вознесенных лап. Языки тумана, сляясь, обтекали загривок по краям. Щетина, как неведомый лес, вставала справа и слева.

— Эй! — махнул рукой Фьольвир.

— Иди сюда! — крикнул незнакомец, не останавливая своей пляски.

Вблизи оказалось, что он скачет по круглым серым пятнам, расположенным вокруг пунцовой бляшки.

— Что это?

Заглядываясь на снующие сверху лапы, Фьольвир на четвереньках подобрался к скачущему спутнику.

— Занимай мое место! — крикнул незнакомец.

— Я?

— А кто еще?

— Но я...

— Живо!

Незнакомец подскочил к Фьольвиру и выхватил из его рук топорик. Лапы вздернулись, внизу, от лодки, раздался треск.

— Ну же! — подтолкнул незнакомец своего спутника. — Коггфальтаддир сейчас опомнится!

— Когг...

Договорить Фьольвиру не удалось, потому что недружелюбный пинок отправил его к месту пляски. Серое пятно тонкой кожи обнаружилось под ногами, сквозь него проступали темные витки то ли жил, то ли вен.

— Прыгай!

Фьольвир запрокинул голову и увидел, как одна из лап хищно зависла над ним. Коготь на ее конце сочился мутным соком. Одно движение — и я буду похож на мясо на палочке, подумал Фьольвир.

— Прыгай, Хэн тебя побери! — крикнул незнакомец.

Неясное лицо его вдруг приобрело страшный оскал. Фьольвир прыгнул, едва не задев макушкой коготь. Лед брызнул из-под ступни. Жила под свейками продавилась, и лапа, потеряв Фьольвира, как цель, качнулась в сторону.

— Еще! — потребовал незнакомец.

Фьольвир прыгнул еще. Лапа рухнула куда-то в туман, вместо нее неуверенно, с другого краю, выплыла вторая.

— Дальше! — показал незнакомец на новое пятно.

Сам он, присев, бил топориком в основание пунцовой бляшки. Рука его ходила без усталости, летели искры и мелкие осколки.

— Прыгай, прыгай! — кричал он в звоне металла о чешуйку каменной твердости.

Фьольвир прыгал.

С одного пятна на другое. На третье. На четвертое. Вокруг пунцовой бляшки, которая раскрывалась все больше и больше. Лапы чудовища мотались над его головой, иногда распарывая воздух когтями в опасной близости. От особо удачного прыжка по ним словно проходила судорога, и то одна, то другая лапа на несколько мгновений с шумным плеском уходила вниз, в воду. Туман закручивался, то густел, то редел, приподнимался и опускался, и в разрывы виделось море.

Фьольвир прыгал. Незнакомец лупил по остаткам бляшки обухом. Тварь покачивалась под ногами.

На мгновение Фьольвиру показалось, будто рядом, за спиной, хлопает в ладоши радостная Хейвиска, хохочет от танца, в расшитом платье, в бусах, тяжелые волосы убраны под лайру, которую носят все женатые женщины. В улыбке, в хохоте — всего одна просьба: еще, мой муж, еще!

Фьольвир остановился, обернулся. Женская фигура, если и была, пропала в тумане,

который, словно осмелев, надвинулся, наплыл холодными клубами. Ничего не видно, ничего, даже воды.

— Прыгай! — крикнул незнакомец.

— Да-да, — кивнул Фьольвир.

Но ноги больше не шли. Они казались чужими, неподъемно-тяжелыми и не желали гнуться. Фьольвир переступил ими и свалился на задницу.

— Все, незнакомец, — сказал он. — Прости.

В ответ безликий спутник Фьольвира пожелал ему частых совокуплений с темными порождениями Хэнсуйерно, потом предложил убираться к вахенам и что есть силы застучал топориком по остаткам бляшки.

Фьольвир раскинул руки.

Под звон топорика и костяной хруст он смотрел, как из завитков тумана над ним проступает лапа чудовища, как нацеливает прямо в грудь свой загнутый коготь, как слегка оттягивается, чтобы набрать стремительную силу. Дальше смотреть было незачем. Фьольвир закрыл глаза. Здравствуй, Тааливи...

— Ф-фууу! — сказал незнакомец, шумно опускаясь рядом. — Успел!

— В смысле? — спросил Фьольвир, не спеша открывать глаза.

— Добрался до нервного узла.

— И что теперь?

Незнакомец хлопнул спутника по животу.

— Плыдем, арнасон! Плыдем на Коггфальтаддире, крушителе кораблей, морозном ужасе, одном из созданий Хэнсуйерно. Правда же, он был в дурном настроении, когда делал это чудище. Глупое, жадное животное.

— Хэнсуйерно?

— Чудище, арнасон. А ты, честное слово, хуже вахена, хотя хуже их некуда. Почему перестал прыгать?

— Устал, — сказал Фьольвир.

— Ты же вроде ватангером плавал, — сказал незнакомец, — тяжелая работа, насколько я знаю.

— Это другое.

— Ну да, ну да, тебе бы в Тааливисто. А я думал, что мы договорились. Не хочется мир спасать?

— Я же помогаю.

— Эх, арнасон, — вздохнул незнакомец, — знал бы ты с мое, вприпрыжку бы по воде за каарайнами побежал. Понимаешь, все, все умрет.

Фьольвир помолчал. Он хотел сказать, что не чувствует себя живым и поэтому ничего не понимает в ценности жизни, но спросил другое:

— А этот Коггфаль...

— Коггфальтаддир?

— Да, он. Он за нами сюда приплыл? Ну, то есть, убить нас?

Незнакомец фыркнул.

— По-моему, более очевидных закономерностей не бывает. Мы плывем, что-то плывет нам навстречу.

Фьольвир открыл глаза.

— А сейчас он не тонет?

— Нет, течение как раз отнесет его туда, куда нам надо.

— Это куда? — чуть повернул голову Фьольвир.

Незнакомец повернул голову в ответ. На пустом лице проступила улыбка.

— К Хельматъйодифьорду. Оттуда до земель кааряйнов будет всего день пути.

— Они ведь не просто к нам пришли?

— Нет.

— Из-за тебя?

Незнакомец не ответил. Туман редел. Сквозь него то и дело проглядывало небо в лоскутах высоких серых облаков. Само небо было цвета старого одеяла, как-то выданного из запасов Фьольвиру и Хейвиске, как молодой семье. Многожды стиранное, сотни раз битое о камни, он растеряло весь свой изначальный цвет и имело странный изжелта-голубоватый оттенок. Вот и небо было таким.

— А как тебя зовут? — спросил Фьольвир.

— Никак, — ответил незнакомец.

— Не может быть.

— Уннومه. Так меня звал Йорун. То есть, безымянный. А когда был в хорошем настроении, звал Уннотюрком. Безымянным богом.

— Почему?

— Настроение хорошее.

— Нет-нет, — сказал Фьольвир. — Почему тебе так и не дали имени?

— А я был никто.

— Даже не бог? — удивился Фьольвир.

— Какой там бог! — хмыкнул незнакомец. — Был бы я богом, хотя бы самым мелким...

Но, знаешь, не свезло. Хранитель, слуга, бойцовая кукла...

— Это как?

— Это когда на тебя натягивают доспех, и ты бегаешь от Йорунова копья или Стергрунова меча, покуда удачи хватит. Такое не часто происходило, конечно, Офнир так вообще не любитель, но перепадало мне хорошо. Иной раз до Тааливисто в глазах. Сейчас вот думаю, может и хорошо, что не бог.

— А могли убить?

— Не знаю, — сказал незнакомец. — У меня, собственно, и тела-то нет. Это вот, — он приподнял руку, — чужое.

Они помолчали. Где-то внизу поплескивала вода. Было на удивление тихо, покойно. Фьольвир похлопал чудовище по твердым пластинам под собой.

— А Коггфальтадир — сын Хэнсуйерно и Оккима-Лаити?

Безымянный незнакомец хохотнул.

— Что ты! Сыновья у них нормальные. Ну, по-своему. А это так, создание.

— Неживое?

— Почему? Живое. Но не рожденное. Здесь большая разница.

— И как же его... ну...

— Создали? Очень просто. Берешь первоматерию, обжигаешь светом и тьмой и лупишь по ней молотом, что есть силы. Шучу. Там немного другой процесс. Но у Йоруна очень даже хорошо получается, а у Хэнсуйерно, честно говоря, не очень. У него сознание засмертным миром испорчено, все какая-то жуть выходит.

— Я сражался с некоторыми, — сказал Фьольвир.

— С кем?

— Ну, когда на эйке копил, мы с отцом много где работу искали. Нас часто брали охраной в обозы. Арнасонов охотно нанимают, мы — хорошие воины.

— По тебе не скажешь.

— Я действительно не лучший воин, — улыбнулся Фьольвир, вспоминая. — Не люблю мечом махать. Вот Эртин-щитолом или отец... Но ведь не спаслись. Почему ты не взял их вместо меня?

— Только в тебе теплилось немного жизни, арнасон, — глухо ответил незнакомец. — Я брал, что есть.

— Как свое тело?

— Да.

— А знаешь, кто такие — эггвельснаке? Мы однажды сражались с эггвельснаке.

— Ни разу не слышал. Наверное, создания макафиков и прочих слуг. Йорун не очень-то следил за тем, что у вас творится. Он, в основном, по балансу. За мелкую нечисть отвечали местные божки, вот как твой Аттитойне. Не всегда они, конечно, могли справиться с бедой, и тогда в дело вступали боги постарше. Правда, понятия времени у богов с людьми разные. Вам — день, им — минута. Вам — год, им — несколько часов.

— А боги когда-нибудь отступались? — спросил Фьольвир.

Незнакомец вздохнул.

— Тебе соврать, арнасон?

— Нет.

— Боги любят все пустить на самотек. Увы. Даже самый упорядоченный Стергун. Понимаешь, для баланса кроме уровней ответственности Йорун придумал героев. Какой-нибудь из людей получал толику божественной силы и навязчивый объект ее приложения. У того иного выхода не было, как пойти и навалить местному нарушению баланса. И если герой погибал, возникал новый с той же задачей. Так все решалось. Постой!

Незнакомец сел.

— Что? — спросил Фьольвир.

Поборов боль в ногах, он сел тоже.

— Я же недорассказал тебе про Телеотта! — сказал незнакомец и пробарабанил по шкуре чудовища. — На чем я остановился?

Фьольвир пожал плечами.

— Не помню.

— Про то, как Телеотт Фенлиль в шкатулку спрятал, рассказывал?

— Да, — кивнул Фьольвир и подтянул к себе мешок с уцелевшими продуктами, — кажется, в конце концов, шкатулка досталась Йоруну.

Он вытащил из мешка луковицу, соскреб ногтями верхние листья и вонзил в нее зубы так, что сок брызнул на бороду.

— Войца-пекку! — подскочил незнакомец. — Я тоже так хочу!

— Есть мясо и хлеб, — сказал Фьольвир.

Он подкинул мешок спутнику, а сам скрутил пробку с горлышка баккеля. Вода была студеной и, кажется, даже с кристалликами льда.

Какое-то время они подкреплялись, передавая друг другу хлебные ломти и куски жирной свинины. На пустом лице незнакомца сверкали глаза и проступали надувающиеся, набитые мясом щеки.

Туман скоро сошел на нет. Ледяное поле осталось позади, и простор северного моря открылся спутникам. Черная вода окружила Коггфальтадира. Правда, по правую руку нет-нет и виднелись зубцы скалистого берега. Фьольвир посмотрел вниз с пупырышка головы, и увидел, как толкуются впереди чудовища остатки лодки. Волны словно пытались вонзить их в складки гигантского живота.

— Что там? — спросил незнакомец.

— Ничего, — ответил Фьольвир.

— Так вот, о шкатулке, — встал рядом незнакомец. — Когда Йорун на одной из пирушек рассказал о ней собравшимся, некоторые сразу положили на нее глаз. С просьбой одолжить эту шкатулку на время кто только к Йоруну не подходил. Начистоту: верховному богу прочим богам, пожалуй, и предложить нечего, у него все есть, а нет, так будет. Но, знаешь, все равно предлагали, и себя, и чудеса, и диковины, и людей, и земли. Как ты понимаешь, во многих божественных головах сложилась простая комбинация — поместить всех в шкатулку и править единолично и безудержно.

— А Йорун разве этого не понимал? — спросил Фьольвир.

— Понимал. И смеялся.

— Почему?

Незнакомец повел плечом, словно ему что-то жало в подмышке.

— Иные боги ведь не умней людей, — сказал он. — Те, что пытались выкрасть шкатулку, пропадали в ней, едва ее коснувшись. А Йорун с моей помощью их потом выпускал. Как жучков или мушек, попавшихся в ловушку. Хохотал, знаешь, до икоты. Стыдил: что ж ты, Гремнир! Что ж ты, Крайя...

— А если бы кто-то сообразил, что для того, чтобы завладеть шкатулкой, не обязательно хватать ее самому?

Незнакомец несильно толкнул Фьольвира в плечо.

— Так и случилось, арнасон. В непробитой голове — умные мысли. Догадаешься, кто сообразил?

Фьольвир перебрал в уме всех богов, которых знал. Аттитойне, Спаллир, бог ветра и облаков, Ульдафьоллир, бог удачи. Потом — Хверлуф, ваэн южного леса, обросший мхом белый олень, и Дольфур, резчик скал, сам похожий на камень. Потом Гойнир, бог глины и гончарного мастерства, Калнир, бог оружия и железа, Кейса, богиня урожая. Еще — Ситтим, богиня дома и домашнего очага.

Вряд ли, подумал Фьольвир, мелкие боги бывали во дворце Йоруна. Боги постарше, пожалуй, и бывали, но кто бы их допустил в личные покои? А сил проникнуть туда незамеченными у них нет и подавно.

— Долго тужишься, арнасон, — сказал незнакомец.

Фьольвир сморщился — не мешай.

Значит, это боги верховные, продолжил размышлять он, близкие или Йоруну, или Наккинейсе, или обоим вместе. Которые могли входить во дворец Копьеносца, как к себе домой. Это братья Стергрун и Офнир, Крайя, Липпа, бог войны и бедствий Кеххиль, стерегущий ворота во тьму, бог вина и развлечений Тоэльдир и, наверное, богиня врачевания и мира Зебна.

Стергруна и Зебну Фьольвир сразу отмел. Во всех сказаниях, что он слышал, ни бог порядка, ни богиня мира никогда не участвовали ни в каких интригах, не старались никого подсадить, а всегда выступали судьями и примирителями. Пожалуй, божественные склоки и

перепалки были также далеки и от Липпы. Немая богиня весны и птиц тенью следовала за своим Офниром, и не имела не только голоса, но и, похоже, своего мнения. Никто не понимал, думает ли она о чем-то или ком-то еще, кроме мужа. Об этом даже существовало отдельное сказание. Называлось: «Посрамление Тоэльдира».

Собственно, с Липпой можно было исключать и Офнира. Вспыльчивый, задиристый, насмешливый бог часто спорил со старшими братьями, был горяч и порывист, но на место Йоруна никогда не претендовал. Правда, из-за простодушия часто позволял манипулировать собой что Кехххилью, что Тоэльдиру, что Наккинейсе.

И все же нет, нет, в то, что охоту на шкатулку затеял бы Офнир, Фьольвир не верил.

Края, по словам незнакомца, один раз уже попалась и вряд ли решилась бы на новую попытку. Кто оставался? Кехххиль? Он мог. Но все, что интересовало по сказаниям Кехххилья — это война с вахенами. Ради этого сажать в шкатулку Йоруна и прочих несогласных богов... С кем бы Кехххиль остался тогда на пороге тьмы?

Значит...

— Ну, арнасон!

— Тоэльдир! — выкрикнул Фьольвир.

Незнакомец похмыкал.

— Ну, если быть честным, ты где-то рядом. Еще попытка, арнасон. Драться ты не любишь, так дай простор уму. Тут богов-то, кто мог влезть в покои к Йоруно, — по пальцам пересчитать.

Фьольвир стиснул бороду в кулаке.

— Жена! Наккинейсе!

— Кто?

Незнакомец захохотал, склонился. Лоб его боднул Фьольвиру грудь.

— О, мой бедный любитель потанцевать на полянке! — всхлипывая, проговорил он. — Конечно же, Наккинейсе принесла мужу злосчастную шкатулку, чтобы потом украсть! Только об этом и думала, пока шла с подарком дорогому супругу. Одно же не противоречит другому, нет? Кстати, знаешь, как она ее несла? Я ее нес!

— Погоди!

Фьольвир оттолкнул незнакомца, чтобы не лез к нему со своим пустым, насмешливым лицом, и, отвернувшись, уткнулся взглядом в черноту воды впереди. Волны то и дело одевались шапками пены. Ветер крепчал.

Не Тоэльдир, не Наккинейсе. Не Кехххиль же в самом деле? А кто еще остается?

— Зачем ты вообще мне про шкатулку рассказываешь? — раздраженно спросил Фьольвир.

— Как зачем? — удивился незнакомец. — В ней же все и дело!

— Как — в ней?

— Потому что все боги, мой арнасон, сейчас в ней!

Глаза Фьольвира расширились. Он понял.

— Хэнсуйерно! Это был Хэнсуйерно!

Незнакомец хлопнул в ладоши.

— Верно, арнасон, верно! Наконец-то и ты сообразил! Кому как не Экке Хэнсуйерно, сосланному в посмертный мир, стерегущему мертвецов и их сны, питать тихую ненависть к сложившемуся порядку? Ведь он был равным Йоруно! Он вполне мог бы сидеть вместе Копьеносца в Небесном дворце. И Наккинейсе... Ты знал, что они с Йоруном вместе

добивались ее?

— Нет, — сказал Фьольвир.

— Так знай. И, кстати, там все было не так уж и однозначно с выбором. Йорун, в сущности... Но не будем об этом, пожалуй.

— Постой! Хэнсуйерно же тоже бог!

— Да. Только он послал за шкатулкой своего слугу, наделил того божественной невидимостью, и тот совершил подмену. Даже я, если уж на то пошло, ничего не заметил. На столике у Йоруна осталась стоять точно такая же шкатулка, но с правильной руной «энхуз», пустая и бесполезная. В которую бог, если захочет, конечно, спрячется, но вот и выбраться из нее ему не составит труда. А настоящая шкатулка отправилась в подземный дворец Хэнсуйерно.

Фьольвир заметил, что слушает незнакомца, пустив слюну, и закрыл рот.

— А дальше?

— Дальше? — пожал плечами спутник. — Дальше очень просто. У слуги, очень сильного макафика по имени Мтаг, имелось собственное мнение, как использовать шкатулку Телеотта. Догадаешься, кто оказался первой его жертвой?

— Хэнсуйерно?

Незнакомец кивнул.

— Оба. И Экки, и его жена, Оккима-Лаити. И еще десяток богов и божков, населяющих посмертный мир.

— Но как же остальные боги?

— А что остальные боги? Они же — боги! Разве есть им дело до чего-то, кроме себя? Ну, пропали Экки с женой. Разве они уже уединиться не могут? Могут! Согласие да любовь! Вообще, чем меньше этот противный рогач мозолит глаза со своей змеей, тем легче дышится. По крайней мере так было сказано в кругу вполне солидных богов.

— Но как Мтаг...

— Здесь проще простого, — отмахнулся незнакомец. — Еще Хэнсуйерно подгадывал кражу шкатулки к большому празднику, Дню обуздания изначальной тьмы. А большой праздник у Йоруна — это пир, на котором обязаны отметить все боги и даже ваэны без исключения. Могу тебе сказать, арнасон, не так-то просто рассадить двести пятьдесят не самых покладистых существ.

— Но Хэнсуйерно...

— Я же говорю, там особые отношения, — скривился незнакомец и обстучал топорик о ногу, сбивая каменную чешую с лезвия. — Особые! Присутствие бога посмертного мира как бы изначально не предполагалось. Хотя ему и выделен был любимый костяной стул.

— А как же Мтаг проник туда? — спросил Фьольвир.

Незнакомец усмехнулся.

— Как, видимо, и планировалось Хэнсуйерно изначально. Не сам же бы он принес шкатулку на пиршество. Мтаг сыграл роль одного из слуг.

— И что, подходил к каждому богу? А другие не замечали, что их соседи — хлоп! — и исчезают бесследно?

— Ох, все было не так. Ты бежишь впереди рассказа, арнасон, как впереди бога. Здесь ты стремителен, как никогда. Так бы на Коггфальтаддира забирался и по его заливку прыгал.

— Я прыгал! — заявил Фьольвир.

— Ты прыгал...

Незнакомец умолк. Его безликое лицо сложилось складкой.

— Сейчас я думаю, — негромко продолжил он, словно пребывая в задумчивости, — что это было что-то вроде проекции шкатулки на окружающие предметы. Как будто на короткий миг все, к чему прикасались боги на пиру, сделалось стенкой, крышкой, плашкой, руной шкатулки. Так просто не объяснишь. Когда Йорун, подняв чашу, провозгласил здравицу всем присутствующим, вместе с ним одолевшим изначальную тьму, и тюры, то есть, боги, и ваэны слитно вскинули кубки...

Последовал тяжелый вздох.

— Все исчезли? — спросил Фьольвир.

Незнакомец кивнул.

— Да, арнасон.

— погоди, но не может же быть, что все боги собрались в Небесном дворце! Кто-то, наверное, болел...

— Болел?

— Ну, был в опале. Или сражался с творениями Хэнсуйерно. Или разбирался с неотложными делами.

Незнакомец покачал головой.

— Если и остались какие-то боги, то совсем мелкие ваэны. Может, два-три забытых божка. Противостоят Мтагу они не смогут.

— А мы сможем? — спросил Фьольвир.

— Ты, — указал на спутника незнакомец. — Ты сможешь.

Фьольвир рассмеялся, и смех вышел невеселый.

— Как?

Незнакомец похлопал его по плечу.

— Ты забыл, что я говорил про героев?

Коггфальтаддира медленно разворачивало течением. Одна из гигантских задних лап сложилась с тяжелым плеском. Впереди, чуть правее, севернее, показался крохотный островок — неровная линия прорастающих из воды скал.

— Давай-ка мы немного поправим нашего пловца, — сказал незнакомец. — А то тут можно застрять.

Прихватив Фьольвира, он вернулся к разбитой бляшке. Все вокруг было измазано оранжевой кровью чудовища. Опустившись на колени, незнакомец, сморщившись, сунул руку в проделанную топориком дыру.

— Арнасон!

— Да, — отозвался Фьольвир.

— Попрыгай на пятнах слева от меня.

— Опять?

— О, Йорун! Да!

Фьольвир шумно вздохнул, выказывая недовольство. Кем его взяли? Героем ли? Он встал на одно из пятен и прыгнул. Тонкая кожа продавилась под свейками, проступающая жила скользнула в сторону.

Ничего не произошло.

— Еще! — потребовал незнакомец.

Сам он лег на бляшку чуть ли не всей грудью. Подбородок его украсила кровь чудовища и стало казаться, будто он победил Коггфальтаддира, загрызя его насмерть.

Фьольвир прыгнул снова и ощутил, как мертвый монстр под ним внезапно дрогнул, шевельнув конечностями.

— Еще!

Незнакомец ушел рукой в чудовище чуть ли не по плечо, стараясь добраться до нервного узла. После третьего или четвертого прыжка крушитель кораблей и морозный ужас дернул лапами уже слитно и вопреки течению загреб к северу. Скалистый островок стал ближе, но незнакомцу и этого показалось мало.

— Ну же, Маттиорайс! — крикнул он.

Фьольвир выругался и, разозлившись, какое-то время скакал с пятна на пятно, как заведенный, стараясь попадать пятками прямо на жилы. Пот струился по его лицу, полы везинга хлопали крыльями.

— Так, да? Так? — выдыхал он между прыжками. — Или еще? Конечно, еще! Мы по-другому не умеем! Мы же, раненые, пляшем. Три стрелы... мечом всю бочину разворотили... Но это будто и ничего...

Он не сразу услышал, как незнакомец кричит ему «Хватит!». Упал, свалился, чувствуя, как на остаточном ходе под чудовищем мощно сокращаются и распрямляются лапы. Какое-то время в ушах у Фьольвира, перебивая все иные звуки, приливом шумела кровь, и наблюдать за тем, как незнакомец, измазанный в Коггфальтаддире по шею и выше, что-то выговаривает ему, указывая на островок, было забавно.

— Ничего не слышу! — сказал он спутнику.

Тот притопнул ногой и снова махнул рукой, беззвучно открывая рот.

— Ты же сам хотел! — улыбнулся Фьольвир.

Тогда незнакомец приподнял его за шиворот. Островок был уже на расстоянии где-то двухсот шагов. Из голубовато-серого он стал просто серым, местами сизым и разбился на отдельные скалы, выступы и береговую линию, усеянную обломками. Черными точками кружили птицы.

— ...туда не надо! — прорезался вдруг голос незнакомца.

— А кто говорил: «Скакать»? — удивился Фьольвир.

— Потому что — вот!

Тошнотворно пахнувший спутник вздернул Фьольвира и развернул его голову от острова.

Сначала Фьольвир ничего не увидел. То есть, увидел темное море, покрытое стылými бликами, и скрюченную, застывшую в одном положении лапу Коггфальтаддира. Но потом, когда взгляд его прояснился, а незнакомец подтянул ближе к краю, невдалеке он заметил несколько кипящих пеной струй, обозначающих, что там, едва скрытый под поверхностью воды, находится скальный гребень.

Фьольвир вздрогнул, представив, что было бы, насади они чудовище на один из подводных зубцов.

— Понял? — спросил незнакомец. — Я хотел аккуратно обойти. А ты нас сейчас до острова разогнал. Влепимся, сам выбирать будешь.

— Так надо... — сказал Фьольвир.

— Не надо. Может, пронесет.

Коггфальтаддир плыл по волнам. Остров приближался, обретая все больше деталей. Скалы сделались морщинистыми и неряшливыми, выеденными солью и ветром, слой водорослей покрыл прибрежные камни. Несколько птиц, клювастых и наглых, прошли над путешественниками на бреющем. Их резкие крики разнеслись по воздуху. Фьольвир попытался отпугнуть птиц, кидаясь каменными осколками.

— Не надо, — сказал ему незнакомец.

Какое-то время они наблюдали, как тает расстояние до короткой, вытянувшейся в море каменной косы, но затем течение снова подхватило чудовище и повлекло его прочь от острова.

Фьольвир шумно выдохнул. Незнакомец покачал головой.

— Еще один гребок, и точно сели бы, — сказал он.

— Но теперь-то — все? — спросил Фьольвир. — Не сядем?

Незнакомец, кивнув, посмотрел вдаль.

— Ранним утром достигнем Хельматъйодифьорда, там, пожалуй, придется вплавь добираться до берега.

Он нашел складку в шкуре чудовища, с трех сторон закрытую от ветра, и с комфортом устроился в небольшой впадинке. Ногами незнакомец вытянул складку так, чтобы в ней образовалось место и для Фьольвира.

— Ложись, арнасон.

Фьольвир потоптался и решил принять предложение. Он лег, кутаясь в везинг, с мешком с остатками припасов.

— Дальше — кааряйны?

— Да, арансон, — сказал незнакомец. — Дальше кааряйны и почти весь мир. И все против нас.

— И Мтаг.

— Верно. И Мтаг.

— Я должен его победить?

Незнакомец сложил руки под косматым затылком.

— Ты поспи, арнасон. Сейчас можно. Нас пока никто не потревожит. Это время как нельзя лучше подходит для сна.

Фьольвир поворочался.

— А почему не потревожат?

— Потому что некому, — сказал незнакомец, зевнув. — Мтаг — не бог. Какую нечисть смог на нас наускать, ту и науськал. Он сейчас спешит, спешит.

— Куда?

— Много вопросов, арнасон. Дай и мне поспать.

— Нет, это, конечно, правильно, — сказал Фьольвир. — Но я герой или не герой? Моя цель — Мтаг?

Незнакомец повернул голову. На пустом лице прорезался глаз.

— Наша цель — шкатулка. И только она. А герой ты или не герой, я не знаю. Героям полагается божественная помощь...

— Ну!

— А у тебя — только я, — сказал незнакомец, закрыл глаз и повернулся к спутнику спиной.

Фьольвир помолчал.

— Но ты же — Унномтюр, — пробормотал он.

Незнакомец фыркнул.

— Говорю, это шутка была. Все, арнасон, я сплю.

Какое-то время Фьольвир лежал, не шевелясь. Небо то хмурилось, то светлело, сыпала с него мелкая снежная крупа, белыми островками намерзая в складках одежд. Незнакомец не дышал, словно умер. Фьольвир думал о Хейвиске, об отце с матерью, и горечь копилась в нем, как слюна во рту. Пусть его родные уже в Тааливисто, но зачем, зачем кааряйны так поступили с ними? Не было же вражды. Неужели, как боги пропали, так пропало и добрососедство?

— Кааряйны, — прошептал он.

Коггфальтаддир как ни покачивался, убаюкать его не смог.

— Эй... Унномтюр, — позвал Фьольвир.

Когда он уже подумал, что ответа не будет, незнакомец, вздохнув, сказал:

— Да, арнасон.

Фьольвир приподнялся на локте, стараясь заглянуть своему спутнику в лицо, хотя видеть там было нечего. Да и представился ему один лишь затылок в спутанном колтуне волос.

— Кааряйны, они ж не сами по себе?

Незнакомец повернулся на спину.

— Нет.

— Это потому, что ты там был?

— Второй раз спрашиваешь. Нет, арнасон, я как раз опоздал. Прости.

— Они пришли не за тобой?

Какое-то время незнакомец молчал, и снежные хлопья ложились на его лицо нетающей белой маской.

— Знаешь ли, — наконец произнес он, — когда-то давно для спасения мира в

локальных концах света, которые в большей степени происходили от самих же богов, Йорун придумал героев, которые были плотью от плоти этой земли, только наделялись некоторыми особыми способностями. Я уже объяснял, но ты, видимо, туговат на ухо. Бывает. Эти божественные способности давали героям возможность предотвратить обрушение сущего во тьму и избавляли Копьеносца от того, чтобы все исправлять самому. Ну, и всех остальных избавляли тоже.

Фьольвир лег снова.

— А почему Йорун не желал или не хотел спасти мир сам? — спросил он.

— В защиту Йоруна я скажу, что он не то, чтобы не желал или не хотел кого-то спасти, а в большинстве случаев просто не мог этого сделать.

— Он же бог, — сказал Фьольвир.

Незнакомец легко стукнул его по голове.

— Ты сначала дослушай. И не перебивай. Что может Йорун, если он с вахенами воюет? Что могут его братья, если они там же? Но ты-то требуешь спасти мир здесь и сейчас, и тут же крик поднимаешь, если это «здесь и сейчас» не происходит.

— Я не... — начал было Фьольвир, но незнакомец воздел руку с растопыренными пальцами, призывая к тишине.

Снег падал, ветер сносил его в сторону. Дурная птица над Коггфальтаддиром нарезала широкие круги, словно следила, чтобы он не повернул обратно к острову.

— Я не про тебя конкретно, — сказал незнакомец. — Но мольбы и обращения к Йоруноу, думаешь, до него не доходят? Ведь хуже чесотки! То стоны, то упреки! Помоги, Йорун! Убереги, Йорун! Как же так, Йорун? Ну и проклятия, само собой. В сердцах, понятно, не приятного все равно мало. Да. И я вот думаю, что все мелкие божки были измыслены Йоруном, чтобы по всяким пустякам на вас не отвлекаться. Им молились, с них и спрашивали. Это я, кажется, тоже уже говорил.

Он помолчал.

— Да. А Йорун как бы над. Ну, не отвечать же ему, в самом деле, за неурожай где-нибудь в Йолендолле или за лавину, не вовремя закупорившую перевал в горах? Согласись, с божественной высоты Йоруна это не стоит даже взгляда мельком. Какой-то неурожай и какая-то лавина! Его уровень — это...

— Баланс.

— Хм. Баланс... Да, баланс и глобальные проблемы.

— Как вахены?

— Как вахены. Как изначальная тьма. Или как Хэнсуйерно с его периодическими попытками известить весь род людской. Могу тебе сказать по секрету, что Хэн спит и видит, как количество мертвецов в его армии превышает количество живых воинов в армии Копьеносца.

Незнакомец фыркнул, видимо, находя это смешным.

— Так мертвых и так больше, чем живых, — сказал Фьольвир.

— Нет, мой дорогой арнасон. Большинство мертвецов э-э... мертвы, пока их помнят те, кто живы. Для таких, конечно, существует и Тааливисто, и общее место, и пиршественные столы. Потом... Потом случается потом.

— Мертвецы умирают совсем?

— Увы. Превращаются в пепел, в золу, в песок, в первоматерию. В общем, в материал, из которого Хэнсуйерно выпекает своих чудовищ. Так что мертвецов мало, арнасон. Ты-то

всех ли своих людей помнишь?

Фьольвир задумался.

— Всех, — твердо сказал он. — Детей, может быть, не всех. Но взрослых — всех.

— Это пока.

— Погоди, — сел Фьольвир, внезапно осипнув от страшной догадки. — Значит, если я умру и помнить обо мне станет некому, то я не попаду в Тааливисто?

Снег на лице незнакомца разъехался кривой улыбкой.

— Ты — кто, арнасон? — спросил он.

— Фьольвир Маттиорайс, — ответил Фьольвир.

— Пффф!

Звук, изданный незнакомцем, говорил о том, что Фьольвир хоть тысячу раз может повторить свое имя и фамилию, но ни на шаг не приблизится к пониманию, кто он такой.

— Я — Фьольвир Маттиорайс, — нахмурился Фьольвир.

— Дубина ты, — беззлобно сказал незнакомец. — Ты — герой. А у героев свои отношения с посмертным миром. Не беспокойся. В Тааливисто ты точно попадешь. О героях, видишь ли, и боги помнят.

— Только что ты говорил, что не знаешь, герой я или нет, — пробормотал Фьольвир.

Спутник потянул его вниз, заставляя опять устроиться во впадинке. Когда Фьольвир лег, тот надвинулся и, словно делаясь секретом, перешел на шепот:

— Я, вообще-то, надеюсь, что ты герой. Но здесь как? Некоторые условия соблюдены, а некоторые нет. Остается надеяться, что ты все-таки герой. Мы должны попытаться. Хотя боги... ну и божественная поддержка...

Вглядываясь в пустое лицо, Фьольвир зашептал тоже:

— Меня убьют в первой же стычке. Я не слишком опытный воин. Против одного может и выстою. Но если двое или трое... или топор и щит...

— С этим я помогу.

— Как?

— Вселюсь в тебя, арнасон. Все-таки биться меня учили Йорун и Стергрун.

— Ты сказал, что они били тебя.

Незнакомец кивнул.

— Это тоже учеба, арнасон! И по поводу вмешательства или невмешательства Йоруна. Вот представь, что тебе в палец впиалась заноза. Чтобы избавиться от нее, у тебя есть игла и есть молот, которым, в лучшем случае, ты оттяпаешь палец вместе с занозой, а в худшем случае — лишишься кисти. Так вот игла — это герои. А Йорун — это молот. Молотом, знаешь, если бить от всей души, можно скovyрнуть города и поселения, даже этого не заметив. Так что нет, оставим Йоруна — Йоруново. У него — свои задачи и вахены. У нас — свои. Все? Я удовлетворил твое любопытство?

— А каарйны? — спросил Фьольвир.

— Они сейчас под властью Мтага, — сказал незнакомец. — Я как раз хотел объяснить, а ты меня сбил. Да, хотел объяснить. А! Вот что. Области, где скоро появятся герои, как бы известны загодя. Это можно ощутить. Это как затишье перед бурей, понимаешь? Еще ничего не произошло, а Утойя уже вывела нить судьбы. Я это чувствовал, Мтаг это чувствовал. Четыре места было, где я мог найти героя, и всюду Мтаг был первым. Ихиль, Мегмо-Эсса, Джавараххан и твой Бьеннестад. Всюду слуги Мтага прошли мечом, предупреждая появление героя. Ведь если все люди в селении мертвы, некому стать героем. Ничего не

рождается из пустоты. Необходимо хотя бы зерно. Так что миру повезло с тобой, арнасон. Только ты спать не хочешь.

— Но ведь если...

— Спи!

Спи. Легко сказать. Фьольвир посмотрел в спину незнакомца и отвернулся сам. Шкура Коггфальтаддира затемнела перед глазами. Вблизи она вся была в трещинках и серой шелухе. Фьольвир от нечего делать подцепил отставшее пятнышко ногтем и неожиданно оторвал целую ленту омертвевшей кожи. Тьфу, гадость! Это напомнило ему о собственных ранах, и он, задрвав везинг, долго водил ладонью по правому боку, по рубцам, а потом через штаны пытался угадать, где сидела стрела. Даже ногу переменил, потеряв уверенность. В этой сидела? В той? Ничего уже не чувствовалось.

Он вдруг подумал, что умер. Кааряйны все же убили его. Подумал, что не все в Тааливисто попадают на лодке. Некоторым, и ему, в том числе, видимо, уготован окольный путь. На чудовище. С сопровождающим. То есть, с проводником. Знать бы только, в чем причина его провинности.

Или это награда?

В историю со шкатулкой Телеотта Фьольвир не то, чтобы верил. Предполагал, что нечто подобное могло быть. Только незнакомец зачем-то выставил богов недалекоими, обуреваемыми страстями существами. Один от жены бежит, другой мировую злобу затаил из-за проигранного соперничества. Люди-то понятно, но боги? Боги! У них вахены в дверь стучатся.

В сказаниях, конечно, тоже странностей хватало. Стерггун вот скалу расколол зачем-то. Йорун в борова превращался. Супруга Хэнсуйерно спала с тремя сотнями воинов. Еще птицеголовых истребили из-за того, что они служанку, ваэ-кири, из дворца украли. Украли двое, и чуть ли не по любви, а истребили братья в великом гневе всех. Теперь хоть общись птицеголовых, вряд ли найдешь.

Но то сказания, в них люди богов себе ближе делают, а поступки их, в силу скудного ума, как поняли, так от старших к малым и передают. Может, правды в сказаниях не осталось уж вовсе, все перевернуто и переиначено. Надо бы, пожалуй, расспросить спутника, что было и чего не было. Так ведь тоже...

Фьольвир стер с лица сыпнувший из-за складки снег, пожевал губами, съежился, чувствуя холод. Так ведь тоже, продолжил он мысль, не очень-то любит своих хозяев Унномтюр. Шпыняли его, наверное, почем зря. Хотя вот отец Фьольвира шпынял, гонял, один раз даже так палкой по лбу треснул, что дерево удара не выдержало, и ничего. Фьольвир готов хоть сейчас родителю в ноги упасть.

Нет, ничего не понятно.

— Холодно? —дохнул вдруг в ухо незнакомец.

— Шкуру бы, медвежьё, — сказал Фьольвир, стукнув зубами. — Аттитойне к зиме всему поселению шкуры раздавал. Мохнатые, теплые. С себя снимал, как будто на нем сто шкур было. И не кончались.

— Ну, шкуры у меня нет, — сказал незнакомец. — Так что, прости уж, но я тебя просто обниму.

— Зачем?

— Околешь, арнасон.

Фьольвир хотел возмутиться, но спутник уже прижался к его выгнувшейся спине,

ткнулся в загривок лбом, и тепло от него волной разлилось по телу. Рука незнакомца просунулась под мышку. Фьольвир хотел было ее скинуть, но, подумав, только вытянул из-под нее связанный Хейвиской шнурок.

Ему вдруг вспомнилось, как однажды, года два, наверное, назад, летом, а может и год всего, Хейвиска вытащила его к их тайному озерцу. Он еще недовольно фыркал всю дорогу и собирал лицом растянутую на ветках паутину.

— Давай, Виро, ну же! — смеялась Хейвиска, убегая вперед.

Она уже на полпути принялась сбрасывать с себя одежду. Смелая. Юбку одну, юбку другую, потом — фенрику, потом — повенсу. Фьольвир сердито подбирал их.

— Виса! Виска! Ну нельзя же так!

— Можно!

В конце концов, Хейвиска, взмахнув руками, растворилась между деревьев. Фьольвир прибавил шаг, высматривая жену. Озеро распахнулось и ослепило его, гладь воды, будто начищенное блюдо, отражала солнце. Даже смотреть было больно.

— Иди сюда, Виро!

Скинувшая последнюю нательную рубашку, Хейвиска плюхнулась в воду. Живыми огнями рассыпались брызги.

— Ты с ума сошла, — сказал Фьольвир, торопливо дергая ноги из свеек.

— Да! — крикнула Хейвиска.

— Ну, смотри!

Фьольвир через голову стянул рубаху. Веревочному узлу на штанах хватило одного движения. Вода уже была прогретая, теплая, приняла горячее от желания тело, словно воздух.

Ах! Фьольвир нырнул и вынырнул рядом с Хейвиской, которая шутливо подалась от него прочь. Мокрые от воды волосы стегнули по груди.

— Куда?

Он поймал ее за запястье, притянул к себе, преодолевая кажущееся сопротивление.

— К Стергуну! — рассмеялась Хейвиска, упираясь в живот ему ладонью.

— Я за него, — сказал Фьольвир.

— А ты кто?

— Муж.

— Чей?

— Твой.

Фьольвир обнял жену.

— Ой! Чувствую мужа! — сказала Хейвиска, приподнимаясь.

Глаза ее засветились, губы нашли губы Фьольвира. Дальше уже было не до слов, хотя Фьольвира так и подмывало спросить, почему это она собиралась сбежать к Стергуну, а не к Йоруну или не к их женам.

Потом они, обсыхая, лежали на расстеленном везинге и смотрели в небо.

— Знаешь, Виро, — сказала Хейвиска, — если я попаду в Тааливисто раньше тебя...

— С чего это? — приподнялся на локте Фьольвир.

— Ты слушай! Я за стол не сяду, буду ждать тебя там. И ты за стол ни с кем без меня не садись!

— В Тааливисто? — улыбнулся Фьольвир.

— А что?

— Ты хочешь быть со мной и после смерти?

— А ты нет?

— Я хочу как можно дольше быть с тобой в жизни.

— Знаешь, Тааливисто — это тоже важно, — серьезно сказала Хейвиска.

Фьольвир наклонился к ней.

— Хорошо, — пообещал он.

Сон сморил его быстро. И в этом сне ему пригрезился вышедший к озеру Аттитойне. Косматый ваэн какое-то время бесшумно бродил около, потом, что-то ворча под нос, присел, застыл рядом бурой глыбой. Посапывая, Аттитойне смотрел на воду, но одним золотистым глазом нет-нет и косил на людей. Выждав немного, он сдвинулся, потом сдвинулся, качнувшись, еще и, наконец, прилег рядом. Мохнатая лапа его перекинулась, стукнула Фьольвира по плечу. Проснувшись от этого, Фьольвир никакого Аттитойне, конечно, не обнаружил, но с краю в везинге застряло несколько бурых волосков.

За ночь снег укрыл Фьольвира с головой, налип на волосах и одежде слоем в палец, льдинками вмерз в бороду. Фьольвир даже дырочку продышал. Проснулся он от того, что незнакомец с хрустом сел и толкнул его в бок.

— Поднимайся, арнасон.

— О, Йорун!

— Нет, не он. Я.

— У тебя нет имени, — пробурчал Фьольвир. — И тело чужое. Кто ты?

— Ну, точно не Йорун.

Незнакомец встал и потянулся. Снег хлопьями посыпался с него. Пустое лицо обернулось к встающему из-за моря солнцу. Багряная полоса расцветала и ширилась в чистом небе.

— Посмотри, арнасон, — сказал незнакомец, — посмотри, какая красота. Скоро всего этого не будет.

— Я понял, понял.

Фьольвир, морщась и преодолевая ломоту в теле, встал, отряхнул задубевший везинг, освободился от промерзших свеек и босиком протопал по снегу в заросли щетины, к краю загровка мертвого Коггфальтаддира, а там помочился с него в воду. Правда, кажется, до воды так и не достал.

— Чего ты понял? — спросил незнакомец, когда Фьольвир, ежась, вернулся к складке и принялся выковыривать из смерзшегося снега мешок с остатками припасов.

— Что мы... и, в общем, все на нас, — сказал Фьольвир.

Он выдернул мешок, а за ним — баккель.

— Да, все на нас, — кивнул незнакомец.

Расставив руки в стороны, он повернулся, словно холодное северное солнце каким-то образом обогрело его со стороны груди и теперь должно было заняться спиной. Фьольвир встряхнул баккель.

— Вода замерзла.

— Было холодно, — сказал незнакомец.

— Это Мтаг?

— Возможно. Хотя у него полно других дел.

— Каких?

— Я не сказал? — удивился незнакомец.

Фьольвир фыркнул.

— Ты сказал, что я должен спать. — Он вытащил из мешка два мясных ломтя. — И еще, что расскажешь потом.

Незнакомец взял у Фьольвира протянутый ломоть.

— Последние? — спросил он.

— Больше нет, — сказал Фьольвир.

Какое-то время они молча жевали замороженное мясо. Фьольвир пытался ощутить хоть какой-то вкус, но словно бы грыз дерево. Длинные и ломкие, темно-красные волокна были похожи на стружку из-под топора. Незнакомец посасывал свой ломоть, прищелкивая языком.

— Вкусно!

— Угу.

Снег отдавал в ступни режущим холодом. Фьольвир переступил ногами, потом разгреб снежный покров до шкуры чудовища, надеясь, что в ней еще живут хоть какие-то остатки внутреннего тепла. Шкура оказалась ледяной. Незнакомец с интересом смотрел, как Фьольвир, усевшись на пустой мешок, мнет и по очереди дубасит свейки обухом топорика.

— Мтаг спешит к воротам во тьму, — сообщил он.

— Зачем? — спросил Фьольвир. — Он хочет, чтобы вахены сожрали его первым? Или что, хочет встать на пути вахенов?

— Кто? Мтаг?

Незнакомец расхохотался.

— Ты умеешь удивить, арнасон! Чтобы сожрали — это я еще понимаю. Но чтобы встать, как братья, на пути тьмы... Нет, арнасон, ты слишком хорошо думаешь о Мтаге. Хэнсуйерно не брал к себе учеников, чьи помыслы были бы чисты.

— Тогда зачем? — нахмурился Фьольвир.

— А ты подумай. Дай-ка, — попросил незнакомец отложенную в сторону свейку.

Фьольвир подкинул свейку вверх. Уннотюр поймал ее, легко встряхнул кисть правой руки, которая вдруг стала одного цвета с рассветной дугой на небе, и сунул ладонь внутрь опущенной кромки.

Из свейки чуть ли не сразу повалил пар.

— Эй-эй! — потянулся вверх Фьольвир.

— На! — незнакомец скинул нагретую свейку спутнику и выхватил у него из пальцев вторую. — Надевай, арнасон, нам предстоит долгий путь.

— Горячая! — окунул лицо в пар Фьольвир.

— Возьми еще одну.

Брошенная знакомцем свейка шлепнулась в снег. Фьольвир, не мешкая, натянул обувь на ноги и почувствовал, как тепло обнимает застуженные ступни.

— О-о-о! Почему бы тебе не стать богом нагретых свеек?

— Потому что я не бог, — сказал незнакомец.

Перешагнув складку, он добрался до головы Коггфальтаддира и встал там, глядя на воду впереди.

— Знаешь, чего хочет Мтаг? — спросил он. — Он хочет продать себя тьме подороже. Возможно, хочет выторговать себе уголок, в котором смог бы безраздельно править. Для этого и нужна шкатулка.

— Он хочет подарить богов тьме?

— Не подарить, нет. Предложить сделку.

По хрустящему снегу Фьольвир добрался до места, где встал незнакомец. Впереди и слева над рябью моря проступали очертания скалистого берега. Очертания были узнаваемы. Хельматъюдифьорд. Все когги проходили здесь. Раньше на каменном выступе, похожем на язык, высунутый к воде, любили устраивать лежбище морские альвы.

Потом их перебили.

— А разве с тьмой можно договориться? — спросил Фьольвир.

Незнакомец повел плечом.

— Мтаг считает, что можно.

— С вахенами?

— С той силой, что управляет вахенами.

— Но тогда...

— Что?

— Почему Йорун не смог договориться?

— О, Фьольвир, — грустно улыбнулся незнакомец. — Как можно договориться с тем, чьим непременным, непреложным условием выступает смерть не только твоя, но и всего твоего мира? Других миров? Тьма есть тьма. Что мог предложить ей Йорун? Границы? Взаимное уважение? Что она могла предложить ему?

— Но если вахены живут во тьме...

— То, что?

Фьольвир замялся.

— Ну, значит, там тоже есть жизнь.

Хохот незнакомца снова разнесся над морем. Солнце подсветило волны, и, казалось, что Коггфальтаддир медленно плывет по дорожке из расплавленного золота.

— Вахенов, мой арнасон, назвать живыми у меня вряд ли когда-нибудь повернется язык. Это... — незнакомец искал сравнение. — Это даже не животное. Это инструмент. Как палка. Как топор. Не больше.

— А сама тьма? — спросил Фьольвир. — Она живая?

Незнакомец погасил улыбку.

— Говорят, все боги вышли из тьмы, — сказал он. — Старшие боги. Не Йорун и даже не его отец Хафьюд. Еще старше, еще древнее. Боги богов. Боги богов богов. Вот они вроде бы были из тьмы.

Фьольвир поежился. Ему представилось, что на плечах братьев-богов стоит Хафьюд, а на его плечах стоит еще кто-то, а на плечах этого кого-то, уходящего фигурой и головой в небесный свод, стоят еще и еще — более мощные, более грозные, с пальцами-колоннами, ногами-скалами.

— А где эти боги? — спросил он.

— Умерли, убиты, ушли...

— Во тьму?

Незнакомец, хмурясь, задумался.

— Нет, арнасон, вряд ли, — сказал он, огладив складки на голове Коггфальтаддира. — Многие, скорее всего, создали собственные миры и поселились там.

— А они не могут нам помочь с тьмой?

Незнакомец, не отвечая, долго смотрел в рассветное море. Золотая рябь словно стала ярче. Солнечный свет белил скалы береговой линии, и на них было больно смотреть. На

скалах проступали черточки сосен. Мертвое чудовище с пассажирами на заливке течение все ближе и ближе подтаскивало к берегу.

— С теми богами все сложно, — наконец произнес незнакомец. — Они... Представь, что ты — муравей, арнасон, и хочешь докричаться до человека. Или нет, не так. Представь, что наш мир — это одна песчинка, сметенная к очагу, а древний бог — это гора за десять тысяч шагов от тебя. Думаешь, гора услышит скрип песчинки? Для нее и тьма, пожалуй, не совсем тьма. Нам неоткуда ждать помощи.

— Жалко, — сказал Фьольвир.

— Не жалея! Станешь героем, запируешь в Тааливисто. Сагу о тебе сложат.

Незнакомец принялся спускаться по брюху Коггфальтаддира.

— Кто? — наклонившись, спросил Фьольвир. — Кто сложит?

Незнакомец поднял голову.

— Люди.

— А как они узнают?

— Об этом уж Йорун побеспокоится. Нам пора.

Незнакомец перекатился по складкам на брюхе чудовища и, придерживаясь за щетину, сбежал к самой воде. Фьольвир был слишком стеснен мешком и топориком, чтобы показать такие же чудеса ловкости. К тому же грубая шкура монстра стала рыхлой, влажной, и то и дело казалось, что она вот-вот продавится под свейками.

Кристаллы льда, которыми Коггфальтаддир был утыкан, как еж иглами, расплылись белесыми потеками. Чудовище постепенно оседало, погружаясь само в себя. Рот на голове ввалился.

— Куда?

Незнакомец перехватил разбежавшегося Фьольвира, прижал к суставчатой лапе, которая ответила на тяжесть врезавшегося в нее тела шумным всплеском. На воде болтались остатки лодки, какой-то мелкий мусор и чешуя.

— А как мы?.. — Фьольвир мотнул головой в сторону берега.

Незнакомец хлопнул Коггфальтаддира по дряблой шкуре.

— Скоро Когги подойдет совсем близко.

И действительно, течение стало забирать влево, разворачивая тушу чудовища боком. С треском упала и, кажется, сломалась одна из задних лап. Берег потянулся навстречу жадной каменной клешней, но клешня промахнулась, мелькнув округлой бухтой с остовом разбитого корабля. Поверх скальной породы зеленой, спутанной шерстью в изобилии высypали сосны. Солнце сместилось к югу, поднялось выше, выплыло из-за спин и стало свирепо светить в глаза. Незнакомец сморщился, закрываясь от него ладонью. Коггфальтаддир покачивался и булькал. Из-под него то и дело, окрашивая воду, текло розовое.

— Еще немного, — сказал незнакомец.

Он вглядывался в скалы с таким видом, будто ожидал встречающих. Фьольвир повис на лапе.

— А кааряйны? — спросил он.

— Не беспокойся, будут и кааряйны, — сказал Унномтюр.

— Они знают?

— Про нас? Конечно, знают!

Фьольвир тоже стал вглядываться в поднимающиеся из воды камни. Солнце слезило глаза. Скалы расщеплялись и сливались, шли трещинами, изломами и складками, некоторые

складки, как раны, проложенные тряпками, пенились мхом. Местность выглядела не очень гостеприимной.

— Я их не вижу!

— Они сейчас не здесь, — перекрикнул порыв ветра незнакомец. — Они сейчас Мтага провожают.

— Куда провожают?

Незнакомец обернулся.

— К вратам не так уж просто попасть, — объяснил он. — Был бы Мтаг бог, то шагнул — и уже там. А человеку придется собрать ключи, открывающие Мост. Ключи, как это принято, находятся у хранителей. Четыре хранителя — четыре ключа. А пятый — в мостовой башне. Но и к хранителям попасть не просто, для этого необходимо пройти до нужного места по тонкому пути.

— Какому пути?

— Ох, арнасон, тебе хоть все с сотворения мира рассказывай. Потом объясню.

Незнакомец, присев, сполоснул руки. Фьольвир, изловчившись, опустил рядом на одно колено.

— А почему все так сложно?

— Йоруна спроси.

— Это он придумал?

Унномтюр фыркнул.

— Здесь все придумал он. За исключением того, что придумали другие. И, видишь ли, для того, чтобы получился топор, надо иметь дерево и железо. И руки, которые выплавят одно и спилят и остругают другое. Я к тому, что Йорун может пожелать топор, и возникнет топор, а если человек пожелает себе топор, то ему придется усердно над этим поработать. По другому не получится.

— Угу, — кивнул Фьольвир, омывая лезвие топора. — Значит, у нас будет время?

— Я надеюсь, — сказал незнакомец. — Но надо спешить.

Берег приблизился. В узких, вдающихся в тело скал трещинах кипела вода. Волны бились о камни. Коггфальтаддир оседал уже ощутимо, внутри него что-то потрескивало и лопалось. Казалось, мертвое чудовище предпринимает последние усилия, чтобы доставить своих пассажиров к месту назначения.

Незнакомец прищурился, вглядываясь.

— Сейчас будет песчаный язык, — сказал он. — Нам надо добраться до него. Дальше Когги унесет в море. Выплывешь, арнасон?

— Думаю, да, — кивнул Фьольвир.

Он скинул везинг, оставшись в рубахе и штанах. Повесил на шею пустой баккель, за пазуху спрятал мешок, подтянул пояс, за который сунул топорик.

Скалы вдруг подступили плотным строем, мелькнула расщелина. Несколько птиц, крича, закружили над Коггфальтаддиром. Коричневый песчаный серп возник впереди.

— Давай, — хлопнул по плечу Фьольвира незнакомец.

— Сейчас?

— Да.

До берега было крафуров тридцать. Фьольвир выдохнул и прыгнул. Вода обожгла холодом, потянула было на дно, но он рванул вверх и, отплевываясь, заработал руками и ногами. Рядом плюхнулся незнакомец. Широкими гребками он быстро вырвался вперед. Не

бог, ага.

Фьольвир попробовал не отстать, но, наверное, потонул бы, если ближе к берегу приливная волна сама не вытолкнула его из моря, прокатив животом и локтями по водорослям и ракушкам. Он выполз на песок и рухнул рядом с Унномтюром, который уже деловито выжимал свой косматый плащ-хельк.

— Ну-ну, арнасон, — с усмешкой сказал тот, с носка поддев песок и кинув его в спутника, — не время лежать.

— Устал, — выдохнул Фьольвир.

Ознобная дрожь заколотила его, он съежился, подтянув ноги к груди и пытаясь согреться. Зыбкая, приятная дрема затуманила мозг.

— Арнасон!

Бросив свой хельк, незнакомец принялся поднимать Фьольвира. Дернул за волосы, шлепнул ладонью по щеке. Фьольвир вяло отмахивался.

— Я сейчас... мне немного... — бормотал он, стуча зубами.

— Герой, войца-пекку тебе в штаны! — ругался незнакомец, не давая Фьольвиру лечь обратно. — Ну-ка! Живо!

Он рывком поставил спутника на ноги.

— Я же сдохну, — шлепнул посиневшими губами Фьольвир.

— Ляжешь — сдохнешь! И никакого тебе Тааливисто.

Незнакомец стянул с Фьольвира рубаху.

— Ну зачем?

— Затем!

Скрученная, отжатая рубаха ударила вновь надумавшего прилечь Фьольвира по спине.

— Эй! — взвился он.

— Уже лучше? — отскочил, раскручивая неожиданное оружие, незнакомец. На его смутном лице расцвела хищная улыбка. — Хочешь еще?

Рубаха выстрелила снова. Тугой мокрый ком обжег Фьольвиру грудь.

— Ты! Медвежье дерьмо!

— Да?

— Еще раз...

Договорить Фьольвир не успел. Оставляя красную полосу на бледной коже, рубаха отметилась на ребрах, на рубце, на недавней ране.

— Все! — проорал Фьольвир. — Все!

Он бросился на незнакомца, который ловко увернулся и даже на мгновение успел впечатать рубаху своему неуклюжему противнику в физиономию. Это уж точно было лишнее. Фьольвир рассвирепел. Топорик прыгнул ему в ладонь.

— Все, Унномтюр, ты — мертвец.

Незнакомец отступил, наматывая ткань на предплечье.

— Коггфальтадиру бы это сказал.

— А-а-а!

Фьольвир взмахнул топориком. Минуты три он гонял незнакомца по песку, выцеливая его бугристую, волосатую спину. Тот петлял зайцем, крутился и со смехом пропускал лезвие в ногте от своего носа, лопатки или плеча, словно чуял, когда Фьольвир решался на удар. Ну, понятно, самим богам служил мишенью.

— Я... тебя...

— Давай-давай.

— Убью...

Обессилев, Фьольвир остановился, согнулся и, бросив топорик на песок, упер руки в колени. Смотрел он исподлобья. Дыхание вырывалось из его рта короткими облачками пара. Кажется, и штаны слегка курились дымком.

Жарко!

— Все? — подступил незнакомец.

— Все, — кивнул Фьольвир.

— Согрелся?

— Я сразу... — Фьольвир перевел дыхание. — Я сразу понял, для чего ты это затеял. Я тебе... подыграл.

— Серьезно? А я вот решил, что ты с этого берега, минуя наш уговор, захотел ползти прямо в Тааливисто.

— Я замерз!

Незнакомец возник сбоку тенью и подхватил с песка топорик.

— Я пока подержу его у себя, — объяснил он. — Что-то у меня нет к тебе доверия. К тому же мне идти впереди.

Фьольвир выпрямился.

— А если кааряйны? — спросил он.

— Разберемся. Пошли.

Незнакомец накинул хельк, сцепил крючки, пряча оружие под косматой шерстью, и двинулся к расщелине в скалах.

— А рубаха моя? — крикнул Фьольвир.

— Отдам наверху, — отозвался незнакомец, вскинув обмотанный кулак.

Фьольвир плюнул, морщась, потрогал голый раненый бок и побрел следом за своим провожатым. У самых скал он повернулся, но Коггфальтаддира уже не увидел. Мертвое чудовище то ли действительно унесло течением в море, то ли оно благополучно пошло ко дну. Ветер дохнул холодом, вонзил невидимые иглы в плечи, и Фьольвир заторопился к взбирающемуся на камни незнакомцу.

Кто об этом споет? — подумалось ему. Никто.

Незнакомец, оказалось, прекрасно знал путь наверх, и, ныряя вслед за ним в расщелины или поднимаясь на выветрившиеся площадки, Фьольвир гадал, по какой надобности тот пользовался подъемом раньше. Или просто знал, потому что знал?

— Не спи, арнасон, — склонился, подавая руку, незнакомец.

— Я сам!

— Как знаешь.

Незнакомец скрылся. Все еще злой на спутника, Фьольвир подтянулся, махнул ногой мимо камня, но перевалился на узкий карниз, который, поднимаясь, вел к самой вершине.

— Ты как? — крикнул сверху Унномтюр.

Расцарапавший торс Фьольвир послал его в задницу Коггфальтаддира. Незнакомец захохотал.

Небо светлело. Птицы кружили над скалами. Внизу шумело море, и казалось, будто оттуда, подбадривая взбирающихся, доносится многоголосый хор. Какое-то время спустя, чтобы одолеть отвесный участок, Фьольвиру все же пришлось воспользоваться помощью незнакомца, и он, скрипя зубами, ухватился за протянутую ладонь. Унномтюр легко вытянул его, пофыркивая и скалясь.

Оказавшись на вершине, Фьольвир обессиленно упал на спину, и тут же скомканная рубаха плюхнулась ему на живот.

— Молодец! — крикнул незнакомец.

— Ты зачем... — Фьольвир подышал, прерываясь. — Зачем стегал? Мог ведь меня, как свейки... Нагрел — и все.

Спутник присел рядом.

— Если все буду делать я, что будешь делать ты?

Фьольвир закрыл глаза.

— Отец тоже любил так, — проговорил он. — Только с хитринкой. То у него спина, то нога. Поднеси. Наруби. Разожги. — Он вдруг улыбнулся. — Но и гонял тоже, бывало. Только у еще малый был. Головы нет, на уме одни шалости.

— Ты кончай лежать.

— А где кааряйны?

— Будут тебе кааряйны. Пошли.

Незнакомец легонько пнул Фьольвира, чтобы тот поторапливался.

— Вот знаешь, — сказал Фьольвир, натягивая рубаху, — не надо со мной так. Если боги со всеми героями так обращаются, то ну его к Хэнсуйерно.

Незнакомец вскинул косматую голову к солнцу.

— Это тебе кажется, арнасон. Люди склонны замечать плохое и не обращать внимание на хорошее. Я тебя пнул — ты запомнил. Я тебе жизнь спас — ну, будто так и надо. Подумаешь, жизнь! На Пожирателе кораблей обогрел, а ты уже и забыл, наверное. А свейки? А забраться сюда помог?

Он хлопнул задумчиво нахмурившегося Фьольвира по плечу. Тот скривился.

— Не, так-то так...

— Именно так, — сказал незнакомец. — А подгоняю я тебя потому, что ты, как козленок на жертвенник, все в Тааливисто смотришь.

— Не смотрю я уже, — буркнул Фьольвир.

— Так и не стой. Нам мир спасать.

Незнакомец двинулся к соснам, казалось, вырастающим прямым из скал. Шагал он бесшумно. Камень, мох, хвоя — ничего не издавало ни звука под его ногами. Свой плащ-хельк он намотал на руку.

Со стороны берега скалы, как линия шкуры, заросли моховыми кочками и низкими кустами кислой северной ягоды. Сосны стояли чуть дальше, сначала отдельными редкими деревьями, потом сбивались теснее, по мере спуска по пологому склону превращаясь в лес. Фьольвир молча шел вслед за незнакомцем, больше смотря по ноги, чем вокруг. Из-под свеек летели камешки. Воздух звенел мошкой. Солнце светило вовсю.

Незнакомец петлял между валунов, обходя расщелины и заполненные водой ямы.

Сосны скоро обступили путешественников, сделалось темнее. Ветер покачивал кроны, то там, то здесь слышался треск сучьев. Фьольвир на всякий случай взял отданный незнакомцем топорик в руку. Так было спокойнее.

Шли долго. Унномтюр неожиданно стал рассказывать, как получился этот край. Скалы — это Йорун неловко присел. Сосны — волосы из ушей Офнира, мох — он же прочищал нос, а выходы рыжей породы — дерьмо какого-то местного божка. Хотя, может быть, это Калнир постарался.

Оглядываясь и видя, как темнеет от рассказанного лицо спутника, незнакомец в конце концов расхохотался.

— Арнасон! Ты что, думаешь, я это всерьез?

Фьольвир обогнул валун, похожий на гигантское яйцо.

— Не знаю.

— О, обрежь мне нить, Утойя! Могу сказать тебе, что процесс творения есть процесс трансформации, и я недалеко отступил от истины. Хотя, наверное, с физиологическими подробностями перегнул.

— Ты не очень их любишь, да? — спросил Фьольвир.

Незнакомец обернулся.

— Кого?

— Богов.

— Ну, как тебе сказать? Странно спрашивать об этом слугу, которого Йорун, в лучшем случае, замечал, когда у него чесались кулаки. Для остальных же я и вовсе существовал как предмет мебели. Хотя Наккинейсе иногда...

Незнакомец замялся, с треском сорвал сосновую ветку и пошел, звонко постукивая ей о стволы. Шагая за ним, Фьольвир так и не дождался продолжения.

— Что, — спросил он, — она тоже использовала тебя?

Незнакомец хмыкнул.

— Я тоже часто так думаю. Использовала. Иногда она позволяла смотреть на себя. Она очень красива, арнасон. А иногда...

Фьольвир понял.

— Ты спал с богиней? — вытаращился он на косматую спину Унномтюра.

— Вряд ли она воспринимала это как любовь.

— Но ты спал?

— Да.

— И как?

Незнакомец обернулся. На смутном лице проступила странная, косая улыбка.

— Она очень...

Он тряхнул головой и выкинул ветку. Под ногами его вновь захрустели камешки, и Фьольвиру, чтобы нагнать его, пришлось, хватаясь за стволы, пробежать десяток крафуров.

— Эй! Эй, Уннотюр!

Незнакомец замедлился.

— Что, медвежий сын?

— А Йорун? — спросил Фьольвир. — Он как к вашей связи? Он знал?

Незнакомец положил ему руку на плечо.

— А какая разница?

— Ну-у...

— Думаю, ни она, ни он не считали это чем-то серьезным. Могу сказать тебе, Йорун и сам почти ни одной ваэ-кири не пропускал. У них это было просто. Боги. «У тебя прекрасная фигурка. Давай-ка мы с тобой уединимся в этой нише». И все, этого достаточно. Подол фенрики вверх. Кто скажет «нет» Йоруну, Стергруну, Офниру, Хэнсуйерно? Никто. Со мной было так же. Хотя в редкие моменты...

— Что?

— Я ловил ее взгляд. Словно я для нее был не вещь, не слуга, а нечто большее. Правда, это, скорее всего, ничего не значило.

Какое-то время они шли молча. Лес редел. Появились натоптанные тропки. Просветы становились все больше, все ярче. Поросшие мхом камни скоро сошли на нет, и под свейками Фьольвира захрустели кустики иххи. Еще полсотни крафуров, и лес выродился в прозрачную опушку.

Путешественники остановились на ее краю.

— То есть, ты из-за нее? — спросил Фьольвир.

— Дурак, — сказал незнакомец.

Впереди расстилалось поросшее иххой мглистое пространство. Чуть дальше, слева, вставали холмы, на ближнем темнел высокий, сложенный из камней дёс, объявляющий о том, что эти земли принадлежат кааряйнам. Дёсы поменьше прорастали и из иххи. Остатки древней стены, перегораживавшей когда-то долину, выныривали как шербатые, выветренные позвонки сдохшего на этой земле змея.

Фьольвир сжал топорик.

— Мы идем?

— Да, приготовься, — сказал незнакомец.

Он привстал на носках, что-то высматривая.

— Что там? — спросил Фьольвир.

Сам он, сколько не щурил глаза, видел только, как приподнимается земля в конце выгнувшейся желобом долины.

— Мы опоздали, — сказал незнакомец. — Мтаг уже ушел. Чувствуешь воздух?

— Нет, — мотнул головой Фьольвир.

— Втяни ноздрями, арнасон.

Фьольвир глубоко вдохнул.

— Дым?

— Нет, кровь.

— Не чую.

— Ничего, скоро учуешь.

Пружинистым шагом незнакомец двинулся вперед. Лицо его обрело заостренные черты. Рука с намотанным на нее плащом, будто щит, прижалась к груди. Второй рукой Унномтюр яростно отталкивал воздух. Фьольвир взял левее, чтобы не прятаться у него за спиной.

Тени облаков пересекали долину. Ветер проходил по низким кустикам иххи, казалось, вычесывая зеленую шерсть.

— Быстрее, арнасон!

Незнакомец ускорился. Фьольвир едва не задохнулся от взятого темпа. С жужжанием ударило в щеку какое-то насекомое.

— Смотри! — крикнул Унномтюр.

Фьольвир разглядел, как впереди переваливаются через земляной, заросший травой вал две крупные фигуры.

— Кто это? — крикнул он.

— Охрана!

Кааряйны были в плотных, длинных, грязных везингах, широких штанах и высоких шапках. Рожи их были вымазаны красным. Мордатые силачи, они не имели оружия, и вышли навстречу Фьольвиру и Унномтюру, расставив руки, словно желали обнять неожиданно явившихся друзей.

— В голову! — выдохнул, сближаясь с кааряйнами, незнакомец.

— Что? — не понял Фьольвир.

Пояснений не последовало. Впрочем, через мгновение Фьольвиру стало не до них. Воняющий кровью кааряйн возник перед ним, с хрипом махнул пятерней, и только запас в кнафур спас Маттиорайса от захвата — припав на колено, он успел поднырнуть под локтем. Оказавшись у охранника за спиной, он не стал медлить и глубоко, чуть ли не до проушины, зарубив везинг, вонзил топорик противнику под лопатку.

Хэк!

Обычному человеку этого бы хватило с лихвой. Во всяком случае, заставило бы умерить прыть и серьезно задуматься о бренности жизни. Но краснорожий кааряйн словно не заметил удара. Он резко развернулся, и прочно засевшее в чужом теле оружие выскользнуло у Фьольвира из пальцев.

— Ых!

Могучий кулак, попав в грудь, вышиб из Фьольвира дух. Арнасон покатился по земле, то и дело ныряя лицом в ихху. Хороша ихха, колюча!

— В голову! — прохрипел незнакомец.

Дела у него тоже были не совсем хороши. Второй кааряйн как-то оказался над ним и, сев на живот, пробовал то ли задушить его, то ли расплющить, разорвать лицо, пробиваясь через плащ и скрещенные руки. Унномтюр же делал попытки зацепить сидящего ногами.

— Мтаг их...

— Понял уже!

Фьольвир вскочил. Солнце прыгнуло над облаком. Качнулся недалекий земляной вал. Кааряйн с топором под лопаткой ощерился и снова изготовился к объятьям. Затопал, зарычал, лоя Маттиорайса на себя. Глаза его, как у мертвеца, были подернуты поволокой.

— Получи!

Фьольвир бросил в кааряйна ворох собранной в перекате иххи. Краснорожий здоровяк отмахнулся, но дал мгновение, чтобы показать движение в одну сторону и развернуться в

другую. Пальцы едва не промахнулись мимо топорища. Но нет, Фьольвир успел сомкнуть их на гладкой рукояти. Железо со скрипом вышло из спины, словно из сосновой колоды. Крови было — чуть.

— Не медли.

Бросив быстрый взгляд на незнакомца, Фьольвир обнаружил, что тот, трясая красной кистью, уже сам сидит на своем противнике верхом. Охранник под ним не двигался. Шапка слетела.

— А помочь? — крикнул Фьольвир, увернувшись от бросившегося на него кааряйна.

Тот потерял равновесие, ухнул в ихху, но на удивление быстро встал.

— Ты что, маленький? — спросил незнакомец.

— Да он, кажется, мертвый! Ему все нипочем!

— О, Йорун! У тебя же топор! У него — голова. Сложи одно с другим!

— Сказать легко!

— Нет, я тебе здесь не помощник.

— О как!

— И давай побыстрее!

Фьольвир выругался. Кааряйн вдруг захромал, дернул шей, зафыркал и несколько раз моргнул. Движения его утратили резкость. Он все еще стремился поймать арнасона, следуя за ним по пятам, но уворачиваться от него стало совсем нетрудно. Несколько раз, отбивая протянутые руки, Фьольвир использовал топор и даже сумел отрубить здоровяку два пальца. Эффекта это не возымело, но придало Фьольвиру уверенности.

Скоро они закружили вокруг заросшего остатка стены, и кааряйн совсем сбавил ход. Фьольвир, впрочем, держался настороже, и не выпускал противника из поля зрения. Тот, порывивая, ковылял все тише и склонялся к земле.

— Эй, арнасон! — крикнул незнакомец. — Ты что, хочешь измотать мертвеца?

— У меня, кажется, получается, — отозвался Фьольвир.

— Тюкни его уже!

— Сейчас он остановится.

Незнакомец поднялся.

— Заканчивай. И иди за мной.

Фьольвир с некоторым раздражением проследил, как незнакомец переваливается через земляную насыпь, и чуть не упустил кааряйна. Тот, словно учуяв неподвижность противника, пригнулся и прыгнул вперед. Он облапил Фьольвира со спины и, возможно, прокусил бы ему шею, если бы тот, упреждая нападение, не успел припасть на колено. Под тяжестью своего тела кааряйн, порвав везинг, перелетел через голову. Мелькнуло измазанное кровью лицо. У самого носа Фьольвира клацнули зубы. Брызнула веточками и листьями ихха.

Второго шанса кааряйну Фьольвир не дал и обухом размозжил тому висок. Думал, что что-то почувствует. Но нет, ничего.

Хоть сейчас в лодку.

— Унномтюр!

Незнакомец даже не выглянул. Фьольвир посмотрел на мертвеца, ощерившего рот на небо с медленно ползущими облаками, потом Хэнсуйерно дернул его пройти ко второму стражнику.

Унномтюр выдавил тому глаза и порвал рот. Вот отчего рука у него была красной.

Кааряйн казался чучелом, что, отпугивая жадных ворон, ставили на полях. Не у них ставили, южнее. Такая же страшная, развороченная пасть. Фьольвир вдохнул и выдохнул. Наверное, так и было нужно. Разве не стоило это того, что они сделали с Хейвиске? Он плюнул на труп.

— Унномтюр!

За валом начиналось поселение кааряйнов. Ни оград, ни загонов. Низкие, неуклюжие, обложенные дерном избы чернели провалами входов. В них, пожалуй, можно было заползти лишь на карачках. Через дыры в земляных крышах кое-где сочился дым. Даже Большой Дом, место собраний и приема гостей, был невысок. Заросший поверху иххой, он больше походил на природный холм, чем на дело человеческих рук.

Фьольвир заметил, что перед Домом, на небольшой открытой площадке, словно в нерешительности, остановился незнакомец.

Поселение было безлюдно. Ни мужчины, ни женщины, ни ребенка. Даже живности никакой. Фьольвир из любопытства сползал в одну из изб и в смутном, сеющем из дыры над очагом свете разглядел лишь пустые лежанки и комья то ли шкур, то ли одежд. На низком столе в глиняных плошках совсем холодная (он сунул палец) потихоньку кисла недоеденная похлебка.

Все еще сжимая топорик, Фьольвир приблизился к Унномтюру.

— Никого нет, — сказал он.

— Все здесь, — кивнул на Большой Дом незнакомец.

— Заперлись?

Незнакомец хмыкнул.

— Мтаг их собрал. Для того, чтобы открыть тонкий путь, нужно много крови. Ты разве не чувствуешь, арнасон?

Фьольвир хотел сказать, что нет.

Но замер.

Воздух густо пах кровью. Пах до того, что на языке у Фьольвира появился противный привкус, будто ударили по зубам. Ему стало не по себе. Если так пахнет в десяти шагах, что же за бойня произошла внутри?

Или там не бойня, а что-то куда страшнее?

— Нам туда? — спросил он, сглотнув.

Незнакомец кивнул.

— Да.

— И чего мы стоим?

— Погоди.

Унномтюр придержал руку спутника. Несколько мгновений незнакомец, задумчиво склонив голову, изучал Большой Дом, потом присел на корточки. От движения ладонью земля перед ним, посветлев, брызнула красным, и неровная светящаяся дуга из пролитой крови протянулась через площадку, перекрывая проход.

Незнакомец поднялся.

— Смотри, арнасон. Примитивная магия, — носком свейки он набросил немного земли на участок дуги. Раздалось шипение. — Не было на большее у Мтага ни сил, ни времени, а могло сработать.

— А как сработало бы? — спросил Фьольвир, из осторожности отступив на шаг.

— Выпило бы.

Незнакомец принялся интенсивно засыпать кровь.

— Помогай, — сказал он Фьольвиру.

Стребать притоптанную землю свейками было неудобно. Тогда Фьольвир топориком разбил ее на комья и стал бросать комья на дугу, как в опасно разросшийся и стреляющий искрами костер.

Работы было — на десяток вдохов.

— Все, все, — оценил его труд незнакомец, — хватит.

— Все? — Фьольвир подкинул последний ком.

— Да. Иди за мной.

Унномтюр перешагнул через тускнеющее творение Мтага и двинулся к приоткрытым воротам Дома. Фьольвир отряхнул руки и на всякий случай дугу перепрыгнул. Чем войца-пекка не шутит!

Хотя где это войца-пекка теперь?

Солнце избавилось от облаков, но у Большого Дома было темно. Казалось, завеса из мошкеры неподвижно висит над воротами. Фьольвир протянул руку вверх, и пальцы его украсились темными крапинами, которые, стоило их растереть, потекли алыми пятнами.

— Что это? — спросил он.

— Кровь, — ответил незнакомец.

— А почему она...

— Потому что, — оборвал Фьольвира Унномтюр. — Следуй за мной, арнасон, шаг в шаг. И молчи.

— Понял.

— Руку лучше — на плечо.

— Уже.

Фьольвир поймал в пальцы косматое плечо спутника.

— Ничего не трогай, не останавливайся без меня, просто иди, — предупредил тот.

Высокая воротная, изрезанная символами створка скрипнула под его ладонью, и сразу за незнакомцем Фьольвир окунулся в густую, кисло пахнущую тьму. В этой тьме он едва не запаниковал, со всей силой сжав пальцы.

— Тише, — сказал Унномтюр, словно прочитав его мысли, — это не изначальная тьма, это полог.

Оказалось, действительно, полог. Стоило незнакомцу потревожить плотно висящие шкуры, и свет тут же плеснул, зыбкой лужицей растекся по полу, закопошился в шерсти, озарил балку над головой.

— След в след, — повторил Унномтюр.

Фьольвир отклонил шкуру топориком.

Огромный очаг в центре Дома уже прогорел, и выложенная камнями яма помигивала редкими углями. Зато масла в подвешенных светильниках было достаточно.

О, Йорун! Фьольвиру захотелось зажмуриться.

Зал под низким сводом казался логовом макафика, промышляющего превращениями людей и тварей из живых в мертвое. Бревенчатые стены, плетенки и шкуры на земляном полу, столы, лавки, посуда — все имело жуткий красный цвет. Лоснилось и поблескивало.

И также, как и перед воротами, висели в воздухе, не падая, мелкие бусины крови.

Свет мерцал, отражался в висящей мороси. Потрескивало масло. В углах дрожали тени. Унномтюр словно в нерешительности приостановился, качнул головой и смахнул несколько

капель напротив лица.

— Пошли.

Они двинулись (незнакомец, изображающий поводыря, и Фьольвир с рукой на чужом плече, изображающий слепца) в дальний конец зала. Сверху, с отдушин под крышей, должно было тянуть свежим воздухом, но Фьольвир чувствовал лишь тяжелый кровавой дух. Капли разбивались о незнакомца.

Первый труп им попался через четыре шага. Маленькая девочка лет пяти-шести в красной фенрике лежала под лавкой. На высохшем личике провалились глаза и щеки, ручки были прижаты к груди.

Дальше трупов стало больше. По двое, по трое они кукожились у стен, обнимали друг друга и вздергивали головы к закрытому крышей небу. Бледные, тощие, словно заморенные голодом. Везинги, штаны и рубахи, казалось, были им велики.

Кааряйны.

Незнакомец провел Фьольвира мимо очаговой ямы и замер, приподняв ногу.

— Так, не двигайся, — прошептал он.

Свет впереди тускнел, а в самом конце зала, там, где находились место и стол вождя, и вовсе обращался во тьму. Тьма была красноватая и пульсировала, будто дышала. Из-за плеча незнакомца Фьольвир разглядел, что на подступах к ней неподвижными тенями стоят люди. Тонкие красные нити отходили от их голов.

— Видишь? — спросил Уннотюр.

— Да, — ответил шепотом Фьольвир. — Они живые?

— Нет, — сказал незнакомец. — Но держат тонкий путь.

— Зачем? Для нас? Как ловушку?

Незнакомец фыркнул.

— Не думай, что Мтагу есть до этого дело.

Он опустил ногу и мягко повел ладонью. Жест напомнил Фьольвиру движение юркого маюса в воде. Завеса из капель, уплотняясь, разошлась в стороны и приподнялась пологом вверх.

— Мтаг не рассчитал, — сказал незнакомец, перешагивая через опрокинутую лавку. — Он раньше не работал без незримой помощи Хэнсуйерно. Поэтому и собрал здесь всех, кого смог. Не был уверен, что справится малой кровью.

Держа руку у него на плече, Фьольвир последовал за спутником. Осторожно, стараясь не задеть, он обогнул сначала мертвую старуху, прикорнувшую у котла с красной похлебкой, а потом слипшихся, схватившихся друг за друга мальчишек-близнецов. Один из мальчишек при этом жмурился, другой, наоборот, широко распахнул пустые глаза.

— Но это нам же лучше, арнасон, — сказал Уннотюр, подвигая стол. — Так как крови много, тонкий путь открыт и для нас.

— А если бы нет? — спросил Фьольвир.

— Мне пришлось бы взять твоей крови.

Место вождя находилось на небольшом возвышении, несколько каменных ступеней к нему плотно заняли мертвые кааряйны. Смутно видимые, они стояли, воздев вверх худые руки. Свет проливался на них багровыми отблесками. Тьма дышала все громче, ее пульс давил на уши. Внутри тьмы, казалось, колыхнется, готовится выплеснуться, живой воздушный пузырь.

— Значит, так, — сказал незнакомец, останавливаясь у ступеней, — когда мы пойдем,

кааряйны на время оживут. Тебе, главное, не дать им утащить тебя от меня. Понял?

— Да, — кивнул Фьольвир.

— Тогда пошли.

Унномтюр шагнул вперед, корпусом, бедром, локтем заставляя потесниться двух близко стоящих мертвецов. Фьольвир пролез следом, сквозь одежду ощущая холод тел. Кто-то за его спиной опрокинулся. И тут же словно порыв ветра качнул светильники. Тонкие красные нити над головами кааряйнов дрогнули.

— Быстрее! — прошипел Унномтюр.

Он оттолкнул кааряйна-воина, заступившего ему путь, и неожиданно получил в ответ толчок с другой стороны. Фьольвир почувствовал, как его хватают за штаны и ворот рубахи, холодные пальцы царапнули оголившийся бок. Плечо спутника неожиданно ускользнуло из-под ладони.

— Не теряй меня! — крикнул Унномтюр.

Сам он воевал с четырьмя или пятью мертвецами, которые тянули к нему свои руки и раскрывали рты в беззвучных криках. Богатые везинги, меховые олькафы. Фьольвир лягнул кого-то, решившего обнять его со спины. Ему вцепились в волосы.

— Ах, ты!..

Фьольвир вспомнил про топорик в руке. Бум! Бум! Бум! Лезвие входило, будто в дерево. Изворачиваясь, он выдергивал его со скрипом из чужих рук и тел и вонзал вновь. Рубаха треснула. Слепые лица громко щелкали зубами. Кровь пятнала одежды и сухую кожу. Слетела свейка.

Теперь и искать нечего!

— На!

Фьольвир попытался раскроить череп какому-то не в пример настырному кааряйну, но лезвие пошло вкось, отхватив мертвецу щеку и нос. Нога нащупала ступеньку. Ну-ка, толчок вверх!

— Руку! — крикнул Унномтюр.

Фьольвир боднул кого-то, заставив двоих или троих нападающих неловко завалиться к стене, темная лавка, встав вертикально, с грохотом обрушилась вниз, что-то прогремело еще, раскачивающийся светильник плеснул светом.

— Руку! — повторил незнакомец.

Фьольвир — на голос — вскинул пятерню. Незнакомец поймал его пальцы, отесанный край стола больно стукнул в колено. Фьольвир оттолкнулся от холодной, подкатившейся к ногам спины и запрыгнул на крепкие доски.

Кровь оросила лицо и бороду. Тьма неожиданно оказалась в одном шаге. Жуткая, очерченная багрянцем арка выгнулась над головой. Унномтюр, оказывается, исчез в ней почти полностью.

— Давай!

Незнакомец дернул Фьольвира. Тьма вздулась, готовая принять арнасона в себя. Стол взбрыкнул под напором кааряйнов, и в голую, без свейки, ногу чуть не вцепились чужие зубы. Только Фьольвиру было не совсем понятно, куда он собирается шагнуть. Тьма казалась куда опасней мертвецов.

— Я не думаю...

— Хайя тебя забери! — Унномтюр неразличимым лицом всплыл из тьмы, как из воды, вставшей торчком. — Нет времени думать!

Он заставил Фьольвира сделать шаг, и Большой Дом пропал за зыбкой серой завесой, а впереди проступила чуть светящаяся, уходящая вдаль, сквозь стены, тропка.

— Иди за мной, — мрачно приказал Унномтюр.

— След в след? — спросил Фьольвир.

— По-другому не получится.

Незнакомец двинулся вперед, и тропка засветилась ярче. Фьольвир вздохнул и пошел за спутником. Унномтюр не оборачивался. Тропка дрожала под ногами, и скоро Фьольвиру стало казаться, что они пробираются подземной штольней, а где-то рядом волшебный молот Калнира бьет в волшебную наковальню. Бум! Бум! Волшебные вещи на то и волшебные, что могут работать и без богов.

— А почему Хайя? — спросил Фьольвир.

— Что? — не понял незнакомец.

— Почему меня должна забрать Хайя? Она же — богиня милосердия. А еще богиня-врачеватель.

— И богиня сомнений.

Фьольвир качнул головой.

— Не знал.

— В этом многие сомневаются, — сказал незнакомец.

Если изначально сквозь тонкий путь, пусть и смутно, но было видно окружение, то через десяток крафуров все застил мрак, вырос стеной, и единственным ориентиром стала сама тропа. Извивы ее были столь причудливы и прихотливы, что через непродолжительное время Фьольвиру стало казаться, будто они уже раз двадцать сменили направление движения. Унномтюр, видимо, не считал это проблемой.

— Как ты там, арнасон? — спросил он, не оборачиваясь.

— Иду, — ответил Фьольвир.

— Не спи только, — предупредил незнакомец. — На тонком пути всегда хочется спать, но нельзя.

— Я не сплю.

— И правильно.

Тропа брызгала светом. Фьольвир приноровился постукивать по тьме, обжимающей плечи, обухом топора, вызывая звонкий отклик. Железо звенело, будто билось о невидимый камень.

Дзинь! Дзинь! Но все тише, тише...

— Не спишь, арнасон? — снова спросил Унномтюр.

Фьольвир мотнул головой.

— Нет.

Он поморгал и, попятившись, подобрал выпавший из руки топорик.

— Точно?

— Все. Уже все, не сплю, — в подтверждение Фьольвир вновь ударил по тьме обухом.

Дзонн!

— А знаешь, как появились тонкие пути? — спросил Унномтюр.

— Кто-то высморкался?

— Смешно.

— Тогда не знаю.

— Богам, видишь ли, они не нужны. Богам тонкие пути без надобности, они сами по

себе — путь. Но для людей, магических существ и мелких божков без того, чтобы быстро оказаться в каком-то месте, иногда вовсе не обойтись. К тому же Йоруну добираться без тонкого пути — не доберешься.

— Так их много?

— Кого?

— Тонких путей.

— Тысячи! Все боги творили их кто во что горазд. Хэнсуйерно — для своих макафиков и созданий. Йорун, Стергун и прочие — для своих любовниц и любовников, слуг и земных проекций. Когда-то Офнир перевел по тонкому пути целую армию.

— Зачем?

— Чтобы победить, конечно же! Копейщики датыр-гази тогда ударили прямо в спины солтакийцев и опрокинули их строй в течение нескольких минут! Надо ли говорить, кому покровительствовал Офнир?

— А зачем ему это было надо?

Незнакомец пожал плечами.

— Когда-то Офнир хотел построить царство царств. Ну, в своем понимании. Чтобы люди были сильные, храбрые, и им хватало всего. Йорун сказал ему: «Попробуй». Но очень скоро это выродилось в череду войн, в которых не было смысла.

Фьольвир стер со щеки упавшую откуда-то сверху каплю. На пальцах осталось красное.

— А мы сейчас по чьему пути идем? — спросил он.

— Уже и не разберешь, арнасон, — ответил Унномтюр. — Они все кровью открываются. Но некоторые еще и именем Йоруна, Стергуна или других богов. Можно и без них, только крови надо больше.

Фьольвир поймал на ладонь еще несколько капель.

— Капает, — сказал он.

— Что? — на мгновение обернулся незнакомец.

— Капает.

Фьольвир показал красные пальцы. Унномтюр выругался, помянув какого-то совсем древнего бога.

— Путь закрывается. Беги за мной, арнасон, быстро беги!

Сам он резко прибавил шаг. Через мгновение его косматая фигура скрылась во тьме за поворотом. Фьольвир припустил следом. Свет замерцал. Сверху капало все сильнее. Рубаха на Фьольвире покраснела.

Унномтюр чуть показался впереди и снова исчез. Тьма надвинулась, стиснула плечи. Тропа вздрагивала и норовила выскользнуть из-под ног. Лило уже струями. Фьольвир чувствовал, как кровь затекает за ворот, как она превращает в липкую массу волосы и бороду.

Топор высекал искры о тьму.

— ...рансон! — вздернулось впереди.

— Да! — крикнул Фьольвир.

— ...рее!

— Бегу!

Хлынуло.

Фьольвиру показалось, что на него вылили целое корыто, а то и громадную бочку горячей, парящей крови. Глаза залепило. Тропа поехала из-под босой ноги. Войца — пекка!

Все красное!

Он упал, пополз, заскользил на коленях, поднялся. Кровь хлестала уже и впереди, на тропе плескались лужи. Незнакомец пропал.

— Эй! — закричал Фьольвир.

Закрывая глаза рукой, он побежал вперед. Разобрать направление было невозможно. Тьма толкала в плечи, била в бедра. Тропа звенела гулкой натянутой жилой.

— Унномтюр!

Ответа не было.

Фьольвир бежал, пока не уткнулся в темную, истекающую кровью стену. Дальше хода не было. Тропа погасла. Тонкий путь кончился.

— Унном...

Откуда-то сбоку проросла рука и дернула Фьольвира к себе. Маттиорайс словно влип в паутину, потом продавил ее своим телом и оказался под хмурым небом среди заросших зеленым мхом остатков каменной крепости.

— Да уж, — сказал, глядя на него, незнакомец. Он отпустил рукав Фьольвира и вытер ладонь о штаны. — Тебе нужно умыться.

— Где мы? — спросил Фьольвир.

Он поморгал и смахнул лишнюю кровь со лба.

— Почти там, где нужно, — ответил незнакомец, пробираясь среди каменных блоков к полуразрушенной арке.

Место было дикое, давно забытое и людьми, и богами.

Фьольвир потоптался на месте, рассыпая алые капли по каменной плите под ногами. Разбитая стена дыбилась перед ним покатым, ершистым валом. Среди отесанных блоков торчали бревна, а ручейки песка и мелких камешков казались кровью, натекающей из многочисленных ран. Часть стены скатывалась в обрыв, застывая там колкой серо-зеленой осыпью. Привратная башня, завалившись, подмяла под собой ворота, наглухо перекрыв вход и выход.

Было ветрено. Крепость, похоже, была построена на скальном уступе, и Фьольвир, сделав несколько шагов, убедился в этом воочию. Ему открылись темный отвесный склон и змейка серого тумана на дне ущелья. Мощеная дорога, стиснутая остатками укреплений, бежала к обломкам каменного моста.

— Арнасон! — крикнул незнакомец.

— Иду! — отозвался Фьольвир и, перебираясь, оставил на холодном, гладком, каменном боку красный отпечаток ладони.

Арка вела в узкий проход, где едва можно было разойтись вдвоем. Стена справа темнела многочисленными бойницами. Стена слева словно треснула по шву и оцетинилась выбитыми, но кое-как удерживающимися блоками.

В пролом виднелся внутренний двор крепости.

— Иди сюда, — позвал Унномтюр.

Он стоял у каменного горла колодца на краю двора и выбирал длинную цепь. Цепь, звякая, ложилась звеньями у его ног.

— Иду.

Фьольвир перелез через обгоревшее с одного конца внушительных размеров бревно. Не удержавшись, прислонился к стене и оставил красный отпечаток и там.

— Аккуратнее-то можешь? — спросил незнакомец.

— Я вот, — Фьольвир вытянул босую ступню, — свейку потерял.

— Думаешь, я сделаю тебе новую?

— Было бы хорошо, — вздохнул Фьольвир.

— В некоторых местах свейки выдалбливали из камня, — сказал незнакомец. — Были даже знаменитые мастера...

Он вытащил цепь полностью. На конце ее заболталось худое деревянное ведро, вода шустро засочилась на камни.

— Не спи, — сказал незнакомец Фьольвиру.

— А что? — спросил тот.

— Ближе подойди.

— Ближе?

Фьольвир, слегка кособочась, шагнул к Унномтюру.

Ф-фух! Ледяная вода из ведра ударила ему в лицо. Фьольвир задохнулся и, моргая и отплевываясь, выставил руки.

— Зачем?

— Ты грязен как Ойягиль, — объяснил незнакомец, вновь опуская ведро в колодец. — Так не годится.

Вода потекла с Фьольвира красными ручейками.

— А кто такой Ойягиль? — спросил он, сдирая с себя рубаху.

— Трупоед Хэнсуйерно, арнасон, — сказал Унномтюр. — Любимый трупоед.

В чреве колодца раздался плеск — ведро нырнуло в воду. Фьольвир застучал зубами.

Уннотюр истратил на Фьольвира десяток ведер. Маттиорайс ухал, охал, распутывал волосы и тер шею и плечи, чувствуя, как холод сковывает тело. Штаны вымокли. Камни мокро поблескивали вокруг. И все же к последнему ведру Фьольвир краснел кожей уже сам по себе, без крови.

— Теперь меня, — сказал незнакомец, вручая Фьольвиру цепь.

Он скинул хельк, везинг и, косматый, буйно поросший черным и пегим волосом, раскинул руки. Лицо его так и осталось пустым. Проступали в нем смутные, нечеткие человеческие черты, но время от времени оно вдруг вытягивалось, примеряя на себя хищную волчью пасть, кабанье рыло или лошадиные ноздри.

Дрожащий от холода Фьольвир опустил ведро в колодец. Цепь размоталась, и ведро брякнуло в стенку.

— Осторожнее, арнасон, — сказал незнакомец.

— Не понимаю, зачем это нам, — сказал Фьольвир.

Дождавшись плеска, он стал вытягивать цепь обратно. От работы мышц по телу растекалось тепло.

— Что — это? — спросил Уннотюр.

— Ну, мыться. Подумаешь, кровь!

— Здешний хозяин от капли крови может впасть в безумие. Тогда ни мне, ни тебе не поздоровится, арнасон. Лей!

Фьольвир плеснул водой. Незнакомец принял залп беззвучно, капли заискрились на кончиках волос.

— Еще!

Фьольвир снова опустил ведро. Шершавые железные звенья заскользили в ладонях, оставляя на коже крапины ржавчины.

— А где этот хозяин сейчас?

— Там, — Уннотюр качнул космами, указывая на ворота в дальнем конце двора.

Ворота были выломаны. Одна створка лежала плашмя, другая представляла из себя измочаленные остатки бревен, едва удерживаемых вместе брусом и железной полосой понизу.

— А почему не выходит?

— Все тебе скажи, — фыркнул незнакомец. — Лей!

Фьольвир выдернул ведро из горловины колодца и опрокинул его на подставленную голову. Вода покраснела.

— Ух, хорошо!

Уннотюр заплясал по камням, смахивая волосы в стороны и растираясь. Лицо его треснуло широкой улыбкой.

— Еще? — спросил Фьольвир.

— Конечно! — воскликнул незнакомец.

Фьольвир принялся разматывать цепь.

— Здешний хозяин — хранитель ключа, — пояснил незнакомец, сделав небольшой круг перед колодцем. — Посажен Йоруном на одно место и двинуться никуда не может.

Он покрутил руками, будто крыльями мельницы.

— А Мтаг?

— Что — Мтаг?

— Ну, он здесь был?

— А ты как думаешь? Ворота — это как раз Мтаг.

Унномтюр шумно выдохнул и несколько раз присел, видимо, чтобы не зазябнуть.

Фьольвир потянул вверх потяжелевшее ведро.

— И кто кого? — спросил он.

— Сейчас пойдем, и увидишь.

Ведро застряло. Звонко закапали капли. Фьольвир намотал цепь на кулак и дернул, но ведро только стукнуло дном о близкую стенку.

— Что там? — подошел незнакомец.

Он заглянул в горловину. Увы, высмотреть что-то в гулкой колодезной тьме было совершенно невозможно.

— Зацепилось, — сказал Фьольвир.

— Вот все у тебя так, арнасон, — сказал незнакомец. — За что зацепилось? Там не за что цепляться.

— Я не знаю.

— Ох, арнасон, — Унномтюр взялся за свободный участок цепи. От его тела веяло кислым жаром. — Ну-ка, вместе.

Они потянули. Цепь скрежетала, ведро не двигалось, вода капала.

— Да что там? — пробормотал незнакомец.

— Может, корень? — предположил Фьольвир.

Его спутник, на удивление, согласился.

— Может, — он повел плечами, давая себе роздых, и снова стиснул пальцы на цепи. — Давай — ка, медвежий сын, еще раз.

Фьольвир поднатужился. Унномтюр засопел рядом. Они слитно, на едином выдохе, выбрали на локоть цепи. Ведро громко плеснуло водой, дернулось, но все-таки пошло вверх. Правда, пошло оно тяжело, и Фьольвиру показалось, будто он зачерпнул не воды, а земли или камней.

— Давай — давай, — подбадривал и себя, и Фьольвира незнакомец.

Возможно, он подбадривал и ведро.

Цепь шла до того туго, что Фьольвир мгновенно вспотел. А еще почувствовал, как заныл бок, несколько дней назад раскроенный кааряйнами. Вроде бы и схватилось, и затянулось рубцом, а ну как расползется по новой.

— Еще! — потребовал незнакомец. — Еще!

Плечом в плечо, перехватываясь, они буквально по звену выбирали цепь. Было даже удивительно, что же они такое поднимали.

Бам! — ведро взвилось вверх, рассыпая ледяные брызги. Фьольвир задрал голову, наблюдая за его полетом, и тут же был сбит незнакомцем с ног.

— Берегись!

Они повалились в разные стороны. Ведро с хрустом брякнулось на камни, из него вылетела влажная плашка. Но не это было опасностью. Фьольвир уловил движение воздуха, темно-зеленое, чешуйчатое тело мелькнуло над ним, а острый коготь прочертил кривую над головой. Ах, ты, тварь! — подумал он и уже собирался вскочить на ноги, как получил в бедро то ли бревном, то ли хвостом. Сила удара была такова, что он сделал три или четыре полных

оборота, в кровь разбивая локти и колени о камни.

А ведь только вымыл!

— Арнасон!

На мгновение Фьольвир потерял ориентацию. Где земля? Где небо? Где колодец? У него даже не сразу получилось подняться.

— Да! — прохрипел он.

— Мне нужна твоя помощь! — крикнул незнакомец.

Он со свистом крутил колодезную цепь. А напротив него, мягко перебирая шестью лапами, то вправо, то влево, перебегала чешуйчатая тварь. Не решаясь атаковать, она искала слабинку в защите Унномтюра.

Фьольвир такой твари не видел никогда. Она была похожа на гигантскую ящерицу с гротескной человеческой головой. Широкая пасть. Глаза-блюдца. Роговые наросты вместо ушей. По позвоночнику вдоль тела к хвосту тянулся костяной гребень, а на конце хвоста имелось утолщение, с которым бедро Фьольвира, кажется, уже свело знакомство.

— И... иду.

Выпрямившись, Фьольвир нашел глазами топорик.

— Нет! Нет! — крикнул Унномтюр, продолжая яростно вращать цепь. — Не двигайся! Ты ее не одолеешь!

Фьольвир замер.

— А что тогда?

— Стой.

Цепь свистнула. Железо выбило искры о камни. Тварь, шипя, успела переместиться. Но Унномтюр, похоже, и не рассчитывал попасть. Его задачей было лишь расчистить путь к Фьольвиру.

— Не уворачивайся!

В три больших шага незнакомец оказался рядом со своим спутником и подпрыгнул, целясь коленями ему в грудь.

— Эй! — только и успел издать вопль Фьольвир.

Далее последовал удар, но вопреки ожиданию Фьольвира не отбросило назад, он даже устоял на ногах, а вот незнакомец, словно был до воздушности легок, отвалился в сторону и упал мешком.

На пустом лице проклюнулись два неподвижных синих глаза.

Фьольвир наклонился к Унномтюру, чтобы растормошить его, но почувствовал вдруг, что не он управляет собственным телом. Он станцевал какой-то дикий, с похрустыванием конечностей танец и от этого едва не закричал от ужаса, но услышал, как внутри, в голове, зазвучал голос незнакомца.

«Тише, арнасон, — сказал Унномтюр. — Это я».

«А к — как?..» — заикаясь, попытался спросить Фьольвир.

Только Унномтюр не дал ему продолжить.

«Нет времени, арнасон. Ты, главное, не мешай мне. Я все объясню. Вот разберемся с подарочком Мтага...».

Фьольвир обнаружил, что пальцы его сжались на звеньях цепи, а вторая рука играючи подхватила разбитое ведро. Все эти действия, начиная от прыжка и танца и заканчивая подбором предметов, уложились в три или четыре вдоха. Впрочем, и этого оказалось много. Тварь не собиралась ждать, пока Фьольвир станет для нее угрозой, и ринулась на него,

перебирая лапами так, что невозможно было определить, где она окажется в следующий момент.

Маттиорайс точно пропал бы. Но Маттиорайс с Унномтюром внутри был уже не так прост и беспомощен.

Тварь бросилась влево, под руку с цепью, в то время как хвост ее загнулся вправо, намереваясь сбить Фьольвира с ног.

«Ишь мы какие!» — весело произнес незнакомец.

Фьольвир и не знал, что может так прыгать. С места, без толчка, на высоту человеческого роста. Ух! Хвост просвистел вниз, вычертил полосу по камням. Фьольвир — Унномтюром тут же, не задумываясь, перекутившись, отправил ведро в морду твари. Ведро разлетелось в щепки, перекушенное зубастой пастью, но на цепь, пущенную следом, у твари уже не было времени среагировать. Железо ожгло ей бок и передние лапы. Бессильное рассерженное шипение было ответом.

Поджав одну из лап, тварь сноровисто отступила и, постукивая хвостом, уставилась на противника круглыми глазами. Почти человеческое лицо исказила гримаса.

Под немигающим взглядом Фьольвир нарочито медленно снова намотал цепь на руку, пнул остатки ведра и, наклонившись, подобрал топорик. Каждое его действие сопровождало кровожадное шелканье зубов.

«Теперь смотри, что могут герои», — сказал незнакомец.

«А я...» — произнес Фьольвир.

Но Унномтюром уже бросил его тело вперед. Это было удивительно быстро. Первый шаг — прыжок. Второй шаг — полет.

Тварь заскользила в сторону, но так, словно была медлительной и дряхлой. Ее лапы еще только отрывались от камней, а обмотанная цепью рука Маттиорайса уже почти достигла надутого кожаного мешка под роговой пластиной на ее голове.

«Я очень быстр», — подумал Фьольвир.

Баммм!

Жуткой силы удар буквально подбросил тварь в воздух. Она с размаху шлепнулась на гребень и открыла бледно-желтое брюхо в мелкой, выпуклой чешуе. Глаза-блюдца заволокло белой пленкой. Топорик во второй руке Фьольвира тем временем заходил словно сам по себе, выскабливая чешую и вырубая из твари куски плоти. Густая черная кровь потекла из ран. Ток-ток-ток-ток — только и слышал Фьольвир.

Ах!

Тварь, опомнившись, вздрогнула, выгнулась всем телом, и неожиданный взмах одной лап едва не распорол Фьольвира наискось. Только Унномтюром внутри него был к этому готов.

«В оба глаза, арнасон!».

Фьольвир ощутил, как могучая сила легко откидывает его назад, а лапа пролетает впустую там, где он только что стоял. Остановившая движение, мокрый камень стукнул в босую пятку.

Тварь перевернулась, издав кашляющие звуки. Из-под лап у нее текло и брызгало черным. Она едва не поскользнулась на собственной крови, неуклюже перемещаясь к крепостной стене. Почти человеческое лицо там, где приложилась обмотанная цепью рука, вспухло желваком.

«Славная работа, как думаешь?» — спросил незнакомец.

«Наверное», — сказал Фьольвир.

«Какой-то не героический ответ, — сказал Унномтюр. — Ладно, закончим начатое. Оставлять в живых ее нельзя».

Тело Фьольвира послушно отозвалось на желание незнакомца. Прыжок, другой — и вот уже тварь отступает, обессилено шипя и клопоча. Лезвие топора чуть ли не играючи отбило вялый взмах хвоста.

«Куда ж ты против героя!».

Унномтюр, похотывая, загнал тварь в угол, сломав ей большинство лап и превратив лицо в жуткую маску. Цепью он высадил ей из пасти почти все зубы и лишил одного глаз-блюдца.

Кровь под тварью образовала лужицу. Бежать ей было некуда. Две стены, смыкаясь, поднимались на четыре крафура. Только какой-нибудь головокружительный прыжок вверх мог спасти тварь. Но она уже обессиленна и выглядела жалко.

«А? Красота!».

Унномтюр в теле Фьольвира отступил, смахивая черное с бороды. Лапы у твари подломились, и она шлепнулась на брюхо. Что-то внутри нее хлопнуло. Уцелевший глаз-блюдце повело в сторону.

«Ну, — сказал незнакомец, — последний удар — твой. Пора закрепить твое героическое обучение».

Фьольвир посмотрел на тварь.

«Она сдохнет и так».

«Самая большая глупость, — сказал Унномтюр, — оставлять своих врагов в живых. Не стоит думать, что они проникнутся к тебе благодарностью».

«Но сам Йорун пожалел Хэнсуерно...»

«Не равняй себя с богом, арнасон! Потом они все-таки единоутробные братья. А эта тварь тебе родственник? К тому же, отправить брата в подземный мир... Не знаю, жалость это или изощренная месть. Я склоняюсь ко второму».

Фьольвир перевел взгляд на топорик в своей руке. Острие украшали зазубрины, на лезвии, как накипь, образовался черный узор.

«Это обязательно?».

«О, Йорун!».

Под управлением нетерпеливого Унномтюра Фьольвир сделал шаг вперед и одним ударом раскроил череп твари. Кровь полилась густым, вязким потоком. Глаз твари помутнел и закрылся чешуйчатым веком. Лапы разъехались.

«Вот теперь все, — с удовлетворением сказал незнакомец. — Неси меня ко мне. Я переселюсь обратно».

Фьольвир шагнул к лежащей у колодца фигуре. Касание волосатой груди — и он ощутил, как будто лишился наполняющей его силы. Даже упал на колени. Унномтюр, оказавшись в своем теле, тут же сел.

— Ну как? — повернул он голову. — Хорошо быть героем?

Фьольвир оглядел измазанные черной кровью грудь и живот.

— Не очень.

— Почему? — Незнакомец, поднявшись, принялся собирать одежду. — Тебе разве не понравилось?

— Но это же был не я, — сказал Фьольвир.

— Потому что пока так, — сказал Унномтюр, запахиваясь в везинг. — Обычно герой —

это он сам, но у нас, как ты понимаешь, не совсем обычная ситуация.

— И снова мыться.

— Чего уж теперь? Обойдемся.

— Не нужно?

— Нет. Пошли.

Подпоясываясь, Уннотюр направился к воротам. Фьольвир, как мог, счистил кровь, смочив ладони в лужице, натекшей у колодца, потом натянул рубаху и двинулся следом.

За разбитыми створками был подъем из десятка каменных ступеней. Одолев их, Фьольвир оказался на широкой, округлой площади, выложенной черными и серыми плитами. С одной стороны площадь опоясывали низкая стена из розового камня. С другой стороны высилось крепкое, мрачное здание, сложенное из крупных, ноздреватых блоков. Здание украшали темные колонны, и часть из них беглецами отступали от правого крыла, словно стремясь продолжать строение и дальше.

Вся площадь была уставлена постаментами.

На взгляд их было больше двадцати, но статуи, которые когда-то на них стояли, были все разбиты, и мрамор, песчаник и известняк усыпали площадь, застыв где внушительными валунами, где нагромождениями камней.

В остатках угадывались фрагменты человеческих и нечеловеческих конечностей и тел.

Самый крупный постамент располагался перед зданием. На неровном, неряшливо отесанном камне, похоже, когда-то, свесив ноги, сидел могучий каменный исполин, но и он не избежал разрушения и был повержен, разбит на кусочки, которые густо покрыли плиты у постамента.

О том, что это был именно исполин, можно было понять по сохранившейся — от стопы до колена — мраморной ноге, которая уткнулась в неровность камня. Фьольвир видел даже прожилки вен.

Размером часть ноги была с него целого.

— М-да, — сказал незнакомец.

Постояв у постамента, он завертел шеей, потом, видимо, заметив нужное, двинулся туда. Взяв влево, незнакомец присел перед крупным, высотой ему по плечи валуном.

— Иди сюда, арнасон! — позвал он.

— А где хозяин? — спросил Фьольвир, выбирая, куда поставить ноги, чтобы не разбить их о камни. — Мтаг его убил?

— Не совсем.

— А что?

— Подойди, и сам увидишь.

Фьольвир перебрался через кучу известняка и оказался рядом с Уннотюром.

— Ох, Йорун! — вырвалось из него.

Валун, у которого присел незнакомец, был частью каменной исполинской головы. Покатый мраморный лоб пересекали две крупные морщины, упираясь в излом, проходящий через правое надбровье и переносицу. При этом уцелели лишь левая щека, левый, закрытый веком глаз и мочка уха.

— Вот, полюбуйся на хозяина первого ключа, — сказал незнакомец.

Какое-то время Фьольвир рассматривал валун.

— Он был статуя?

— Он был Эйяльтог, каменный великан. А вокруг было его воинство. Но, как видишь,

воинство не устояло.

— И куда мы теперь?

— А вот сейчас и спросим.

Унномтюр без всякого почтения пнул носком свейки мраморную щеку, оставляя мокрый след.

— Эй, Эйяльтог! — крикнул он, наклонившись, прямо в сомкнутое веко. — Хватит уже притворяться!

— Стыдно! — внезапно прогудела площадь.

Голос, казалось, шел из-под плит, заставляя их вибрировать. Фьольвир едва устоял на ногах.

— Он жив! — воскликнул он.

— Он и не умирал, — сказал незнакомец.

— Я — бессмертный, — подтвердил разрушенный великан. — Эйяльтог, сильный и могучий. Хранитель первого ключа. Только я не смог, не смог...

Он застонал, и мелкие камешки заскакали по плитам.

— А что ты хочешь? — сказал Унномтюр, прохаживаясь. — Тебя разбил Мтаг, один из первых учеников повелителя подземного мира.

— Все равно, — выдохнул Эйяльтог, и валун открыл глаз с рубином вместо зрачка.

Глаз уставился на Фьольвира.

— А это кто? — спросил исполин.

— Герой, конечно же, — сказал незнакомец. — Фьольвир Маттиорайс, медвежий сын, арнасон из арнасонов.

Эйяльтог хмыкнул.

— Не чую в нем силы.

— А в себе? — ехидно спросил Унномтюр. — В себе чувствуешь? Божественную помощь и богов чувствуешь?

Исполин прикрыл глаз.

— Странно, — прогудел он через несколько мгновений. — А я-то думаю, почему мне так тяжело снова собраться в целое.

— Боги, друг мой, — пыфф! — Унномтюр изобразил маленький взрыв, когда сжатые пальцы, распрямляясь, разлетаются в стороны вместе с ладонями. — Уже пять лет как.

— Пять лет! — ужаснулся Эйяльтог.

— Здешних пять лет, — уточнил незнакомец. — Сам понимаешь, время в разных местах течет по-разному. Кому год, кому месяц. Ты и проиграл-то Мтагу потому, что тот дождался, когда власть богов повсюду ослабнет.

Исполин сверкнул рубиновым зрачком.

— Я так и знал! — громыхнул он так, что камни из разных куч перемешались между собой. — Какой-то макафик будто бы сильнее меня! Я даже Тот-Камота победил, а он был не чета человеку.

— Тем не менее...

— А где Йорун? Стергрун? Офнир? Их жены?

— Их нет, — сказал незнакомец.

— Что, все ушли воевать с вахенами? — удивился Эйяльтог. — Все-все? А почему меня не позвали?

— Все сложнее, мой друг.

Морщины на лбу исполина сделались крупнее.

— Как это?

— Ты видел у Мтага шкатулку? — спросил Унномтюр.

— Нет.

— Он носит ее с собой. Это шкатулка Телеотта.

Унномтюр вкратце рассказал Эйяльтогу, что произошло и чего хочет макафик. По мере рассказа глаз великана сверкал все яростней.

— О, Генгиль, мать всего сущего! — воскликнул он, когда Унномтюр умолк. — Этому Телеотту руки бы пообрывать! А потом Хэнсуйерно! А потом — Мтагу! Или наоборот. Надс же такое придумать!

— У Мтага, должно быть, осталось не много сил, — вернул его к действительности Унномтюр.

— О, да! — прогудел исполин. — Я ему показал! Он едва меня одолел! Еще немного, и я бы прихлопнул его как муху. Или как шмеля.

— А куда он пошел, не знаешь? Тонкий путь, как я думаю, ему пока не открыть.

Эйяльтог хмыкнул.

— Здесь одна дорога, в город Хройтхельм. Спуститесь к подножью, увидите. Там верят в Офнира и в меня, — с гордостью сказал он. — Офнир им настроил всего, а я у них хранитель.

— На сколько он нас опережает? — спросил Унномтюр.

Великан задумался.

— Это сложно. Я ж разбитый лежал.

— Понятно, — сказал Унномтюр. — Ладно, ты собирайся. Мы пойдем.

— Я быстро! — пообещал Эйяльтог. — А то как так? Вахены ринутся, а я в беспорядке...

— Арнасон, — позвал Унномтюр.

Он направился в дальний конец площади, где стена из розового камня поднималась уступами и зубцами. В ее теле виднелся широкий проход, окаймленный поверху красной тканью. Фьольвир, словно очнувшись, двинулся вслед за незнакомцем, досадуя на то, что мелкие камни так и норовят попасть под пальцы босой ноги.

— Эй, герой! — окликнул его исполин.

Фьольвир обернулся.

— Да?

— Еще поборемся. Посмотрим, кто сильнее! Только без всяких штучек, понял? Я со своими ребятами, а ты один.

— Но разве так честно?

— Конечно! Никто не жаловался. Ты герой или нет?

— Не знаю.

— О, Генгиль, мать всего сущего! Что за люди валяются на мою голову? — услышал огорченное бормотание исполина Фьольвир, но предпочел больше не оборачиваться.

— Ты идешь? — поторопил Унномтюр.

— Да.

Створки в проходе были прикрыты, но легко подались. Их Мтаг не разбил — то ли сил не было, то ли необходимости. Дорога серыми извивами сбегала по склону, делила стылое черное поле далеко внизу на неровные части, скользила по деревянному мосту и упиралась в

городскую стену.

За стеной теснились черепичные крыши. Крыш было много, и часть из них пряталась за холмом. Вились дымки из труб.

— Хройтхельм? — спросил Фьольвир.

— Он самый, — сказал незнакомец.

Они пошли по дороге. Фьольвиру скоро надоело прихрамывать, он стянул свейку и зашагал босиком. Густая облачная пелена текла по небу. Ветер, налетая злыми порывами, трепал на Фьольвире рубаху, которая и так была едва жива. Уннотюру было хоть бы что. Оно и понятно — не человек, холода не испытывает. Но везинг зачем-то напялил.

То слева, то справа от дороги всплывали столбики ограждения с подвязанными между ними жердями. Встретившаяся им телега, лишенная передней оси, смотрела днищем в небо с обочины.

— Ты бывал в таких городах, арнасон? — спросил Уннотюр, кивая на Хройтхельм.

— Я был в Гуйноссе, Бергрейме, Хилльдудфе, — принялся перечислять Фьольвир. — Е Хилльдудфе домов не меньше.

— И чтобы бог их отстроил?

— Такого, наверное, не было.

— Увидишь, — пообещал Уннотюр. — Офнир между братьями — непревзойденный строитель. Уж построит так построит. Хоть из чего. Хоть из кизяка и веток. И веками стоит! Красота! Случались, правда, с ним и промашки. Если не в настроении или в задумчивости, такого может поналепить...

— Какого? — спросил Фьольвир.

— Есть город Фатам. Слышал?

— Нет.

— И слава Йоруну! Войти в город можно легко. Одиннадцать ворот! Колодцы, сады, фонтаны, дворец правителя с колоннами и высоченной башней, дома горожан — ни одного одинакового, все с террасами и дворами, и стоят ярусами — один над другим. Арки, улицы верхние, улицы нижние, лестницы и переходы. Беда одна — покинуть его почти невозможно.

— Почему? Стража?

— Да нет, — качнул головой незнакомец, — там не стража. Там — время.

— Как это?

— Когда Офнир строил его, он случайно или намеренно сделал помещения и улицы, отдельные комнаты и лестницы разновременными. Вошел ты, скажем, в дом, а в нем время течет не так, как снаружи. На долю, на две вперед или назад. Или вообще скачет то туда, то обратно. И выйти никак.

Фьольвир нахмурился, не понимая.

— Почему это?

— Потому что ты находишься в одном временном потоке, а улица в другом.

— Так что мне мешает? Дверь же осталась на месте, так? Почему я не могу открыть ее и выйти?

— Потому что... Вот, смотри.

Уннотюр нагнулся и подобрал булыжник с обочины. Несколько раз подбросив его в ладони, он предъявил камень Фьольвиру.

— Видишь?

— Вижу, — кивнул Фольвир. — Камень.

Незнакомец перекинул его спутнику.

— Сожми.

— Пожалуйста.

Фольвир обхватил булыжник пальцами.

— Можешь ты стиснуть руку с камнем в кулак? — спросил Унномтюр.

Фольвир напряг пальцы, но потом мотнул головой.

— Камень мешает.

— А теперь?

Унномтюр выхватил булыжник. Фольвир фыркнул.

— Теперь-то легко.

— А теперь представь, — хитро прищурился незнакомец, поймав спутника за запястье, — что у тебя в руке нет камня. Но вдох назад был. И пальцы твои существуют как бы этот вдох назад. Сам ты здесь. А пальцы там, и сжать их ты не можешь, потому что в твоих пальцах, что вдох назад, все еще находится этот камень.

— Но камня же нет!

Унномтюр вздохнул.

— Хорошо. Давай так, хотя, думаю, я зря тебе это объясняю. — Он подбросил булыжник вверх. — Где камень?

Фольвир поднял голову.

— В небе.

Они оба подождали, пока булыжник упадет на землю.

— А сейчас где? — спросил Унномтюр.

Фольвир помолчал. Он искал подвох.

— На дороге, — не слишком уверенно ответил он.

— Встань рядом.

— Так?

Фольвир сделал шаг.

— А теперь представь, что камень все еще в небе, — сказал Унномтюр. — Ты стоишь, а я его подбросил. И если что, он упадет точно тебе на макушку. В этом времени он уже упал, а во времени чуть раньше еще только падает.

— Так я отшагну.

— Нет-нет. Как? Ты его даже не видишь. Его нет в твоём времени.

Фольвир подумал.

— Тогда почему он должен упасть мне на голову? — спросил он.

— Э — э... — сказал Унномтюр, — тут ты прав. Но я же не о том, что камень обязательно упадет тебе на голову. Я о том, что вы с камнем существуете в разных долях времени. Вы не совпадаете. Ты здесь, он — все еще в небе. Так и с выходом из комнаты.

Фольвир почесал затылок. Видно было, что ему не хочется огорчать своего спутника непониманием.

— А Офнир... — произнес он. — Зачем он это сделал?

— О, спроси что-нибудь полегче! — воскликнул Унномтюр. — Офнира даже братья не всегда понимают. Где уж мне? Он бог, в общем-то, нормальный, но, знаешь, и на него иногда находит.

— Просто, как там люди-то?

Незнакомец пожал плечами.

— В Фатаме? Живут. Иногда даже встречаются.

— Что? — удивился Фьольвир. — А что едят?

— Ну, представь, — сказал Унномтюр. — Есть у тебя кус мяса. Пожарил ты его, повесил над очагом, и все — оно застыло во времени. Проголодался, забираешь кусок в свое время, но в прошлом это мясо, как можно понять, никуда не делось, не так ли? Оно все еще существует, там, в прошлом. В общем, в следующий раз тот же кусок можно взять снова. Только на долю времени раньше.

— Ради Йоруна — все! — взмолился Фьольвир. — У меня сейчас голова треснет! Дай мне лодку! Я уплыву в Тааливисто.

— На самом деле, все это только на первый взгляд сложно, — заявил незнакомец. — Ты поймешь. Потом.

Они спустились, наконец, по склону к подножью, к одинокому каменному домику и широкому ровному месту, где, судя по следам колес, разворачивались, перегружались телеги. Фьольвир оглянулся. Кромка крепостной стены, за которой лежал раздробленный каменный исполин, розовела высоко вверху.

Ветер притих. В облачной пелене появились разрывы, и в эти разрывы то и дело плескало солнце. Стало ощутимо теплей. Справа и слева от спутников потянулось черное, недавно вспаханное поле.

— А почему мы не торопимся? — спросил Фьольвир, забегая вперед.

— Потому что Мтаг в Хройтхельме, — ответил Унномтюр. — Куда спешить?

— Он же взял ключ!

— Да. И Эйяльтог не был ему большим препятствием, как бы великан ни утверждал обратное. Увы, не очень умные создания нашего Йоруна почему-то всегда считают себя великими и непобедимыми. Видимо, берут это от своего создателя. Эйяльтог — из таких, и бахвальству его, конечно, верить нельзя. Но Мтаг открывал тонкий путь. Ведь так? И, судя по дождавшимся нас кааряйнам, влил в них прорву своего драгоценного эйхе. Кроме того, достать ключ из груди великана — совсем не то, что победить великана, арнасон. Еще эйхе. Нет, мой друг, Мтагу в любом случае понадобилось бы время, чтобы восстановиться, и оно еще не вышло.

— Так, может, Мтаг ушел дальше!

— Зачем? — удивился незнакомец. — Люди в Хройтхельме всегда под рукой, почувствует Мтаг, что оправился, тут же с их помощью откроет тонкий путь к следующему ключу.

Фьольвир аж подпрыгнул.

— Так тем более надо спешить!

Унномтюр покосился на спутника.

— Ты видишь дымы, арнасон?

Фьольвир прищурился.

— Да, — сказал он, глядя на тонкие ниточки дыма над приближающейся городской стеной.

— Что это? — спросил Унномтюр.

— Ну, топят печи.

— Правильно. Значит, что? Значит, ничего еще не случилось. А вот нас, арнасон, в этом случае могут встречать.

— Кто?

— Мтаг, конечно. Но вряд ли он сам. Он, как паук, сидит где-то в центре паутины, а люди для него — ниточки. За какую потянет, та перед нами и объявится. Ты же, кажется, знаешь, как макафик овладевает разумом человека?

Фьольвир вздрогнул, мотнул головой.

— Мне рассказывали, — сказал он.

— Для него это просто, — сказал Унномтюр. — Достаточно уколоть палец человеку и получить каплю его крови. Но иногда и этого, арнасон, не нужно. Макафики могут подчинять людей одной силой своего эйхе.

Поле кончилось, уткнулось в ограду. Спутники остановились у бревенчатого моста, перекинутого через ручей. Русло его, похоже, было расширено и углублено вручную. Склон на противоположной стороне поднимался отвесно.

До стены, которой отгораживался от мира Хройтхельм, оставалось никак не больше тридцати крафуров. Стена была серой, неровной, необычной. Она поднималась на высоту пяти человеческих ростов, то тут, то там выгибаясь фальшивыми арками. Между арками камень выступал вперед, словно исполины вроде Эйяльтога просунули свои серые носы сквозь кладку, и те застряли там, схваченные раствором.

Ворота же имели треугольную форму.

Незнакомец пихнул Фьольвира в плечо. На пустом лице проклюнулся голубой глаз и подмигнул Маттиорайсу.

— Ну? Как тебе?

— Стену тоже Офнир делал?

— А как ты думаешь? Он, конечно!

Фьольвир посмотрел на кривые зубцы, бегущие от выступа к выступу.

— Мне не нравится, — сказал он.

— Ой-ей! Много ты видел, арнасон!

— Все равно не нравится.

— Значит, ты тоже не особенно-то любишь богов, — с каким-то не совсем понятным удовлетворением констатировал Унномтюр.

— Почему? Дурацкая же стена!

— И Офнир, стало быть, дурак.

— Неправда.

— Да я молчу, молчу, — сказал незнакомец.

Они почти миновали мост, когда треугольные ворота треснули вертикальной щелью. Щель расширилась, выпуская к спутникам одинокую человеческую фигурку в алом везинге или чем-то подобном. Фьольвир потянул из-за пояса топорик.

— Не торопись, — сказал ему Унномтюр.

Человек поднял руку и приблизился неспешным шагом к путешественникам. Стало видно, что это крепкий, плечистый мужчина с подстриженной бородой, подпоясанный, в добротных меховых свейках. Оружия при нем не было. Впрочем, в расходящихся створках уже строились люди, и они были вооружены. Как минимум у двух встречающих Фьольвир разглядел окованные железом копья.

Мужчина остановился в трех шагах и чуть склонил голову, выказывая уважение.

— Доброго пути, гости, — сказал он на понятном общем языке. — Назовите себя.

Унномтюр подтолкнул спутника, чтобы отвечал первым.

— Фьольвир Маттиорайс, — прижал ладонь к груди Фьольвир.

Мужчина кивнул. Взгляд его серых глаз переместился на Унномтюра. Тот стянул хельк с кудлатой головы и явил свету вполне обычное лицо, неуловимо схожее с физиономией Фьольвира.

— Гульдир Маттиорайс!

Кулак стукнул в грудь. Мужчина прищурился и во второй раз кивнул уже с заминкой, принимая сказанное.

— Къяр Кольдафн, начальник стражей, — представился он. — Вы в город или через него?

— В город, — сказал Унномтюр.

— К нам редко приходят по этой дороге, — сказал мужчина. — Обычно это посланники или беглецы. К кому мне стоит отнести вас?

— Ни к тем, ни к другим, — ответил Унномтюр. — Мы путешествуем.

Начальник стражей хмыкнул.

— Значит, вы простые путешественники? — Он пошевелил ноздрями. — Нет-нет. От вас пахнет...

Фьольвир тут же нырнул носом в подмышку.

— Да нет...

— Ничем от нас не пахнет, — заявил Унномтюр.

Къяр Колдафн улыбнулся.

— От вас пахнет эйхе и богами. И кровью.

Его подчиненные тем временем выстроились перед воротами в две неровные линии, образуя короткий коридор. Всего стражников было шесть. Один, насколько видел Фьольвир, был толст. Еще двое были совсем мальчишками. К серьезным воинам, пожалуй, можно было отнести только высокого и угрюмого копейщика, который стоял крайним справа. Взгляд его был обманчиво-скучающ.

— Боги исчезли, — сказал Унномтюр.

Начальник стражей кивнул.

— Мы заметили.

— И кровь не наша.

Къяр снова кивнул.

— А как там наш исполин? — поинтересовался он.

— Разобран на части, — ответил Унномтюр.

— Это не удивительно, вы же простые путешественники.

— Это действительно так. Он был разбит раньше.

— Что ж, — начальник стражей отступил в сторону, — это не так уж важно. С вами хотят встретиться.

Унномтюр посмотрел на Фьольвира.

— Мы готовы, — сказал он.

— А ты, Гуннар, значит, за обоих отвечаешь? — хмыкнул Къяр. — Брат твой, кажется, что-то молчалив. Да еще и босоног. Вы же братья?

— Братья, — подтвердил Унномтюр. — Только я — Гульдир.

— Прости. В первый раз не расслышал, Гульдир, — сказал начальник стражей и пошел к воротам. — Идите за мной.

— Во дворец?

— Увидите.

Къяр миновал своих подчиненных. Фьольвир как бы невзначай поправил топорик. Унномтюр накинуд хельк на голову. Стражники пропустили их и сомкнулись за спинами. То ли почетное сопровождение, то ли конвой. Представляй, как хочешь.

За воротами обнаружили еще четыре стражника.

У этих и везинги были без рукавов, с подшитыми железными пластинами, и оружием служили крепкие, хорошей, звонкойковки мечи. Жилистые, поджарые, бритые стражники были не чета тем, что вышли к путникам за Къярм Кольдафном. Фьольвир заметил, как начальник стражей, толкнув створку, едва заметно качнул им головой. Мечи в мгновение ока пропали из рук — кто-то убрал свое оружие в петлю на поясе, кто-то спрятал за спину, кто-то и вовсе прислонил к стене.

— Бретоль, — позвал Къяр одного из стражников.

Тот, усатый, с иссеченной шрамами физиономией, шагнул навстречу. Один из шрамов проходил прямо через пустую глазницу.

— Здесь, кэр Кольдафн.

— Проведи наших путников, Фьольвира и Гульдира, к кэру Штиртваллю. Спустились от крепости и уверяют, что путешественники. Возможно и так. Но, думаю, нашей беде помочь смогут.

— Какой беде? — спросил Фьольвир.

— О, молчаливый братец заговорил! — фыркнул Къяр. И снова обратился к Бретолу: — Расскажи им, что у нас как. Я буду позже.

— Понял! — кивнул тот. — А куда вести? К казарме...

— В дом Мергена.

— Так там пол-улицы в стекле, а этот босой.

Бретоль показал целым глазом на Фьольвира.

— Хиф! — крикнул Къяр, задирая голову. — Хифферон! Принеси какую-нибудь обувь на твою ногу!

— Да, кэр! — отозвался один из стражников, закрывающих ворота.

— Быстрее!

— Уже!

Стражнику пришлось забежать в дом, задней стенкой приросший к городской стене. Дом был длинный, крепкий, из неровного серого камня, крытый коричневой черепицей, но ничего эдакого Фьольвир в нем не увидел. Офнир, пожалуй, мог и постараться, создавая его. Или этот дом пристроили уже после?

— Вот!

Худой и длиннолицый Хифферон протянул начальнику стражей заскорюзлые сапоги — штиры.

— Не мне, бестолочь! — рыкнул на него Къяр. — Гостю!

— Да, кэр!

Штиры воняли. Но не расползались, а подошва у них оказалась сшита из нескольких слоев кожи. Натянув штиры, Фьольвир почувствовал себя заново родившимся. Ногам стало тепло.

— Хорошо? — спросил начальник стражей.

Фьольвир кивнул.

— Тогда идите, — напутствовал Къяр и по мощеной и кривой улочке направился в сторону пузатого домика, отмеченного подвешенным на цепи бочокном.

— За мной, путешественники, — скомандовал одноглазый стражник.

Они обошли похожий на скалу дом, поставленный напротив ворот и, видимо, призванный служить дополнительной преградой, если нападающие ворвутся в город. Дом был мрачен, и щели окон казались прищуренными глазами. Фьольвир поежился. Дальше улочка начинала плавный подъем. Здания так и норовили заступить на нее углами, а сверху то и дело нависали балконы.

— Значится, что у нас? — шагающий впереди Бретоль на мгновение обернулся. — Вы смотрите, как говорится, какая вокруг красота. Нам-то уже приелось.

Смотреть было на что.

Здания прижимались друг к другу. Зады их, видимо, были притиснуты к городской стене в то время, как фасады соревновались за внимание проходящих. Похожих домов не было. За высоким, в три яруса строением шел низкий, в виде башенки домик, здание за домиком, казалось, завивалось каменной спиралью, а следующее стояло на колоннах, будто на лапах.

И действительно — было красиво. Завитушки, лесенки, уступчики, каменные фигурки, узорчатые двери и ставни. Пока Фьольвир вертел шеей, Унномтюр больше смотрел под ноги.

— Так что у вас случилось? — спросил он.

Одноглазый стражник, подождав, пошел с ним вровень.

— Дальше, — показал он рукой, — торговые ряды, за ними — еще ряд домов вокруг дворцовой площади, а там уже и дворец правителя.

— И?

— Четыре дня назад со стороны крепости пришел один человек. Он был весь в пыли. Мы поняли, конечно, что он одолел Эйяльтога. Таким мы не препятствуем, таким сразу дорога во дворец.

— Почему? — спросил Унномтюр.

— Ну как? Традиция, — сказал Бретоль. — Победитель, значит, удостоивается приема правителя, кэра Сарина Инца.

— Угу.

Стражник наклонился к плечу Унномтюра.

— Раньше-то, — доверительно проговорил он, — правители встречали победителей у ворот. Но еще прошлый кэр Жигмунд посчитал это необязательным. Так-то, понятно, богов боялись, но и радовались, что кто-то испытание прошел. Непростой, значит, человек, можно это... приникнуть, мудрости набраться. Во!

Закатав рукав рубахи, Бретоль показал лиловый рубец, наискось пересекающий плечо.

— Это от одного из героев, — поделился он. — Давно, лет пятнадцать назад. Герой был косой, рыжий, и нос набок.

— Не знаю такого, — сказал Унномтюр.

— Ух ты! — воскликнул за его спиной Фьольвир.

Стражник обернулся.

— А, да, это на всех производит впечатление.

Громадный белый каменный зверь, выгнувший спину и грозно приподнявший лапу, встречал людей в конце подъема. И только когда спадала первая оторопь, становилось видно, что под грудиной у зверя темнеет дверь, а под лапой прячется балкон. И круглые глаза — не совсем глаза, а окна.

— Так вот, — снова наклонился к Унномтюру Бретоль, — я еще бестолковый был,

попросил, значит, чтобы он показал, как палкой управляется. У него палка была, простая, но длинная. Никакого железа, ни меча, ни кинжала, ни даже шила. Э, нет, пряжка была на поясе. А я, значит, с мечом. Недавно Одо Тельмига одолел, думал, что равных мне нет. Дурак, в общем. А рыжий этот палкой так — бам! И у меня рука — напрочь...

Унномтюр остановился.

— А люди все где? — спросил он.

— Ой, да! — завертел головой Фьольвир. — Что-то я никого не вижу!

— Сидят по домам, заперлись, — сказал стражник. — Ну, те, что еще не во дворце. Там, во дворце, наверное, уже счет к сотне подбирается.

Унномтюр нахмурился.

— Сами идут?

— Ну, да! — подтвердил одноглазый Бретоль. — Третий день как. Мы уж и стекла насыпали, и посты выставили, нет, кого-нибудь да ловим. Говорят, будто зовет их что-то во дворец, тянет. И никто еще обратно не вышел.

— А на стражу что, зов не действует?

— Те, на кого подействовал, уже во дворце.

Торговые ряды представляли из себя десяток полотняных шатров, установленных у низкой каменной ограды. Шатры были безлюдны, внутри лежали облысевшие шкуры, стояли лавки. Пахло то рыбой, то сеном, то навозом.

Широкий проход вел к прорехе между домами.

— Это вот дом кэра Ситверна, — принялся показывать стражник, — это кэра Лиллера, а это кэринны Виттельмины.

Дома высились, как замершие перед начальством воины. Гранит и известняк, красное и желтое, чешуя бульжников и отесанные плиты. Тут уже верилось в деятельное участие Офнира. Ажурные балконы и воздушные галереи сплетались с выпуклыми, мраморными губами террас, надстройки, казалось, балансировали на тонких нитях свай, а черепица рассыпалась по крышам, как зуд по телу.

— Здесь осторожнее, — сказал Бретоль.

Мостовая заблестела битым стеклом. Отводя ступнями осколки, одноглазый стражник первым проложил путь.

— Сюда, — позвал он, забирая влево.

Впереди открывалась площадь, за которой золотились скаты дворца.

Дворец был великолепен. Его крыши летели ввысь, на многочисленных башенках трепетали стяги, в чередке арочных окон отражалось солнце.

— Стой! — услышал Фьольвир. — Куда?

Оказалось, что он сделал шаг в сторону, и Унномтюр поймал его за ворот рубахи. Пронзительные синие глаза незнакомца заглянули Фьольвиру в лицо.

— Что? Слышишь зов?

— Нет, — сказал Фьольвир. — Красиво.

— Тьфу! — плюнул Унномтюр.

Дом Мергена встретил их широким крыльцом с каменными скакунами. Кони, встав на дыбы, подпирали шеями каменный портик. Высокие деревянные двери украшала изысканная резьба. Низкие окна по ту и другую от дверей стороны все до одного были закрыты ставнями изнутри.

Дом казался посаженным.

— Кэр Штиртвалль! — Бретоль стукнул кулаком в дощечку на створке. — Здесь двое от крепости.

Где-то в глубине дома звякнуло железо, но потом опять стало тихо. Одноглазый стражник оглянулся на путешественников и вновь поднял кулак.

— Кэр Штиртвалль!

Створки треснули щелью.

— Не кричи, сын Хэнсуйерно, — сердито дохнули из щели. — Кэр Штиртвалль спит после ночного караула.

— Здесь люди, спустились из крепости, — понизив голос, сказал Бретоль.

— И что мне с ними? — проворчали из дома.

— Кэр Кольдафн хочет, чтобы они пошли во дворец.

— Да?

Щель сделалась шире. В нее головой и плечом просунулся пожилой стражник. Темные глаза из-под седых бровей сначала уставились на Бретоля, а потом по очереди наши Фьольвира и Унномтюра.

— Братья что ли?

— Фьольвир Маттиорайс, — сказал Фьольвир.

— Гульдир Маттиорайс, — сказал Унномтюр.

— Путешественники, — добавил Фьольвир.

Стражник шевельнул густыми усами.

— И на что им кэр Штиртвалль? — спросил он Бретоля. — Хотят, так пусть идут. Сейчас тихо. Это ночью все в огнях, так и думаешь, что сгорит все к войца-пекка.

— То есть, мы можем идти? — спросил Унномтюр.

— Постойте.

Створка распахнулась, и пожилой стражник предстал целиком. Одет он был в рубаху и жакар, укороченный кожаный везинг. Штаны на его ногах были завернуты до колен. Голени в синяках и шрамах лоснились то ли от масла, то ли от какой-то мази.

— Натираю беличьим жиром, — объяснил он, поймав взгляд Фьольвира. — Так-то оно терпимо, но иной раз как будто Йорун копьём ткнет — от пятки прямо сквозь мясо в кость, в колено, хоть кричи, хоть падай.

Стражник неторопливо надел растоптанные свейки.

— Ты куда? — забеспокоился одноглазый Бретоль.

— Провожу их, — сказал пожилой воин. — А ты сиди, сторожи тут.

Он сунул кинжал за пояс.

— А если кэр Штиртвалль...

— Скажешь ему, что я повел твоих путешественников по назначению.

Стражник сошел со ступеней, заставив Бретоля и Фьольвира посторониться. Звякнуло несколько, откинутых носком свейки осколков.

— Сюда-то зачем насыпали?

— Это не я, — сказал Бретоль.

— А ты запишись, — посоветовал ему пожилой стражник и повернулся к Фьольвиру и Унномтюру. — Ну, чего стоите?

— Так это... — произнес Фьольвир.

Стражник не стал слушать.

— За мной идите.

Не оборачиваясь, он двинулся через площадь по серым, черным и красным плитам, сложенным геометрическим узором. Спутники пошли следом. Площадь была пуста. Столбики ограничивали ее пространство справа и слева. Дворец золотой и розовой каменной пеной прорастал над линией стриженных кустов. Окна летели к башенкам, башенки соперничали с трубами.

Залюбовавшись, Фьольвир чуть не запнулся о вывернутую из гнезда плиту. Унномтюр придержал его и не дал упасть.

— Хэн тебя побери, арнасон! — произнес он.

— Осторожнее здесь, — запоздало предупредил стражник. — Мы тут пытались...

Не договорив, он махнул рукой, показывая, что предпринятые ими усилия не стоят даже слов.

Еще несколько плит были вывернуты дальше и брошены в беспорядке.

— Так что во дворце? — спросил Фьольвир.

— А кто знает? — пожал плечами стражник. — Днем тихо, по ночам — огни. Близко-то мы не подходим.

Он остановился у кустов. Между кустами и фасадом дворца пролежала мощеная дорожка, по которой к парадным дверям, видимо, подъезжали гости и сам правитель. Ближайшие окна были темны.

— Ну, можете идти, — сказал стражник.

— Во дворец? — уточнил Фьольвир.

Стражник усмехнулся в усы.

— А куда еще? Вы ж, понятно, не просто так объявились. Если спустились, значит, была причина. А какая это причина может быть, если раньше спустился этот? Думаю, за ним вы и пришли.

— Вы его видели? — спросил Унномтюр, изучая окна второго этажа.

— Мельком. Волосы черные, нос острый — вот все, что могу сказать. Фигура худая. И везинг странный, весь на пряжках.

— Шкатулку при нем...

— Мешок у него был, — сказал стражник. — Мешок видел, он его за плечом нес. Так — то у нас уже года три никто крепостью не ходил.

— Понятно, — сказал Унномтюр. — Ну, арнасон...

— Пойдите.

Стражник вытянул кинжал из-за пояса и сунул его в руки Унномтюру.

— Вот, — сказал он. — А то у брата твоего оружие, смотрю, есть, пусть и у тебя будет. — Он наклонился и понизил голос: — А что там с богами, не знаете? Непривычно без богов-то. Как жить-то? Пять лет уже тишина, ни отзвука. Кому молиться? Чего ждать? Одного ваэна за все это время и наблюдали.

— Не понятно пока с богами, — сказал Унномтюр.

Стражник тяжело вздохнул.

— Жалко. Это ж, если без богов, надо как-то по-другому... А как? Без помощи, без страха перед их гневом.

Он покачал головой и зашагал обратно, предоставив спутников самим себе. Фьольвир посмотрел на створки парадных дверей.

— Ну, что, надо идти, наверное, — сказал он, сжав в пальцах рукоятку топорика.

Унномтюр усмехнулся.

— Собираешься пробиться к Мтагу с боем?

— А что? Как в прошлый раз.

— Тут по — другому.

Унномтюр шагнул через кусты. Фьольвир последовал за ним.

Вблизи стены дворца поражали своей гладкостью, закруглениями, плавными переходами. Стыки плит были едва видны, ноготь не просунуть. Сквозь камень то и дело проступал узор, рассыпаясь сполохами вверх и в стороны. Нет, подумал Фьольвир, не под силу такое человеку. Он даже ладонью повел по стене. Как по коже!

— Арнасон! — шепотом позвал Унномтюр, пытаясь заглянуть в узкую щель неплотно прикрытой двери.

— Да, — Фьольвир, приблизившись, встал у спутника за спиной.

— Вот что, — повернулся к нему Унномтюр, — Мтаг еще не открыл тонкий путь. Люди во дворце пока живы.

— И что это меняет? — спросил Фьольвир.

Унномтюр с интересом посмотрел на своего спутника.

— Арнасон! Неужели ты не видишь разницы?

— Ну, если они все кинутся на нас, нам же все равно придется всех их убить, — сказал Фьольвир.

Унномтюр задумчиво кивнул.

— Да, думаю, он контролирует всех во дворце. Но, скорее всего, сразу нападать на нас не станут. Мтагу захочется посмотреть на тех, кто его преследует, чтобы понять, насколько мы сильны. И это наш шанс.

— А насколько мы сильны? — спросил Фьольвир.

Унномтюр пожал плечами.

— Не знаю. Ты у нас герой.

Фьольвир помолчал. Хмурясь, он прислушался к себе. Кроме урчания в животе ничего геройского ему уловить удалось.

— Мне кажется, Мтаг сильнее.

— Раньше — да, — надвинулся Унномтюр. — Эйяльтога ты и со мной, может быть, не одолел бы. Но сейчас Мтаг слаб. Он спрячется среди людей, как я. — Он поправил складки хелька на голове, затеняя лицо. — Сможем его найти...

— Худой, нос острый.

— Нет-нет, он может принять любое обличье.

— Тогда как нам его опознать?

Унномтюр легко стукнул Фьольвира по лбу.

— По запаху, арнасон, по запаху! Он пахнет эйхе и кровью, учуешь. Только, возможно, придется подобраться очень близко.

— А как пахнет эйхе? — спросил Фьольвир.

— А как пахнет бог? Чем пах ваш Аттитойне?

— Медведем.

— И все?

Фьольвир смутился.

— Ну, медвежьим дерьмом еще.

— Это понятно. Ваш Аттитойне был и сам почти медведь. Но запах бога, запах эйхе ни с чем не спутаешь. Он словно поднимает тебя в небо. Ни одной мысли, кроме: «Вот она,

сила!» в голову не придет. Понял?

— А кэр Кольдафн сказал, что мы тоже...

Унномтюр потрепал Фьольвиру волосы на затылке.

— А как же, арнасон! Мы же не из праха деланные! Я, можно сказать, прямиком из покоев Йоруна, ты — почти герой. Пахнем немножко и я, и ты. Тонким путем, в конце концов, прошли. Ладно, — он подступил к дверям вплотную, — посмотрим на Мтага. Что за плод любви.

Створка под его ладонью с торжественным скрипом раскрылась внутрь. Луч дневного света прорезал полумрак пустого зала и уперся в ступени ведущей навверх лестницы. Блеснули металлом перила. Сверкнул золотой узор на стене. Ожидая нападения, Фьольвир осторожно шагнул за Унномтюром,

— А если уже все? — тихо спросил он.

— Нет, — шепнул в ответ Унномтюр. — Я бы учуял.

Они двинулись к центру зала. Тонкие копыя света пробивались сквозь щели в ставнях. Под ногами шуршал ковер. Было тихо. Не верилось, что где-то в здании есть жизнь. Скоро глаза Фьольвира приспособились к серой мгле внутри дворца, и он различил каменные скамьи вдоль стен, черной зев гигантского очага, лепнину на потолке и длинный стол в глубине зала.

— Так, — Унномтюр остановился. — Куда идем, арнасон, навверх или туда?

Он показал на каменную арку, над которой выступала изящная железная поковка со спускающимися по бокам ветвями и чашами светильников.

— В арку, — сказал Фьольвир.

— В арку? Ну, давай.

Мягкий, темный язык ковра оборвался. Сбоку выступил комод с одиноким и пустым блюдом. Двери арки были прикрыты плотно, ни звука не доносилось с той стороны, но Унномтюр, медля открывать, на всякий случай еще приложил ухо.

— Тихо? — спросил Фьольвир.

Унномтюр кивнул.

— Хитрит Мтаг что-то.

Он рывком распахнул дверь. Их встретила та же серая мгла, чуть разбавляемая светом сквозь ставни. Они оказались в первом из целой анфилады залов с широкими проемами. Зал был розов. В углах стояли стулья и диваны. Четыре колонны поддерживали свод. Всю стену напротив окон занимала цветная фреска с Офниром. Гибкий, мускулистый, прикрытый одной набедренной повязкой, он сидел, возводя вокруг себя город.

Что-то совершенно детское было в этом изображении. Фьольвир вспомнил, как в раннем детстве с Эртином лепил крепость из глины.

Впереди, в одном из залов, вдруг плеснул огненный ответ. Казалось, там зажгли светильник.

— Это нам, — уверенно сказал Унномтюр.

Он двинулся через зал. Фьольвир, задержавшись у фрески (левый глаз у Офнира определенно был выбит), заторопился за ним.

Следующее помещение было также безлюдно. Но, в отличие от предыдущего, оно не выглядело безжизненным. Диваны и стулья хранили вещи хозяев — накидки, шляпы, везинги и жакары. У одного из стульев лежала даже деревянная нога, искусно выточенная неведомым умельцем. На столиках в блюдах белели кости. В многочисленных кубках и

чашках темнело вино.

Свет впереди разгорелся ярче. Послышались шорохи шагов и негромкие голоса. Правда, очередной зал снова оказался пуст. Другое дело, что Фьольвир был уверен — люди покинули его буквально несколько мгновений назад. От светильников еще шло тепло и текли струйки дыма, а на фреске с Офниром, собравшим вокруг себя людей и показывающим им на город, расплывалось свежее винное пятно с подтекающими к полу струйками.

— Ага, — сказал Унномтюр, когда в дальнем проеме зала, загорая его, вылепилась крупная фигура.

— Что мне делать? — шепнул Фьольвир.

— Пока ничего, — ответил Унномтюр.

Они приблизились к фигуре, и та, освещенная языками огня, вспыхнувшего в чашах по сторонам проема, обрела черты здоровяка в мохнатой накидке.

— Хм, — произнес здоровяк, с сомнением оглядев их. — Приветствую. Вы точно те, кого мы ждем?

Он скрестил волосатые руки на груди и нахмурился. Заросшая физиономия его, на взгляд Фьольвира, просила топора, простого и безыскусного удара обухом, но Унномтюр был расположен к беседе.

— А кого вы ждете? — спросил он.

Здоровяк на мгновение растерялся.

— Ну, людей.

— Так мы люди! — воскликнул Унномтюр. — Вот я, вот мой брат, — он подтянул к себе Фьольвира и заставил того подшагнуть к стражу в проеме. — Можете убедиться! Из мяса и костей!

— Это я вижу, — еще тесней сдвинул брови здоровяк. — Но вы это... Нам нужны смелые люди.

— А мы какие? — удивился Унномтюр. — Сами! К вам во дворец! Где бы вы еще нашли таких храбрецов?

Здоровяк кивнул.

— Герои?

— Почти.

— У меня, например, топор, — сказал Фьольвир.

Ответом ему послужил взгляд на лезвие, все еще частично покрытое высохшей кровью чудовища, выскочившего из колодца.

— И откуда вы? — спросил здоровяк.

— Из Бьеннте... Ай!

Унномтюр, наступив на ногу Фьольвиру, не дал тому закончить.

— Издалека, — сказал он, обнимая спутника и незаметно пихая ему в бок, чтобы молчал. — Мы — братья. Вот. Путешествуем. Решили к вам заглянуть.

Здоровяк неожиданно широко улыбнулся.

— Тогда конечно!

Он отступил в сторону, открывая проход. И, когда спутники уже миновали его, проорал во всю глотку:

— Бьеннтестад!

Темный еще вдох назад зал, встречая гостей, вспыхнул огнями. Громадное помещение в одно мгновение озарили светильники, подвешенные на крюках вдоль стен. Заалели углями

жаровни. Блики заплясали по потолку. Очередная Фреска с Офниром, теперь уже вставшим на руки и лукаво заглядывающим в окна дворца, заиграла красками, будто под солнечными лучами. Пространство живо наполнилось голосами. Из нищ, из темноты, из-за колонн и мебели выступили люди. Не взирая на разницу в положении, титулах и достатке, они вышли к Фьольвиру и Унномтюру сообща, единой толпой.

Женщины мешались с мужчинами, простой земельщик в домотканой рубаше и штанах соседствовал с кэрмом в импозантном полувезинге с разрезами в рукавах, шляпа стражника сводила знакомство с платком прислуги, а грубые деревянные башмаки не находили стыда в том, чтобы прижаться к украшенным бисером свейкам.

Заиграла музыка — дудки и ситор о четырех струнах. Толпа вытолкнула из себя мужчину лет тридцати в узком темном платье, широких штанах и плоской шляпе. Под горбатым носом у него цвели пышные усы. В глазах плескалось веселое голубое небо.

— А вот и наши герои! — раскинул руки встречающий и, кланяясь, подарил Фьольвиру широкую улыбку. — Знаем, знаем Бьеннтестада!

Толпа зашумела, выражая согласие. Спутников обступили полукругом.

— Ах, Бьеннтестада! — продолжил восхищенно мужчина. — Холодное море, суровые мужчины, прекрасные женщины!

— Откуда... — прохрипел Фьольвир.

Но мужчина не дал ему договорить и повернулся к обитателям дворца.

— Все мы знаем, — возвестил он, наклонив голову, — это маленькое и, казалось бы, забытое богами поселение! Ваэн — медведь в покровителях, бесхитростное бытие охотников и рыболовов, изредка выбирающихся из своих глухих земель. Так себе воины. Так себе моряки. Только по недоразумению можно было ждать там появления героя. И что же? По прихоти Йоруна именно на его обитателей снисходит неразборчивая благодать! Вот же как бывает! Отголосок предусмотрительности! Нелепость на крайний случай! Пропустишь человечка, и он уже герой!

Мужчина снова повернулся к Фьольвиру с Унномтюром.

— Давайте же полюбуемся на него и его проводника! — воскликнул он, снимая шляпу и обнажая лысину. — Нам есть на что посмотреть!

Фьольвир обнаружил, что толпа таращится на него с глупыми улыбками. Ни один человек не сделал попытки приблизиться вплотную, но и расступаться перед спутниками никто не спешил. Ни прямо, ни в сторону возможности продвинуться не было. И только путь назад оставался свободен.

Развернись на подошве шпира, арнасон, и иди.

Как ни странно, Унномтюра это, похоже, несколько не беспокоило — привстав на носки, он высматривал что-то поверх голов.

— Ах, герой! — тем временем произнес все тот же мужчина, видимо, взявший на себя обязанность просвещать толпу насчет прибывших гостей. — Посмотрите на него! Бородат, молод, хмур! Разве мог Йорун выбрать кого-то вместо? Пожалуй, что нет. И тут, конечно, недоработали кааряйны, ах, как недоработали!

— А можно его потрогать? — спросил женский, дрожащий от желания голос.

— Да! Да! — поддержали его еще несколько голосов.

— Увы, — огорчился мужчина, — это же герой. Посмотрите на него, он уже готов кого-нибудь убить!

Фьольвир с удивлением понял, что действительно сжимает топорик в руке. И не только

сжимает, но и примеривается раскрыть говорящему череп. На собравшихся это, впрочем, не произвело никакого впечатления. Они все также таращились на Фьольвира, как на диковину.

— Осторожнее, арнасон, — шепнул Унномтюр.

— Чего?

— Топор опусти.

— Так они это... — произнес Фьольвир.

— Опустит.

Фьольвир сглотнул. Лысый мужчина в узком платье, прижав шляпу к груди, клонился к нему головой, словно провоцируя на удар. Глаза его лукаво смотрели снизу. Фьольвир одним движением отправил оружие за пояс.

— Ну, нет так нет, — тут же оживился мужчина, водрузив шляпу на голову. — Жители Хройхельма! Давайте же не будем мешать нашим героям! Что мы тут стену перед ними выстроили! Расходимся, расходимся!

Обернувшись к толпе, он замахал руками, словно отгонял птиц.

— Расходимся!

Его, помедлив, послушались. Распадаясь на группки, на пары, люди распространились по залу, и получилось у них это также быстро, как и собраться единой толпой. Сам мужчина в шляпе ретировался, прячась за чужими спинами. Несколько мгновений Фьольвир следил за его темным платьем, но потом потерял из виду.

— Это был Мтаг? — спросил он Унномтюра.

Тот качнул головой.

— Разве ты не видишь? Они все Мтаг. Он контролирует их всех. Прячется где-то под чужой личиной...

Фьольвир посмотрел на возвышение с креслом в глубине зала.

— Может он этот... кэр Сарин Инц, правитель города?

— Может быть.

Унномтюр покрутил головой. Круг пустого пространства перед ними составлял чуть ли не десяток крафуров. Горели светильники, звенели струны сутора, слышались разговоры и смех, ухо Фьольвира даже выхватывало отдельные фразы, но на путешественников внимания больше никто не обращал.

— Вот что, — сказал Унномтюр, — разделимся.

— Зачем?

— Чтобы Мтагу пришлось труднее. Я его ищу, ты его отвлекаешь. Понял, арнасон?

— А что мне делать? — спросил Фьольвир.

— Что угодно, — наклонившись, зашептал Унномтюр. — Хоть пляши. Но лучше просто ходи по залу и приставай с расспросами.

— Понял, — кивнул Фьольвир и уже шагнул к смешанной группке мужчин и женщин, но был пойман спутником за рукав.

— И самое главное, — проговорил Унномтюр, — ради всех богов не доставай оружие.

— Почему?

— Не знаю. Но чувствую, что у Мтага в этом свой интерес. Видел, как все замерли перед блеском твоего топора?

— Видел.

— Вот и держи его за поясом.

Унномтюр разжал пальцы, отпуская спутника. Несколько шагов они шли параллельно,

Уннотюр — держась стены с фреской, а Фьольвир — забирая к стене с окнами. Но дальше Фьольвир незнакомца уже потерял.

Люди, к которым он подошел, говорили, естественно, о богах.

— Вот Офнир, — говорил один мужчина, плотный, с седеющей бородой. Поверх его богатого везинга качалась золотая цепь. — Я понимаю его, как строителя, но не понимаю, как бога. Что за глупое желание, строить для кого-то? Кто ему люди? Что-то я сомневаюсь, что мы значим для него больше, чем грязь под ногтями. Согласитесь, строить дома для грязи — есть блажь и возможное расстройство ума. Строить нужно для себя. Строить нужно, чтобы равные оценили тебя, твое умение и твои замыслы. В этом смысле Офнир выглядит неким дурачком среди остальных богов.

— Да-да-да, — закивали ему две женщины — одна, одетая в простое платье прислуги, другая — в платье зажиточной горожанки. — Мы тоже так думаем. Если вот даже фрески... Он же на них совершенно голый!

— Ну, постойте! А Йорун как же? — спросил их крупный мужчина в кожаном фартуке, повязанном на грубую рубаху. Крупные, поросшие волосом руки его постоянно находились в движении, почесывая шею, грудь, живот или бедра. — Добро-то от него кто видал? Ну, ладно, раз в год жена его появится, благословит поля, а он сам? Только и горазд, что молнии по небу рассыпать!

— Я не знаю, как другие боги, — сказал Фьольвир, и все говорившие посмотрели на него, — но наш Аттитойне много для нас делал.

Мужчина в богатом везинге фыркнул.

— Ну, ваш-то — ваэн косолапый! Ему положено. Вы ж его съели бы, попробуй он не стараться.

— Медвежье мясо, — сказал мужчина в фартуке, с шумом скребя ногтями спину, — если его правильно приготовить, получается нежнее оленьего. Одного медведя, если с требухой, нам на половину зимы хватало.

— А если бы ваэна? — спросила зажиточная горожанка.

Мужчина задумался.

— Ну, ваэн, наверное, покрупнее будет...

Фьольвир скрипнул зубами.

— Разозлить меня хотите?

— А что, треснуть хочешь? — спросил любитель медвежьего мяса и подставил широкий лоб. — Давай, герой. Мой лоб, твой топорик. Думаешь, кто сильнее?

Женщины заулыбались.

— Идите вы!

Фьольвир отошел, сделал два шага и неожиданно оказался в женских объятьях.

— Так вот ты какой, северный герой! — сказали ему, обдав несвежим запахом изо рта. Перед его лицом оказалась пышная грудь, так и выскакивающая из квадратного выреза платья.

— Простите.

Фьольвир попытался вырваться, но женщина держала крепко.

— Люблю я таких, как ты! — жарко зашептала она в ухо Маттиорайсу. — Как ты вошел, так мне сразу стало понятно: герой!

У нее был глубокий, грудной голос.

Как Фьольвир не уклонялся, но чужие губы впились в его рот. Только после долгого

поцелуя хватка женщины слегка ослабла — ей тоже нужно было отдышаться. Это дало возможность Фьольвиру повернуться, поставить упором плечо и разорвать тесные объятия.

— А ты силен!

Женщина одной рукой прихватила его за рубаху. Она была крупна. В черных глазах горело желание. Щеки цвели багрянцем.

— Знаешь, почему Йоруна прозвали Копьеносцем? — спросила она, покачивая бедрами.

— Потому что он с копьем, — сказал Фьольвир.

— Ха! Потому что копье у него — между ног! — сказала женщина. — Все знают! Не было от него спасения. Как кто-нибудь ему понравится — все, не успокоится, пока свое хозяйство не пристроит.

— Так он бог.

— Бог, который копьем думает, не бог, а так...

Фьольвир нахмурился.

— Я не думаю...

Женщина рывком притянула его к себе.

— А чего тут думать, герой? То он в гуся, то в борова, то еще, поговаривают, в черного жеребца превращается. Все, что ли, от божественных своих забот? Догадаться ума много не надо. То Келейбу соблазнит, то в юную Эффирь во сне войдет. А то со спины подкрадется, и не обернуться, держит за волосы, чтобы прогнулась, хохочет, но дело свое делает.

Она опустила руку к Фьольвинову животу.

— У тебя — то как с копьем, герой?

— Нормально, — сказал Фьольвир, отступив.

— Что-то ты пуглив, — усмехнулась женщина, шагнув навстречу.

— Зато ты смела.

Фьольвир отступил еще. Женщина последовала за ним, подметая плиты пола подолом платья. Половина зала, казалось, смотрела только на них.

— Я, может, как и ты, богом отмечена.

— И не хватило?

— А если я сравнить хочу?

Женщина расставила руки.

— Меня с Йоруном? — спросил Фьольвир, прячась за подвернувшегося рядом усача.

— Так уж нет его, а ты здесь.

От движения дородного тела усач беззвучно отлетел в сторону. Улыбка охотницы сделалась плотоядной. Фьольвир торопливо перебрался за группку из трех хрупких женщин. Женщины замерли. Глаза их расширились.

— Позвольте...

Почитательница героев разметала пискнувшую группку на составные части.

— Мой северный герой!

— Так, — сказал Фьольвир, достав топорик. — Ни шагу дальше.

— Убьешь? — спросила женщина.

— Убью.

— Давай!

Женщина шагнула, и лезвие топорика нырнуло за вырез платья, в узкую ложбинку между грудей. Фьольвир оглянулся по сторонам, ловя полные ожидания взгляды. Весь зал предвкушал кровь.

— Я это...

— Ты и в убийстве пуглив?

— Скорее, осторожен, — сказал Фьольвир.

Вспомнив слова Уннотюра, он вернул оружие за пояс.

— И все? — разочарование отразилось на лице женщины. Она повернулась к стоящим у нее за спиной. — Вы посмотрите на этого героя! Даже убить не может! Казалось бы, чего легче? Но нет!

Она плюнула под ноги и раскинула руки, потрясая ими, словно вопрошая зал.

— Что же это за герой без убийств? Что за жуткие времена? Мир без богов! Жизнь без посмертия! Герой без геройства!

Фьольвир оставил ее потерянно топтаться у одного из окон. Он шел среди людей, и напротив медленно текла фреска. Незначительные детали вспыхивали на ней в такт его шагам — мальчишки, сидящие на скате желтой крыши, невнятный рисунок на согнутой голой ноге Офнира, облако с торчащим в нем копьём.

Присутствующие расступались перед Фьольвиром, их лица морщились, словно он нехорошо пах, а разговоры стихали. Фреска кончалась у глубокой ниши, в которой на возвышении стояло массивное, набитое цветными подушками кресло правителя. Компанию ему составляли кресла похуже, а с боков их подпирали скамьи, предназначенные, видимо, для совсем незначительных персон. Все сиденья были пусты. А у кресла правителя Фьольвир заметил озадаченного Уннотюра. Уннотюр крутил головой, высматривая с возвышения Мтага.

— Эй, герой!

Мордатый стражник в кожаном нагруднике поверх везинга вырос перед Фьольвиром и пихнул того в плечо. Стражник был пьян. От него разлило вином. С левого бока, предвкушая развлечение, к нему пристроились еще двое. Эти скалились и смотрели веселыми мутными глазами. Пузатый торговец и один из кэров, высокий, с тонкими губами, не последний, видимо, человек в Хройтхельме.

Странность состояла в том, что все остальные словно не заметили выпада стражника и теперь старательно не поворачивали голов. Только речи в зале стали громче, зазвенели напряжением. Фьольвир услышал, как за его спиной какая-то женщина срывающимся голосом произнесла:

— Наш Офнир еще более-менее нормален, подарил нам город и ушел, не спрашивая награды. Так бы все боги...

— Эй! Тебе сказано!

Новый тычок был сильнее предыдущего. Фьольвир запоздало, на возврате, подбил чужой кулак.

— Что сказано? — спросил он.

Стражник наморщил лоб, видимо, не ожидая ни отдачи, ни вопроса. Его качнуло, и пузатый торговец подперев пьяному приятелю плечо, остановил крен.

— Ну-ну-ну, Эфген, — пробормотал он. — Мы еще никуда не уходим.

— Выдай ему, Эфген, — воинственно вздергивая подбородок, сказал кэр.

Один глаз у него был прищурен, а другой смотрел куда-то вбок от Фьольвира. Эфген, соглашаясь, кивнул.

— Ты...

Стражник замолчал, собираясь с мыслями. Глаза его остановились на Фьольвировом

топорике.

— Давай, Эфген, давай, — теребил приятеля торговец.

— Ты же этот... герой? — сложно подвигав лицом, наконец спросил стражник.

— Не знаю, — сказал Фьольвир.

— А я, может, тоже!

— Тоже герой?

— Да! Я волка... волка... — стражник уронил голову на нагрудник, то ли вспоминая, то ли решив вздремнуть.

— Эфген!

Торговцу пришлось дернуть его за ухо.

— Да, — очнулся стражник, отпихнув приятеля мощным плечом, — волка я убил!

Голыми руками! Задушил!

Он вытаращился на Фьольвира.

— И что? — спросил Фьольвир.

— Надо выяснить, кто сильнее!

— Зачем?

Стражник нахмурился.

— Он издевается над тобой, Эфген, — оповестил его кэр.

— Да, Эфген, — поддакнул торговец, — он не похож на героя. Герои, чуть что, лезут в драку, чтобы отстоять свое имя. А этот — не настоящий.

Стражник взревел.

— Ты — ы!

Он вновь попытался ткнуть в соперника кулаком, но Фьольвир уже был начеку и отступил в сторону. Промажнувшись, стражник не устоял на ногах, собственное движение закрутило его винтом, и как ни старались его приятели предотвратить неизбежное падение, цепляясь за полы везинга, Эфген рухнул.

На мгновение стало тихо. Потом стражник, завозившись, со вздохом перевернулся на спину.

— Не... не убедил! — сказал он, раскинул руки и захрапел.

Фьольвир почти миновал «поле сражения» со спящим, когда кэр, сведя глаза в одну точку, неожиданно спросил:

— Как же ты уцелел?

— Что? — остановился Фьольвир.

Шелестящий, задумчивый голос подействовал на него, как якорь.

— Кааряйны не могли никого пропустить.

— Как видишь, пропустили.

Кэр покивал.

— Да-да, припоминаю, тебе вскрыли правый бок, там, у частокола... И стрела была у тебя в спине...

Фьольвир шагнул к говорящему.

— Ты был там?

Кэр скривил тонкие губы.

— Ко мне обращаются кэр Йотан Лонгленн. Уважительно — высокородный кэр. Только так.

Фьольвир, не вполне отдавая себе отчет, поймал мужчину за ворот платья.

— Мне плевать! — выдохнул он. — Ты был там?

Кэр улыбнулся, приближая лицо.

— Конечно. И пил кровь твоих родных. А твоя жена... Ах, как она кричала! Каждый кааряйн почтил ее своим вниманием. Она отправилась в Тааливисто с лоном, полным чужого семени.

— Вот как?

— Да!

— Что ж, высокородный кэр...

Топорик сверкнул в руке Фьольвира.

— Не — ет! — услышал Фьольвир крик Унномтюра.

Но было уже поздно.

Лезвие вошло в шею кэра на целый палец, перерубая жилы и мышцы. Кровь брызнула высоким фонтаном, но к удивлению Фьольвира, не спеша опадать, поплыла по воздуху, как по невидимому водоводу, через головы в густую темноту за креслом правителя. Можно было поклясться, что ни одна капля не упала на пол.

Торжествующий хохот рассыпался по залу. Мгновение — и ему уже вторили все собравшиеся. Смеялись Фьольвиру в лицо. За креслом правителя распускал лепестки алый цветок тонкого пути. Хохочущие стражники выстроились на возвышении, преграждая к нему путь.

Кэр упал, но кровь из него все также продолжала струиться вверх. Тонкое лицо заострилось, сделалось пепельным. Глаза запали в глазницах.

Фьольвир стоял неподвижно.

— Ах, Хэн тебя забери и перемели в прах!

Унномтюр, объявившийся рядом, вырвал окровавленный топорик из рук спутника.

— Он про Хейвиску... — прошептал Фьольвир.

— Конечно! — сверкнул острыми зубами Унномтюр. Он вновь был в своей привычной ипостаси с пронзительными синими глазами. — Мтаг не мог здесь никого убить. Ему нужно было, чтобы ты...

— Я? — заморгал Фьольвир.

— Ну, ты же у нас — герой!

— Но Хейвиска...

— Что Хейвиска? Очнись! Она уже мертва, арнасон! Что ж ты введешься, как рыба перед озерным ваэном.

Фьольвир оглянулся. Вокруг кривлялись, смеялись, жмурились, взмахивали руками люди. Казалось, им нет никакого дела ни до Фьольвира, ни до мертвеца.

— И что теперь? — спросил он.

Унномтюр вздохнул.

— Теперь, боюсь, будет много крови.

— Но я не хочу! — запротестовал Фьольвир.

Унномтюр фыркнул.

— Удивляюсь тебе. Зарубил человека ни за что, и вдруг — не хочу. Вон лежит твой кэр — попробуй оживи.

— Это была ошибка.

Унномтюр посмотрел на Фьольвира.

— А я тебя не предупреждал? Ладно, держись за спиной.

— Прорубаться будем?

— Почти.

Фьольвир стиснул плечо спутника.

— Готов.

— Тогда пошли.

Но стоило им начать движение, как люди в зале прекратили хохотать, выпрямились и уставились на них. По мере того, как Унномтюр с Фьольвиром приближались к возвышению, в шорохе одежд и шарканьи обуви принялись перемещаться и они, оставляя

между собой и гостями два, три шага пустоты, но сами сбиваясь все теснее и теснее. Кровь мертвого кэра тонким, алым, пересыхающим ручейком текла над ними. Кто-то то и дело всхохатывал. Звучало это жутко.

За пять шагов до возвышения Унномтюр остановился.

Люди выстроились перед ним, захватив ступени и все пространство у возвышения. На лицах их расцветали улыбки, но глаза были пусты и глядели сквозь. Стражники у кресла правителя, показывая серьезность намерений, обнажили мечи.

— Мтаг! — крикнул Унномтюр.

— Уо-хо-хо! — раздался из-за кресла веселый голос. — Кого я слышу? Ты, кажется, один из Йоруновых слуг?

— Возможно.

— Нет-нет, я видел тебя! — сказал Мтаг, не показываясь. — Ты был безмолвным и тихим. Как же ты уцелел?

— Не твое дело!

— Прятался между ног у своей хозяйки?

Унномтюр качнул головой.

— Ты хочешь разозлить меня?

— Хочу! — заявил Мтаг. — Очень хочу! Впрочем, о том, что Накки из-за отлучек Йоруна готова лечь в постель с любым, подвернувшимся под руку созданием, мы, внизу, слышали постоянно. То от одной мертвой души, то от другой. Старина Хэн из-за Накки пил яску для мертвецов, как в прорву. Слал гонцов с уговорами. Но они возвращались, разрубленные Йоруновым копьем. Или, думаешь, ты какой-то особенный?

— А ты покажись, и посмотрим, — сказал Унномтюр.

Мтаг захохотал.

— Я тебя и так вижу! Ничего выдающегося. Божественной силы чуть. Йорун, похоже, лепил тебя на коленке.

Унномтюр подался вперед.

— Тогда тебе, тем более, нечего бояться. Ну же, Мтаг, посмотрим в глаза друг другу.

— Ой-ёй-ёй!

— Неужели страшно? Или все силы на Эйяльтога потратил?

— Слушай, да, — сказал Мтаг. — На самом деле, чуть ли не все эйхе на этого каменного идиота извел. Представь, я его в осколки, чтобы до ключа добраться, а он мне высказывает, что сражение было не честное, и еще мгновение — и он бы мне показал. Даже предлагал собрать его по-новой, чтобы сразиться по-настоящему. Правда, я так и не понял, что он под этим имел в виду. А здесь, в дурацком городке, оказывается, мне еще и кровь не пролить. Какие-то нелепые ограничения, которые, на удивление, еще действуют. Хорошо, твой герой с топором помог. Между прочим, как я и рассчитывал. Он у тебя совсем дурачок.

— Сам дурак! — крикнул Фьольвир.

И получил от своего спутника локтем в ребра.

— Так ты выгляни, выгляни, — призвал Унномтюр играющего в прятки Мтага. — Если мы такие никчемные...

— А вы такие и есть! — заявил Мтаг.

— Тогда в чем же дело?

— Осторожность еще никогда никого не подводила.

Унномтюр обернулся к Фьольвиру.

— А, по-моему, он трус, арнасон, — сказал он. — Самый обычный трус, хоть и первый ученик. Как ты думаешь?

Глаз его незаметно подмигнул Фьольвиру, и Маттиорайс кивнул.

— Трус! Как не трус? Трус! Странно прятаться, когда у тебя куча народу в послушных куклах.

В темноте за креслом рассмеялись.

— Теперь вы хотите подначить меня! Так сказать, моим же оружием...

— Есть такое, — признался Унномтюр.

— Ой, ладно! — высокая алая тень со смешком медленно вытянулась из-за кресла. — Чего я действительно боюсь?

Мтаг встал за стражниками, частично доступный огням светильников. У него было странное, остроносое лицо. Широкий рот. Узкий подбородок. Глубоко утопленные в черепе красные глаза. Фьольвир, возможно, не назвал бы Мтага уродцем, но все же черты лица макафика показались ему слишком резкими из-за двух морщин, прорезающих щеки от крыльев носа.

Складки алого платья скрывали фигуру.

— Вот и я, — улыбнулся Мтаг.

— И что, страшно? — спросил его Унномтюр.

— Немножко. Вы меня все же пугаете. Я, признаюсь, рассчитывал, что погони за мной никакой не будет. Думал, сломаю героический механизм — и свободен.

— Не доломал.

Мтаг вздохнул.

— Получается, так. Нет, я подстраховался, но, видимо, не достаточно.

— Да, Коггфальтаддир сплоховал.

— Увы.

— И что теперь? — спросил Унномтюр.

— Думаю, уйду по тропе, — улыбнулся Мтаг.

Улыбка обнажила острые белые зубы в черных деснах.

— Может, бросишь это дело со шкатулкой? — предложил Унномтюр. — Ничего хорошего не выйдет.

— Я бы бросил, — сказал Фьольвир.

— Ну что вы! — сказал Мтаг с усмешкой. — Кто же отказывается от таких шансов по своей воле? Тем более, что я знаю, что меня ждет в противном случае. Ни Йорун, ни старик Хэн не забудут мне этого никогда, не говоря уже обо всех остальных. А терпеть и в жизни и после смерти их извращенную, примененную ко мне фантазию — простите великодушно. Так что выход у меня один.

— Думаешь, тьма тебя обласкает? — спросил Унномтюр.

— Ну зачем же? — Мтаг переместился, с улыбкой просунул голову над плечами двух стражников, и резко обозначившись морщины словно разделили его лицо на части. — Мне ее ласки не нужны. И она, как ни странно, более договороспособна.

— Ой, да-да.

— Да. Она не обещает, как старик Хэн. Знаешь, сколько раз он меня обманывал? — Мтаг закривлялся, передразнивая бога мертвых. — «Я наделю тебя божественной силой, Мтаг!», «Все, кто служит мне искренне и честно, получают право сидеть рядом со мной, как равные!», а потом: «Знай свое место, прислужник! Я ничего тебе не должен!». Я, дурак,

первые лет тридцать-сорок вообще не понимал, что за лживое существо, оказывается, тот божественный хмырь, которому я служу. Оно, конечно, специфика существования обязывает, сложно удержаться от козней, излишеств и интриг, когда день за днем видишь людские пороки, так сказать, проходящими перед тобой. Но со своими-то зачем так? Я разве против старика что-то затевал?

— И думаешь, уж тьма-то тебя не обманет?

Мтаг улыбнулся.

— Мое дорогое нечто из Йорунова дворца, — сказал он, вырастая и опираясь ладонью на голову стражника. — Подземелье старика, как ты должен понимать, с этой самой тьмой имеет много общего. Не географически, конечно, но по сути своей. Хэн слышал ее время от времени. Я слышу ее.

— И что?

— Ничего. Но, знаешь, она не грозит никакими карами и, кажется, не умеет врать. Я думаю, она с удовольствием оставит мне небольшой мирок, чтобы с хрустом поглотить все остальное.

Унномтюр поднялся на цыпочки, опираясь на плечо Фьольвира.

— Это она тебе сама сказала? — крикнул он.

— Ну не вахены же!

— А кто?

Мтаг задумался. Взгляд его опустился вниз, на волосатую макушку стражника. Губы поджались.

— Знаешь, я думаю...

Фьольвир и не заметил, как Унномтюр метнул кинжал. Это было движение из-за спины, из-за плеча, максимально скрытое до последнего момента. Краем глаза он уловил только взблеск металла, пронесшегося навстречу мятежному макафику. Казалось, ничто не может отменить их встречу.

Но в руках стражников вдруг невозможно быстро взметнулись мечи, скрестились, сложились железным щитом перед лицом Мтага. Кинжал ударился о них, высек искру и в бессилии отскочил в сторону.

Мечи опустились.

— Прекрасно, — с улыбкой хлопнул в ладоши Мтаг. — Как я понимаю, именно этим и заканчиваются все беседы с вашей братией. Замечательно. Все вы честные, благородные, высоконравственные, отстаивающие интересы несчастных людей и некоего баланса, света, в конце концов, непременно долженствующего превалировать над злобной тьмой, но как только есть возможность, то милое дело — бросить кинжал исподтишка. Вы, наверное, даже убеждаете себя, что иначе было никак нельзя, что все это творится ради великой цели, что противника не победить чистыми руками, он мерзок, силен, коварен, и, значит, для того, чтобы одолеть его, можно самим побыть мерзкими и коварными. Ну, что ж, я в восхищении. Нисколько не кривлю душой или тем, что у меня вместо нее.

Макафик отступил вглубь возвышения, скрываясь в красноватой тьме.

— А что не так? — спросил Унномтюр.

— Да! — крикнул Фьольвир. — Все так делают! Ты бы тоже...

— Именно! — снова возник Мтаг. — Я бы — да. Но герой, бог... Вы что, не понимаете, что таким образом разница между мной и вами становится совсем незначительной? На кого смотреть, кого превозносить, кому молиться? Я — злодей, убийца и прочее. И вы — герои и

боги, но такие же злодеи, убийцы и прочее.

Он скривился.

— Мы против тьмы, — сказал Унномтюр.

— И что? — спросил Мтаг.

— Тьма ничего не получит! — выкрикнул Фьольвир.

Макафик широко растянул губы.

— Прекрасно, герой из Бьеннтестада. Ты, я смотрю, знаешь, чью выбрал сторону.

Фьольвир кивнул.

— Знаю!

— Уверен? На твоей стороне — Йорун. Первый из четырех братьев! Насильник, убийца, гневливый и полоумный бог, чье мнение не подлежит оспариванию, ревнивый истребитель птицеголовых, соперников, мяса, вина и любого, кто подвернется под горячую руку, а также поклонник жестоких розыгрышей и пьяных забав.

— И что?

Мтаг пожал плечами.

— Стергрун, — сказал он. — Второй братец. Бог без головы. Бог-воин. Смерть врагам. Видел бы ты его обмазанного мозгами побежденных с головы до ног! Думаешь, что-то было в его глазах? Человеколюбие и жалость? Ну, нет! В них было одно безумие. Он упивался своей силой. Он грезил лишь армиями и победами. Все остальное ему скучно. Какой бы народ он не принимал под свою руку, через год, два или три Стергрун непременно вел их войной на соседей, обещая богатые земли и добычу. Думаешь, он как-то берег их? Или был милостив?

Фьольвир потрянул головой.

— Я не...

— Тс, герой, — погрозил пальцем Мтаг. — Ты недослушал. Возьмем младшего. Офнира. Золотоволосый юноша. Прекрасный мальчик. Если не считать того, что в приступе безумия в десять лет убил свою несчастную мать. Но чего ж ему пенять об этом братьям? Сами не ягнята. Зато вырос бог-строитель. Конечно, несколько не от мира сего, но тут, опять же, с кем поведешься, тем и болен.

Но это ладно. Здесь, герой из Бьеннтестада, ты, пожалуй, мог бы сказать о том, что этот бог заслуживает того, чтобы за него биться. Сколько высоких башен построил! Сколько великолепных сооружений из дерева и камня возвел! Сколько удивительных фресок, скульптур, садов, городов создал! Только люди в его городах часто не живут, а там, где живут, как здесь, покинуть их почему-то не могут. Ах, да, не любит золотоволосый юноша, чтобы подопытные муравьишки убегали из сооруженной им красоты! А в других случаях не любит, чтобы одним своим присутствием красоту портили.

— А я не за богов, я — за людей! — нашелся Фьольвир.

Макафик фыркнул.

— Думаешь, люди лучше? — Он проводил взглядом медленный полет последних капель крови от лежащего на полу мертвого кэра. — Люди также гнусны, подлы и способны на любую мерзость.

— Это не так!

Мтаг прищурился и, наклонившись, угнездил голову на плечах стражников.

— Я знаю людей лучше тебя, — сказал он с назидательными нотками в голосе. — И при жизни, и после смерти большинство из них похоже на дерьмо, что сыплется из них каждый

день. Это не плохо, нет, это значит, что они ничего из себя не представляют. Искорки добра и смелости, собственных, не навязанных богами поступков являются в людях всего лишь крохами дневного света в той темноте, что гнездится у них внутри. Иногда я думаю, что вы стоите своих богов.

— Мы жили мирно, — сказал Фьольвир.

Мтаг расхохотался.

— Ой ли?

— Да!

— Тебе рассказать, как вы пришли в Бьеннтестада?

— Не слушай его, — дернул Фьольвира за руку Унномтюр.

— Бьеннтестада всегда был наш! — выкрикнул Фьольвир.

— Да-да, — покивал макафик, — только полстолетия назад там жили бедные любители несвежей рыбы, называющие себя веями.

— Ты лжешь!

— Вашему племени захотелось нового места, и у вас был ваэн-покровитель, который тоже был не против новизны. А у любителей рыбы, увы, были только утлые лодки и дряная снасть. Те, кто сбежали, кажется, поселились, восточнее, на одном из островков, те, кто не успели бежать...

Мтаг улыбнулся.

— Договоривай! — потребовал Фьольвир.

— Тех принял старик Хэн. Скопом. Одной большой лодкой. Как ни странно, я всех их помню. Вот эти, те, кто был до вас, действительно были нормальными людьми. Дед твой, Одест Маттиорайс, проломил трем черепа собственноручно...

— Заткнись!

Фьольвир дернулся, замахнулся топориком, но строй обитателей зала, белея пустыми лицами, сомкнулся перед ним, выставил руки, как ветви. Попробуй проломись, прорубись сквозь человеческий лес.

Герой ли ты, арнасон?

— Действительно, пора бы мне заткнуться, — сказал Мтаг, подмигнув преследователям. — Одно скажу. — Он наставил палец на Фьольвира. — Когда ты поймешь, что всегда и всюду сражаешься исключительно за себя...

Макафик развел руками.

— Тогда мы сможем с тобой договориться.

— Никогда!

В подтверждение своих слов Фьольвир притопнул ногой.

— Ну, это ты сейчас... — Мтаг махнул рукой и повернулся. — Молод и горяч... — Он помедлил, будто разговаривая с самим собой. — И глуп. Определенно, глуп. Но это, возможно, поправимо.

— Стой! — завопил Фьольвир.

— Мне пора, — объявил Мтаг, удаляясь к темно-красной воронке тонкого пути. — И да, — обернулся он, — чтобы вам не было скучно... — Он щелкнул пальцами. — А теперь, дорогие мои, резня!

Зал наполнился топотом. Стоя на месте, люди принялись пристукивать по полу пятками. Лица их вновь растянули улыбки, но глаза были все также пусты. Тум-тум-тум-тум. Фьольвир ждал нападения, но оно медлило.

— Будь осторожен, — шепнул Унномтюр, оглядываясь, не заходит ли кто за спину.

Пятки стучали все чаще — ту-ту-ту-тум. Лица державших строй перед спутниками раскраснелись. Улыбки превратились в оскалы. Ветвями поднялись руки. И когда Фьольвир уже был готов ринуться к возвышению напролом, топот неожиданно прекратился.

Тум!

— А где...

Фьольвир хотел спросить, где обещанная резня, вполне допуская, что подлый макафик мог и обмануть их, чтобы получить необходимое ему время. Но стражники ответили на его невысказанный вопрос. Они дружно взмахнули мечами и опустили острое железо на головы и плечи стоящих перед ними горожан. Хруст костей, брызги крови и падающие тела тоже послужили частью ответа.

— А-а-а! — взвился крик.

Люди в зале, как по команде, сцепились друг с другом. Кто царапался, кто кусал, кто яростно давил пальцами чужие глаза, кто помогал себе ударами коленей в живот опрокинуть противника. Летели на пол парики, ленты, лоскуты одежды и кожи. Стражники рубили всех без разбора. Кровь текла вверх, подпитывая тьму тонкого пути.

Какая-то женщина с растрепанными волосами, крича, кинулась на Фьольвира и тут же насадила себя на лезвие топора. Унномтюр сшиб ее кулаком в сторону.

— Вперед! — крикнул он Фьольвиру. — Вперед, арнасон!

Магтиорайс перепрыгнул через чьи-то ноги, чьи-то юбки. Окровавленное лицо женщины с растянутым ртом и безумными, вытаращенными глазами еще мгновение стояло у него перед внутренним взором. Значит, это правильно? — зашипел он про себя, отталкивая кого-то плечом. Значит, на всех плевать? Только я, я и я? Ничего! Он сунул обухом топора в подвернувшийся висок. Мы еще, конечно, поговорим, Мтаг. Поторгуемся. Только торг будет короткий!

Фьольвир пнул сцепившихся перед ним мужчин, кого-то поддел лезвием под ребра, убирая с пути. Один из стражников прыгнул ему навстречу, но был перехвачен Унномтюром. С хрустом вывернулась рука в кожаном доспехе, пальцы нападающего растопырились, и меч переменял владельца.

— Другое дело, арнасон! — крикнул Унномтюр, сжав рукоять клинка.

Стражник отлетел, сверкая разрезом на горле. Текущий над головами ручей крови получил дополнительный приток.

Вдвоем Фьольвир и Унномтюр стали расчищать себе дорогу к возвышению. Люди мало обращали на них внимания, занятые истреблением тех, кто был с ними рядом. Часть стражников, скользя по полу, кромсала всех, кто подворачивался под мечи. Вздергивались к потолку хрипы. Посвистывало железо. Число мертвецов стало догонять число еще живых. Унномтюр, не отставая, разил направо и налево.

Каменный пол темнел разводами. Раненые корчились на нем, забывая боль воплями.

Зал быстро заполнился неопрятными нагромождениями тел. Скоро из ста с лишним человек на ногах остался едва ли десяток. Из этого десятка шестеро оказались стражниками, все еще находящимися под властью Мтага. Здоровый мужчина в когда-то богатом платье с ножкой от стула в руке и тощий парень с кинжалом составили вторую группу уцелевших. Фьольвир и Унномтюр — третью и последнюю. Когда ухмыляющиеся охранники, помахивая мечами, выбрали их на роль следующих жертв, они вчетвером, не сговариваясь, тесно сбились плечом к плечу. Лица мужчины и парня были полны ужаса. Унномтюр, сжав кулак,

прорычал им что-то ободряющее.

Противники тем временем, чтобы не мешать друг другу, разбились на две тройки.

— Мы все верно делаем? — успел спросить Фьольвир.

— Это ж не мы, — сказал Уннотюр, смахивая клок мокрых от крови волос с лица. —

Это все Мтаг. И потом...

Не договорив, он шагнул вперед. Двигался он быстро, успев за один выпад проткнуть подбирающегося к ним стражника, а у второго с поворотом выбить меч. Добить этого второго у Фьольвира не получилось, но он от души угостил его пинком в бедро.

— Осторожнее!

Уннотюр со звоном отвел клинок, грозивший врубиться будущему герою в спину. Фьольвир махнул топориком, но впустую. Третий стражник, хохоча, отпрыгнул. Короткий вдох-выдох.

— Не спи, арнасон!

Лезвие меча вонзилось в топорнице. Отбиваясь, краем глаза Фьольвир увидел, что дела у их случайных союзников хуже некуда. Впрочем, много ли повоюешь с кинжалом и ножкой стула против мечей? Здоровяк уже стоял, согнувшись и придерживая руками живот. Сквозь пальцы его текло темно-красное. Хрясь! — и Фьольвир вздрогнул, когда голова здоровяка, подпрыгнув, повисла на лоскуте мышц, и тот упал. Тощий парень пока держался, парируя кинжалом не слишком умелые наскоки противников, но участь его без помощи со стороны была предрешена. Он уже был ранен в бедро и в плечо.

Бамм! Уннотюр подбил меч одного из нападающих, заставляя Фьольвира очнуться.

— Потяни время! — крикнул он, перескакивая к парню.

— Что?

— Парень нам понадобится!

Фьольвир отступил, прогнулся, проводив взглядом тускло блеснувший, ужаливший пустоту клинок, и перерубил чью-то шею. Получилось как-то само. Возможно, вполне погероически. Уннотюр сбоку азартно ухал и фыркал. Атаковал и защищался, отпихнув парня подальше. Железо звенело над ухом Фьольвира.

Ах!

Он едва не пропустил мощный рубящий удар. Последний из тройки стражников, тот, что был награжден пинком, вернулся с явным намерением сделать из целого Маттиорайса две неживые половинки.

— Х-ха!

Стражник выдохнул, но не провалился, когда его меч прошел мимо, а успел отступить и встать в стойку, глядя на Фьольвира из-под упавших на глаза волос. Запоздалый, в ответ, удар топорика пришелся по клинку. Уннотюр в стороне тем временем теснил остальных, заставляя их запинаться о лежащих мертвецов и заполошно, с криками отбиваться от его атак. Кажется, число нападавших из второй тройки вот-вот должно было поредеть.

Стражник напротив Фьольвира сплюнул тягучей, кровавой слюной. Улыбка его стала шире, когда к Фьольвиру присоединился парень с кинжалом.

Двое против одного. Совсем не то, что шестеро против четырех или трое против двух. Другой расклад.

Стражник захохотал и пошел на них, размахивая мечом. Молодой, мордатый, нос пуговкой. Фьольвиру удалось отвести клинок вверх, а парень засадил кинжал идущему на них охраннику под ребра.

На этом все и закончилось.

Когда Фьольвир выпрямился, Унномтюр уже стоял один, никто на него не прыгал и не собирався убить.

— Все? — спросил Фьольвир.

Унномтюр угрюмо кивнул. Присев, он потянул вверх полу везинга одного из лежащих и вытер лезвие меча о ткань. На везинге осталась алая полоса, которая тут же побледнела, тонкими нитями взвиваясь вверх. Фьольвир обернулся к парню, который со страдальческим выражением лица едва наступал на раненую ногу.

— Как ты?

— Не знаю, — скривился парень.

Он выкинул кинжал, согнулся, его вырвало на мертвую женщину. Фьольвир похлопал его по спине.

— Я сейчас посмотрю, что там у тебя, — сказал Унномтюр, поднимаясь.

Фьольвир огляделся. Люди лежали, будто спали. Потом он сообразил, что все дело в том, что на полу, на одеждах, на лицах совсем нет следов крови. Вот и чудится, будто всех собравшихся сморил крепкий сон.

Он содрогнулся, когда увидел, что все возвышение в зале затопила взблескивающая алыми прожилками тьма. Жирная, жуткая, кольшущаяся, добирающая последние капли, она казалась живой.

— Надо за Мтагом, — сказал Фьольвир.

— Я знаю, — ответил Унномтюр.

Подведя парня к одному из светильников, он рассматривал его раны.

— Надо быстрее, — сказал Фьольвир.

— Не надо.

Распоров штанину, Унномтюр прижал ладонь к сизо-красному бедру парня. Тот стиснул зубы.

— Но Мтаг... — сказал Фьольвир.

— Лучше нарви тряпок, — кивнул на мертвецов Унномтюр. Свободной рукой он хлопнул парня по бледной щеке. — Как зовут?

Раненый с трудом сфокусировал взгляд.

— Хворвик. Хворвик Ваньярген.

— Тебе придется пойти с нами, — сказал Унномтюр.

— Хорошо, — кивнул парень. — Я могу. Но меня ждут.

Унномтюр покачал головой.

— Арнасон!

— Да-да.

— Быстрее!

— Уже!

Покружив по залу, Фьольвир нашел подходящего мертвеца, перевернул его и освободил от платья. Платье было простое, темное, с длинными полами. Помогая себе топориком, он разделил одежду на три части.

— Еще сорочку, — подсказал Унномтюр.

Фьольвир снял и сорочку. Мертвец с раскрытым черепом уставился на него темными глазами. Чудилось, что он злится, что его раздевают. Фьольвир закрыл ему глаза ладонью и мысленно попросил прощения.

— Вот.

Он кинул сорочку и платье Унномтюру.

— Посмотри еще золото и серебро в кошелях, — попросил тот.

— Это надо?

— Да.

Фьольвир вздохнул и снова побрел по залу. Замечая кошельки на поясах или в карманах, он приседал и проверял монеты.

— А много нужно?

— Хотя бы двадцать шгук, — отозвался Унномтюр в треске ткани.

— Золотом?

— Золотом или серебром.

Хворвик застонал.

— Прижми здесь, — сказал ему Унномтюр.

Где это «здесь» Фьольвир не видел. Он опускался на колени и переворачивал мертвецов. Или не переворачивал, если они лежали на спине. Потом охлопывал ляжки или лез за пазуху (женщинам — в вырез платья). Никакого стеснения или трепета к своей работе он не испытывал. Путешественникам в Тааливисто или другие места земное было ни к чему. Все это теперь принадлежало тому, кто успел взять первым.

Медных и железных монет встречалось много. Фьольвир выщелкивал их из кошельков, слушая, как они звонко разбегаются по каменному полу. Серебро, по одной-две чешуйки, обнаружилось в поясах у стражников. Итого набралось восемь монет. И две золотые монеты Фьольвир выудил из кошелька грудастой дамы.

К возвышению он приближаться не спешил, чувствуя, как при каждом шаге по направлению к темной завесе скручиваются внутренности.

— Ну, что там? — крикнул ему Унномтюр. — Сколько?

— Десять! — ответил Фьольвир.

— Мало.

— Я пока и половины не обошел.

— Ладно, — махнул рукой Унномтюр, — иди сюда, арнасон. Дальше я сам. А то, смотрю, ты все кругами ходишь.

— Там ближе — темно.

— Скажи просто: страшно.

— И что?

— Ничего, — сказал Унномтюр, — так и должно быть.

Он принял от Фьольвира кошель, в который тот собрал найденное золото и серебро, подкинул и спрятал в рукав.

— Возьми у кого-нибудь везинг, — посоветовал он и отправился к куче мертвецов, наваленной у возвышения.

Фьольвир присмотрелся к лежащим, выбирая труп примерно своего роста и похожей комплекции, потом под взглядом страдающего на лавке перевязанного Хворвика разоблачил приглянувшегося горожанина. Везинг имел дырку в боку, но Фьольвир в этом проблемы не видел. При случае он собирался ее заштопать.

— Здесь столько людей, — сказал Хворвик.

— Ну, да, — сказал Фьольвир.

Вместе они наблюдали, как Унномтюр ворочает мертвецов.

— Я... я не помню, что произошло, — прошептал Хворвик. — Какой-то туман. Я помню только, что бился...

Он приоткрыл рот, глаза его наполнились ужасом.

— Я бился со стражей!

— Это — да! — кивнул Фьольвир.

— Но как же... — растерялся парень. — Я никогда... Я слуга господина Ярнинга. Я не мог!

Фьольвир запахнулся в снятый везинг.

— Это черное колдовство, — сказал он, изучая крой и рукава. — Вы тут все были околдованы макафиком. Мы гонимся за ним.

— Почему?

Фьольвир повел рукой по воздуху, как бы предлагая посмотреть в зал.

— Тебе этого мало?

Хворвик задрожал.

— Они мертвы? — Глаза его устремлялись то на одного, то на другого мертвеца. — Ради всех богов!

— Да! — Фьольвир, подступив, сгрел в кулак рубаху на груди у парня. — Они мертвы, слышишь? Очнись! Они, наверное, все уже в лодках. Плывут и боги не знают, куда. А тот макафик...

— Тот макафик лишил вас еще и богов, — произнес, подойдя, Унномтюр.

— Как — богов? — распахнул глаза Хворвик.

— А ты не заметил?

— Н-нет.

— Счастливый человек!

Унномтюр ощупал плечо и бедро Хворвика. Тот морщился и выгибался от касаний твердых пальцев.

— Идти сможешь? — спросил его Унномтюр.

Парень ступил на раненую ногу.

— Наверное, — неуверенно сообщил он.

— Болит?

— Немного.

— Тогда пошли.

Унномтюр первым двинулся к возвышению.

— Все боги исчезли, — сказал парню Фьольвир.

— Ушли? — спросил Хворвик, хромая следом за Маттиорайсом.

— Макафик... Он их э-э... заточил, — сказал Фьольвир.

— Богов?

— Да.

Хворвик остановился.

— Макафик сильнее богов? Всех богов?

— Нет, конечно.

— Не понимаю, — потрянул головой парень.

— Эй! — позвал их Унномтюр, уже забравшийся на возвышение и поваливший набок кресло правителя. — Я вас жду.

— Мы идем, — сказал Фьольвир.

С Унномтюром находиться рядом с воронкой пути было не так страшно. Среди мертвых кааряйнов ходить и то страшнее. Тьма гудела и посверкивала. В косматой глубине ее проглядывала тропа. Фьольвир разбросал, распинал подушки, оттолкнул тело, развалившееся на ступеньках, и поймал протянутую руку.

— Хворвик!

Парень вдруг замотал головой.

— Не-не-не.

— Что «не-не-не»? — взорвался Унномтюром. — Нам богов спасти, а ты домой? С ума сошел?

— Я не могу, — заблеял Хворвик. — Меня ждут.

Он побледнел и отступил на шаг.

— Кто тебя ждет? — спросил Унномтюром, нагнувшись.

Фьольвиру было видно, что его спутник с трудом сдерживается, чтобы не спрыгнуть вниз. Тут бы, наверное, Хворвику и конец пришел.

— Эса, — прошептал парень. — Эса Моэрхавенн. Мы любим друг друга.

— А на мир, значит, тебе плевать? Приходите вахены, милости просим? Лети все в изначальную тьму?

— Почему?

— Потому что ты нам нужен!

— Мы тебя спасли, — добавил Фьольвир. — Мог бы и помочь.

— Я... — Хворвик отступил еще на шаг. — Я боюсь!

— А с мечом? — Унномтюром протянул парню меч.

Третий шаг.

— Простите.

— Хворвик! Хворвик Ваньярген! — прогремел неожиданно и властно голос Унномтюра. — Подойди ко мне!

Парень вздрогнул. Он все еще колебался, и ноги, похоже, отказались его слушаться. Ни вперед, ни назад двинуться он уже не мог, только открывал рот, силясь что-то сказать. И тогда, выругавшись про себя, Фьольвир спрыгнул в зал и чуть ли не волоком подтащил Хворвика к возвышению.

— Руку! — крикнул Унномтюром.

Хворвик тарасился и не понимал. Фьольвиру и здесь пришлось помочь парню. Вялая ладонь с его подачи нашла пальцы Унномтюра, тот с хищным, торжествующим оскалом сжал ее, и, резко дернув, заставил раненого взлететь вверх через ступеньки.

— Разве сложно? — спросил он, вглядываясь в испуганные глаза.

У Хворвика хватило сил мотнуть головой.

— Н-нет.

— Тогда пошли. — Унномтюром перекинул руку Хворвика себе на плечо. — И не вздумай отцепиться. Потеряешься — никакая Эса не найдет. Понял?

— Да.

Парень схватился за косицы хелька, будто за свою жизнь.

— Арнасон? — обернулся Унномтюром.

— Готов.

Фьольвир сжал пальцы на плече Хворвика.

— Потихоньку, — сказал Унномтюром.

Он сделал шаг. Хворвик сделал шаг. Фьольвир сделал шаг. Тьма обмахнула ему лицо. Казалось, Гайво, на мгновение восставший из мертвых, лизнул в щеку. Потом словно острые медвежьи когти прошлись по лопаткам и шее, стукнули в зашитый бок. Фьольвир зашипел сквозь зубы, тогда как Хворвик впереди не удержался и застонал. Пришлось подтолкнуть его в спину.

— Давай!

Тьма закачалась, надвинулась, вслед за Унномтюром и Хворвиком втянула его в себя, обдав сладким, железистым запахом. Тонкий путь бросился в ноги, был он зыбким, текучим, ни дать ни взять — склизкая великанская кишка. Зал отделился, отломился, как кусок сыра, срезанный ножом. Оглянувшись, Фьольвир будто через завесу тумана увидел часть стены, окно и лежащих мертвецов. Они уже казались ненастоящими, эти тихие мертвецы, а стоило моргнуть — пропали.

— Вперед! — проорал Унномтюром.

Фьольвир уперся взглядом в затылок Хворвика. Тропа выгибалась, словно стараясь вытолкнуть путешественников в косматую тьму по бокам. Хворвик шарахался то вправо, то влево, и Фьольвиру стоило немалого труда каждый раз сохранять равновесие и не терять его плечо из-под пальцев.

Они не прошли, наверное, и сотни крафуров, когда Хворвик что-то забубнил себе под нос. Скоро Фьольвир разобрал, что тот шепчет: «Я не могу. Я не могу. Простите, я не могу».

— Чего ты не можешь? — спросил он его, сопроводив свой вопрос тычком.

— Идти. Не могу идти, — отозвался, останавливаясь, Хворвик.

— Хэн тебя подери!

Мгновенно обернувшийся Унномтюром дал парню затрецину.

— Ты понимаешь, где ты? — насел на Хворвика он, вращая бешеными глазами. — Это даже не задница какого-нибудь подземного тролля, не посмертный мир. Это ничто! Нигде! Тонкая ниточка крови над пропастью! И ты... всех нас...

Унномтюром, помедлив, пинком отправил побледневшего Хворвика вперед, все же не дав тому упасть в конце.

— Мы за тобой, Ваньярген.

— Но я...

— По тропе, понял?

— А к-куда? — спросил Хворвик.

— Прямо, — сказал Унномтюром, заключив шею парня в капкан из пальцев. — Пошли-пошли, здесь нельзя стоять.

Двинулись новым строем: Хворвик — Унномтюром — Фьольвир. Теперь уже косицы хелька держал Фьольвир. Шли не быстро. Хворвик, подталкиваемый Унномтюром, шагал будто через силу. Света было мало.

— Живее!

— Здесь некуда.

— Налево! — руководил Унномтюром.

Тьма по сторонам то раздавалась, то пыталась прижаться к людям. Фьольвир различал в ней зыбкие, изменчивые фигуры. Стоило остановить на них взгляд, и они приходили в движение, сплетались, текли следом. Кажется, их рты были раскрыты, но ни звука из них не доносилось.

— Направо, Ваньярген!

Скоро Фьольвир щекой поймал первую каплю. На ходу он смазал, поднес ее к глазам. Пальцы краснели.

— Начинает капать! — крикнул он Унномтюру.

Тот кивнул.

— Быстрее, Ваньярген!

Они прибавили в скорости движения, но ненамного. Хворвика мотало даже под руководством Унномтюра. Обернувшись, Фьольвир обнаружил, что буквально в трех шагах позади тонкий путь схлопывается, перестает существовать, и вместо него клубится жадная красноватая тьма. Вторая капля чиркнула Фьольвира по носу.

— Сейчас полет! — крикнул он.

— Еще не сейчас, — ответил Унномтюр. — Но стоит поторопиться!

Он почти побежал, проталкивая вперед Хворвика. Тот болтал руками и то плечом, то ногой загребал во тьму по сторонам. Унномтюр зло выдирали его оттуда, стонущего и жалующегося на усталость, и гнал дальше.

— Я не хочу!

— Вперед!

— Я не могу!

— Живо!

Тропа сужалась, дробилась на бледные островки, затиралась мохнатыми рукавами. Один раз Унномтюр повернул Хворвика не туда, и они с руганью, поминая богов, вахенов и, конечно, Мтага, кое-как выбрались обратно. Волосы мокли. Тонкий путь менял цвет, розовел и хлюпал под ногами.

— Сюда! — кричал Унномтюр.

И они бежали, хрипя, в едва видимый просвет.

— Туда!

Они поворачивали по команде. Хворвик оскальзывался, его поднимали, топорик бил Фьольвира по бедру.

— Еще!

Кровь струями захлестала по плечам и головам. Спутники отплеывались и упорно месили разъезжающуюся тропу.

— Стоп!

Унномтюр дернул Хворвика к себе. Парень проехал на одной ноге и упал. Фьольвир встал рядом, согнулся, тяжело дыша.

— Что? — повернул он голову к Унномтюру. — Куда дальше?

Тот окинул взглядом убогий пяточок света, в который они оказались заключены.

— Все, — сказал он, смахивая кровь с лица, пришли.

— Как — все? — удивился Фьольвир.

Он выпрямился. Тьма обступала их по кругу. Клокотала, искрилась, колыхалась, но не предпринимала попыток напасть. Дождь выродился в мелкую розовую морось и сам собой угас.

— И где мы? — спросил Фьольвир, вытирая рукавом щеки и шею.

Унномтюр хмыкнул и помог подняться Хворвику.

— Подумай сам, арнасон. Мы в ловушке.

— Мтаг!

— Разумеется, арнасон! Он же знал, что мы бросимся за ним в погоню, поэтому и

приготовил нам это замечательное место.

Унномтюр сделал шаг, влез во тьму плечом, но проломить ее у него не получилось. Он налег, но через несколько мгновений, морщась и растирая руку, вывернулся обратно. Густая шерсть на части плаща-хелька словно облезла, а половина лица, соприкасавшаяся с тьмой, покрылась глубокими оспинами.

— Что теперь? — спросил Фьольвир.

— Теперь? — Унномтюр моргнул, стянул хельк, встряхнул его и накрутил по-новому. — Нечто подобное я предполагал. В этой части и Йорун, и Наккинейсе были мне хорошими учителями. Не зря же мы взяли Ваньяргена!

Он похлопал по спине бледного Хворвика.

— Я? — спросил тот. — Я же ничего... Я устал.

— Ну-ну-ну, — сказал Унномтюр. — Тебе и делать ничего не придется. Обещаю.

Он улыбнулся. Хворвик неуверенно улыбнулся в ответ.

— Но как тогда...

— А просто посмотри наверх, — показал глазами Унномтюр.

— Наверх?

— Да.

Хворвик запрокинул голову.

— И что?

— Смотри в одну точку.

— Долго?

— Смотри.

Унномтюр потрепал парня по плечу, а потом уверенным движением провел лезвием меча по его горлу.

— Зачем? — успел крикнуть Фьольвир.

Но было уже поздно. У хлюпающего горлом, выдувающего красные пузыри Хворвика подломились колени. Он упал, и его остекленевшие глаза, казалось, с неммым удивлением уставились на собирающийся над ним алый, горячий, кровавый сгусток, повисший на тонких стебельках истекающих струек.

— Зачем, — повторил Фьольвир.

— А надо было тебя, да? — ухмыльнулся Унномтюр, возвращая меч в железные петли на поясе. — Чтобы ты, а не он хрипел и шел за теми, кто отправился в посмертный мир во дворце? Нет, арнасон, герой должен быть один, и это ты.

Он посмотрел на Фьольвира.

— Не переживай, — сказал он, — мы запомним его имя. Хворвик Ваньярген! Ты сложишь о нем песню. Или даже две. Сагу! Во всяком случае, он послужил великому делу спасения мира.

— Послужил ли? — хмуро спросил Фьольвир. — Можно же было как-то...

— Как? — подступил к нему Унномтюр и качнул головой на стоящую стеной тьму. — Скажи мне, как?

— Но он же...

— Что?

— Я думал, он будет с нами.

— Он был с нами! — воскликнул Унномтюр. — Мало того, он умер не так бесславно, как те люди в зале.

— Все равно... — упорно сказал Фьольвир.

— Ничего не все равно! — рассердился Унномтюр. — Вспомни про Бьеннестад, вспомни о кааряйнах, вспомни о всех, кто уже умер и еще умрет. Их тебе не жалко? Никого не жалко? Путь героя не усыпан цветами и пухом. Часто приходится делать выбор между не самыми хорошими вещами.

— Но ты знал, что Мтаг устроит ловушку! — крикнул Фьольвир.

— Знал.

Ответив, Унномтюр отвернулся к покачивающемуся в воздухе кровавому пузырю. Он достиг размера лошадиной головы, и тонкие нити, связывающие его с Хворвиком, втянулись внутрь.

— Знал. Предполагал. И потому рассчитывал наперед. — Унномтюр достал из рукава кошель с монетами. — И если бы мне случилось снова выбирать, тащить ли несчастного Хворвика с собой, я сделал бы это без раздумий. Пойми, арнасон. У нас нет времени кого-то жалеть или сомневаться в том, правильно ли мы поступаем. У меня есть задача. У тебя есть задача. И если мы с тобой вместо спасения мира начнем сокрушаться о Хворвике и всех остальных...

Он качнул головой. Пустое лицо сложилось в гримасу — кривая борозда усмешки «воткнулась» в морщины щеки, съехавшей на сторону вместе с носом.

— Тогда я не понимаю, кто мы, — сказал Фьольвир.

Унномтюр вздохнул.

— Ты — герой, я — посланник с толикой божественной силы. Мы с тобой оба не

совсем подготовлены к нашим миссиям. Так бывает. И что нам теперь? Бросить все и удалиться? Или тебя задело сказанное макафиком?

Он выловил из кошель серебряную монету и повертел ее перед глазами.

— Но если боги — такие, — сказал Фьольвир, запахиваясь в везинг, — то, может, не стоит их и спасать?

— Боги такие, какие есть. Других нет.

Унномтюр, чуть присев, подкинул монету вверх. Сверкнув, она влетела внутрь пузыря, и тот, словно в него добавили иной краски, пустил по окружности тонкий серебряный завиток. Унномтюр достал следующую монету, уже золотую.

— Мтаг, в сущности, правду говорил, — сказал он, пристраивая желтый кругляш на ногте большого пальца. — Но с правдой как, арнасон? Часто тебе рассказывают не всю правду. Вот сказал он, мол, Йорун такой и сякой, Стерггун — не лучше, Офнир — придурок не от мира сего, а про Хэнсуерно и так всем известно, им детей пугают, он чудищ создает и макафиков пестует. Все это правда? Правда.

Пальцы щелкнули. Монета, вращаясь, канула в пузырь. Золотой завиток растянулся рядом с серебряным. Кровяной шар словно потяжелел, дрогнул и стал медленно опускаться к земле, но Унномтюр быстро протянул руки и, не касаясь оболочки ладонями, все же заставил его вновь подняться на уровень плеч.

— Но есть и другая правда, — сказал он, бросив взгляд на Фьольвира. — Разве те же Йорун, Стерггун, Офнир и Хэнсуерно не помогают людям? Не внимают их просьбам? Не защищают от бедствий? Не посылают вэнов и героев? Может они занимаются истреблением человечества? Нет.

В его пальцах появилась новая монета.

— Может они черпают силу из страданий людей? Тоже нет, арнасон. Есть ли у них цель обрушить мир во тьму?

Унномтюр повернул голову.

— Нет, — произнес Фьольвир.

— Ну, вот, — кивнул Унномтюр. — Правда ведь? Да? Тоже правда, — с удовлетворением добавил он. — И что получается?

Еще одна монета со щелчком канула в пузырь.

— Получается... — Унномтюр высыпал из кошель остатки золота и серебра на ладонь. — Получается, что оба мы, и я, и Мтаг, правы. Но это только на первый взгляд. Потому что у каждой правды есть последствия.

— Как это? — спросил Фьольвир.

— Ну, это просто.

Унномтюр принялся по одной опускать монеты сверху, будто повар в котел. Пузырю это не нравилось, пузырь потрескивал, дрожал и обильно гнал струйки крови по золотым и серебряным канавкам. Жаркое свечение то и дело острыми лучами стало пробиваться изнутри. Фьольвир, замерев, наблюдал.

— Так вот.

Унномтюр осторожно подставил опустевшую ладонь и дал монетно-кровяному шару лечь в пальцы.

— Ах! — сказал он, со свистом втянув воздух. — Горячо! Про последствия. Как отличить правду от правды? Глупый, казалось бы, смешной вопрос. Ты вот, арнасон, наверное, хотел бы спросить, зачем их отличать, если оба слова, и Мтага, и мое, — правда?

Но в том-то и беда, что тебе необходимо сделать... с-с-с... выбор.

Унномтюр обхватил второй рукой запястье руки с пузырьрем. Тот колыхался, будто живой, и шел пятнами. Унномтюра заколотило. Фьольвир почувствовал, как выгибается под ногами пятачок тропы. Тьма вокруг стреляла черными искрами.

— Так... арнасон... — прохрипел Унномтюр. — Держи меня.

— Что? — не понял Фьольвир.

— Ру... руку держи... помогай.

— Руку?

— Вверх.

— Ага.

Фьольвир обхватил плечо спутника. Мышцы Унномтюра были как булыжники.

— Вверх!

— Сейчас.

Фьольвир налег, и ему показалось, будто он пытается сдвинуть гору. Или целого Эйяльтога. Пузырь дышал близким жаром. Пальцы так и норовили соскользнуть. Кое-как Фьольвиру удалось сцепить и как рычагом в сцепке приподнять локоть Унномтюра, но сил на это ушло столько, что он несколько мгновений бессмысленно сопел носом в хельк.

— Арнасон, — прошипел Унномтюр.

— Да, — отозвался Фьольвир.

— Еще не все.

— Я знаю.

— Так давай.

Фьольвир собрался. Какой-то пузырь из крови и монет... А он все-таки герой. Ну, хотелось бы так думать. Почти герой. Победитель Коггфальтадира. Крушитель кааряйнов. И еще той твари у колодца. Он забыл, как ее звать. На «У»? На «А»? Во всех случаях вклад его, конечно, сомнителен, но если составлять песнь, прославляющую его подвиги... Хотя Хворвика Унномтюр зря.

— Арнасон...

— Здесь, здесь.

Фьольвир подсел и помогал тянуть руку Унномтюру уже всем, чем придется — плечом, головой, спиной, ногами, криком. Пузырь все больше тяжелел, все больше наливался жгучим светом, и тьма от него брызгала в стороны, обнажая то часть тонкого пути, то шероховатый камень, уходящий отвесно куда-то ввысь.

— Глаза, — выдохнул Унномтюр. — Глаза прикрой.

— Что?

— Глаза, Хэн тебя примори!

Фьольвир, продолжая задира́ть руку спутника вверх, зажмурился, но на мгновение все же запоздал. Свет полоснул лезвием, доставая, казалось, до самого затылка, под веками сделалось жарко, колко, влажно. Фьольвир уронил голову на грудь, пытаясь погасить боль, и закрылся ладонью.

Что-то негромко хлопнуло, как везинг или фенрика на ветру, прокатилось по плечам, царапнуло, обмахнуло лоб.

— Эй? Жив? — услышал Фьольвир голос Унномтюра.

Подняв голову, он открыл один глаз и ничего не увидел, кроме округлого, плывущего вслед за взглядом пятна. Тогда он закрыл этот глаз и открыл другой. Все было тоже. Вместо

окружающего мира был лишь свет, слегка затененный по углам.

— Не вижу, — прошептал Фьольвир.

— Говорил же я тебе!

Посреди светового пятна на мгновение возникла зыбкая фигура, Фьольвира дернуло, повернуло, рука Унномтюра приподняла подбородок.

— Смотри на меня!

— Смотрю, — вытаращился Фьольвир, наблюдая свет и некие искажения его по краям.

— Что видишь? — спросил Унномтюр.

— Свет.

Веки Фьольвиру прищемило, прижало, раздвинуло. Пальцы у Унномтюра делали свою работу, не заботясь о чужом удобстве. Фьольвир решил, что сейчас, должно быть, Унномтюр заглядывает ему в глаз.

— Только свет?

— Да.

— А сейчас? — спросил Унномтюр.

Фьольвир почувствовал движение воздуха.

— Свет.

— А еще что-то?

Фьольвир снова ощутил легкое дуновение. В слепом пятне света перед глазами лишь слегка перелились световые слои.

— Нет. Смутно.

— Понятно.

Унномтюр надавил на глазные яблоки с такой силой, что Фьольвиру показалось, будто пальцы спутника проникли в мозг.

— Ай!

— Все, все уже.

Пальцы Унномтюра исчезли. Но пятно света никуда не делось, правда, в центре его заплясала пульсирующая темная точка, как крупинка невесть как попавшего в глаз песка. Ее жутко хотелось сморгнуть.

— Что видишь?

— Свет, — честно ответил Фьольвир, жмурясь.

— Ладно, — сказал Унномтюр. — Некоторые всю жизнь проводят во тьме. Пошли. У нас тропа открылась.

— Но как же...

— А вот так, арнасон.

Унномтюр взял руку своего провожатого и положил себе на плечо. Фьольвир сжал пальцы на облезшем хельке.

— Смешно, — сказал он.

— Ты к чему? — спросил Унномтюр.

— Слепой герой.

— Это временное явление. Через день или два твое зрение поправится.

Они двинулись: Фьольвир шагал за Унномтюром, но видел лишь свет. Причем было без разницы, закрыты его глаза или открыты. Свет колыхался пологом. А черная точка танцевала, изредка выбрасывая в стороны тонкие волоски. Казалось, паук пробует выбраться из дыры.

— Выйдем не там, где Мтаг, — сообщил Унномтюр.

Фьольвир вздохнул.

— Хворвика мы все же зря.

— Нет! — разозлился Унномтюр. — Нет! Это была необходимость! Или мне нужно было выбрать того, с ножкой от стула?

— Ты мог справиться с охранниками и без нас, — сказал Фьольвир. — Так ведь?

Унномтюр похлопал его по ладони на своем плече.

— А что бы делал тогда ты, арнасон? — спросил он. — Наблюдал, героически стоя в стороне? В носу ковырял? Мне ужасался? Нет уж. Герой сражается. Герой действует. Я не собираюсь все делать за тебя.

Какое-то время они шли молча.

— Так вот, — сказал Унномтюр, поворачивая из света в свет, — про правду и ее последствия. Тебе еще интересно, арнасон?

— Не очень, — сказал Фьольвир.

Он считал и слушал свои шаги, ловил бедром полу везинга, чувствовал под пальцами оспинки на топоре. Была бы еще лодка, и можно подумать, что плывешь в Тааливисто. А на берегу уже отец, Хейвиска, Гайво гавкает.

— А зря, — сказал Унномтюр. — Ты послушай. Вот если бы ты знал одну правду Мтага, что все боги — большое зло, и люди — зло, и весь мир — пыль, стал бы ты героически всех и все спасать?

— Ради чего? — спросил Фьольвир.

— Не ради чего, а просто, потому что так надо. Стал бы? Если бы у тебя был выбор?

Фьольвир задумался.

— Нет, наверное, — сказал он после десятка пройденных крафуров. — Если все оно никуда не годное, к чему спасать?

— А людей не было бы жалко?

— Так зло же.

— Во-от, — протянул Унномтюр. — И ты мне еще про Хворвика... Стражников жалко было?

— Так они нападали!

— Все равно люди.

— Так убили бы!

— То есть, защищаясь, не жалко? Хорошо. Пусть. Теперь, если бы ты знал мою правду, арнасон. О том, что мир, не важно, плохие или хорошие боги им правят, ждет гибель, смерть всего живого, и никто этого не заслуживает... Ты бы стал его спасать? Если бы это зависело от тебя?

Тонкий путь уходил под ноги крафур за крафуром, а Фьольвир молчал.

— Эй, — позвал Унномтюр. — Ты уснул, арнасон?

— Я думаю, — сказал Фьольвир.

— О чем?

— О том, что я... что мне, может быть, все равно. Если бы я умер...

Унномтюр остановился. Фьольвир ощутил, как везинг на груди собирается в складки под чужими пальцами.

— Все равно? Умер?

Свет зарябил у Фьольвира в глазах.

— Мы зачем идем? — выдохнул ему в лицо Унномтюр.

— Спасти мир, — ответил Фьольвир.

— Но тебе, кажется, этого не хочется?

Щеки, глаза Фьольвира обдало жаром. Но он смело посмотрел в свет.

— У меня никого нет, понял? — выкрикнул он. — Я иду не знаю, зачем, и ты долбишь мне: надо, надо, надо! Люди же! Боги же! Тьма же! Ай-яй-яй! Все кончится! Шкатулка эта хитровыделанная. Дверь, вахены. Как же так? Больше некому. А мне на все наплевать, понял? На все!

Несколько мгновений стояла тишина, и Фьольвир слышал только свое дыхание.

— Понял, — наконец негромко сказал Унномтюр. — Понял, арнасон. Такое бывает. Такое и у меня было, когда происходили вещи, которые мне лично были противны. О которых я сожалел, даже если их делал не я, но случались они при мне, а я никак не мог этому помешать. Ничего не хотелось, сил не было. Но давай об этом позже? — Он встряхнул спутника так, что у того клацнули зубы. — Когда мы догоним и убьем Мтага, арнасон, ты сможешь жаловаться, сколько и кому хочешь. Мне, мертвецам, Йоруну со Стергруном, всем войца-пекка разом, воде и небу. Даже старику Хэну сможешь рассказать, как я тебя мучал и истязал, он всех внимательно слушает, хотя кажется, что спит во время исповеди. А потом я лично отвезу тебя в Тааливисто. Думаю, мне разрешат. Все, тебе легче?

— Нет, — сказал Фьольвир.

— Бывает. Потом пройдет.

Унномтюр снова положил руку спутника себе на плечо, и их путешествие по тонкому пути продолжилось. Свет покачивался перед Фьольвиром. Он думал, что можно, наверное, было бы сесть и никуда не идти, потеряться, раствориться, но Унномтюр тогда взвалит его на спину и понесет. С него станется. Почти герой на чужой спине — куда это годится? Нелепица. Дурь.

Он думал, что не так спасают мир. Когда рядом напарники, воины и друзья, боги и ваэны, за спиной — дома, женщины и дети, а напротив — враги, пусть хоть тьма до неба, вот как спасают. В одном строю, с криками «Хейя, Накки!», потому что Наккинейсе была ко всему прочему и богиней победы. А когда ты бежишь за каким-то макафиком, и приходится лить кровь, как воду, направо и налево, а ты одной ногой в лодке... и Хейвиска, милая Хейвиска ждет его...

— Шевевелись, арнасон! — поддернул его Унномтюр.

— Шевелюсь.

Сбитый с мысли, какое-то время Фьольвир шел за спутником быстрым шагом, но через десяток-другой пройденных крафуров снова зашаркал, поплелся нарочито медленно, заставляя провожатого подстраиваться под неспешный ритм. Потом уже и закапало, и свет перед глазами ощутимо замерцал, словно дождь имел над ним некую власть. Фьольвир зажмурился. Стало легче.

— Капает? — спросил Унномтюр.

— Да.

— Тогда будем выбираться.

Они резко свернули. Несколько раз Унномтюр звенел железом о камень, шипя под нос непонятные слова. Дождь заморосил. Под ногу Фьольвиру попался какой-то гладкий предмет, соскользнув с которого он чуть не потерял плечо-ориентир, схватившись в последний момент за косицу хелька. Свет и свет. И паучок, гуляющий сам по себе. Было

странно не видеть ничего больше.

Наконец Унномтюр остановился.

— Постой здесь, — сказал он.

Послышался треск паутины. Потом что-то стукнуло, с протяжным скрипом в лицо Фьольвиру дохнуло сыростью. Шаги Унномтюра отдалились. Пропали. Несколько капель укололи Фьольвиру лоб. Он стер их пальцем, облизал палец губами. Солono.

— Давай... вот, — появившийся Унномтюр потянул его на себя.

Фьольвир запнулся.

— Ногу! Ногу выше! — потребовал Унномтюр. — Здесь ступенька.

Ногу пришлось задрать на уровень живота.

И все равно всю работу по преодолению преграды выполнил Унномтюр, буквально вздернув Фьольвира вверх. Колено того больно ударилось о ребро невозможно высокой ступени, зубы щелкнули. Бугристый камень токнул в плечо.

— Сюда.

Унномтюр, приобняв, повел хромающего Фьольвира сквозь звонкий перестук капель в шорохи и попискивание крыс, в глухое, шелестящее эхо большого помещения.

— Где мы? — спросил Фьольвир.

— Не знаю. Какой-то замок. Подвал, — отозвался Унномтюр.

— А Мтаг?

Они поднялись по короткой лестнице.

— Думаю, добывает второй ключ. Мы встретим его у третьего. Я знаю, где это. Садись, здесь, кажется, лавка.

Фьольвир ладонью нащупал гладкое дерево, уселся, вытянув ударенную ногу.

— Здесь темно? — спросил он.

— Как у Хэнсуйерно в мертвецкой, — ответил Унномтюр.

— А что у него там?

— Мертвецы и темнота, что еще?

Фьольвир ощутил щекой легкий ток воздуха.

— Кажется, тянет слева, — сказал он.

— Я посмотрю.

Унномтюр оставил спутника одного. Его шаги звучали все глуше, пока не пропали совсем. Фьольвир нащупал конец лавки, подвинулся и лег. Всюду был свет. Под смеженными веками паучок притих. Так бы и лежать, подумал Фьольвир. Слепота его не пугала. Кажется, и так он видел слишком много лишнего. Одних мертвецов столько, что иной за всю жизнь не увидит.

Разве я герой? — подумалось ему. У героя нет сомнений и есть желание подвига. А у меня наоборот. Сомнений — целая гора. Спасай мир, спасай. Плыви, беги, мерзни. Спасай. Ой-да, потом, конечно, все хором скажут: какой ты молодец, Фьольвир Маттиорайс! Сам Йорун пожмет руку: добро пожаловать в Тааливисто! Лучшее место для таких, как ты!

А еще, наклонившись, шепотом добавит: место с собой рядом выделить не могу. Пойми, это не в моих божественных силах.

Ну и стоишь, в общем, и улыбаешься, как... герой.

Надо ему это?

Так-то, если подумать, у него — своя правда. Как у Унномтюра или Мтага. Если ее попытаться оформить в слова, то, наверное, получится набор усталых ругательств. А что?

Правда разная, бывает и такая. Его правда — он не герой. Даже когда ватангером ходил по городкам и селам юга, подрываясь на грязную и тяжелую работу за несколько монет. Даже когда в Выкормышах целую ночь с отцом рубился с эггвельснаке. Как вспомнится — мороз по коже. Лет десять уж назад...

Фьольвир вздохнул. Он почти задремал, когда с шумом появился Унномтюр и согнал его с лавки.

— Сейчас, — пробормотал он, перетаскивая что-то, невидимое Фьольвиру. — Переночуем здесь. Башня нежилая, отдельная, но оно и к лучшему. Местность я не узнал, темно. Что тут за люди или нелюди — не понятно. Так что пока без света, зато шкуры нашел и мешковину.

— Крысы пищат, — сказал Фьольвир.

— Это как раз не страшно, — заявил Унномтюр. — В плохих местах крысы не водятся.

Он принялся что-то подтаскивать, составлять, прилаживать одно к другому. Скрипели ножки, звонко постукивали друг о друга деревянные бока. Потом зашуршала раскладываемая мешковина.

— Все, ложись, — сказал Унномтюр. — Я тут из лавок вроде лежака соорудил.

Фьольвир слепо протянул руки. Унномтюр помог ему заползти.

— Как?

— Ничего, — сказал Фьольвир, вытягиваясь.

— Ну а я рядом.

Унномтюр слегка подбил спутника в бок, заставляя подвигнуться. Какое-то время они лежали неподвижно. Наброшенные шкуры пахли сыростью и гнилью. Фьольвир смотрел в свет и слушал дыхание товарища. Унномтюр, кажется, постукивал по дереву костяшками пальцев.

— Светло, — сказал Фьольвир.

— Наоборот, ночь, — проговорил Унномтюр и зевнул.

— Не хочу быть героем, — помолчав, сказал Фьольвир.

— Это странно, — лениво заметил Унномтюр. — Все люди хотят быть героями. До богов, понятно, не дотянуться. А героем может оказаться каждый. Ну, так людям думается. Так они хотят думать. Тогда и песни, и саги, и женщины, и внимание и почет.

— И кровь.

Унномтюр вздохнул.

— Ты снова о Хворвике?

Фьольвир приподнялся, поправляя мешковину.

— Нет, не о нем, не только о нем, — сказал он, вновь укладываясь. — Но мы просто... Почему только кровь и мертвецы? Идем по тонкому пути — кровь. Сходим с него — мертвецы. И снова кровь.

— Такова нить судьбы, — сказал Унномтюр.

— Но ведь Утойи уже нет.

— Значит, нашей судьбой ведает Мтаг, раз мы его преследуем, а кровь и мертвецы — это его подарки.

— Не хочу, — сказал Фьольвир. — Я бы по-геройски посидел в таверне за ужином.

— Давай поспим, — предложил Унномтюр. — Возможно, утром будет тебе таверна. Огни в домах я видел.

— Лопатку свиную бы, — пробормотал Фьольвир. — Только хорошо прожаренную. Без

крови. И хлеб. И голову сыра.

— Тоже без крови?

— Иди ты.

Фьольвир поддал спутнику локтем.

— Думаешь, мне легко? — сказал вдруг Унномтюр. — Думаешь, мне не хочется все бросить и сказать: да идите вы все изначальной тьме в самую задницу? Я помню, как Йорун на мне срывался. А это бывало часто, арнасон. Нрав у Йоруна тот еще. Искры и молнии. Помню, как Стергрун гонял меня по всему дворцу до изнеможения, а когда я падал, резал мне спину. «Встать, воин! Поднимайся, трус!». Я помню, как Накки предавала меня. От скуки, из любопытства, что за наказание изобретет мне Йорун, просто от резкой перемены настроения. Среди богов и богинь это в порядке вещей — предавать. И у меня гораздо больше причин ничего не хотеть, арнасон. Тьма так тьма. Пусть макафик делает свое дело, а вахены — свое. Но я здесь.

Он умолк, потом толкнул Фьольвира плечом.

— Спишь?

— Нет, — ответил Фьольвир. — Думаю.

— О чем?

— Обо всем.

— Знаешь, — негромко сказал Унномтюр, топнув ногой на крысиный писк, — когда ты единственный можешь что-то сделать, спасти, сохранить, бездействие жжет сильнее огня. А мы можем, арнасон, мы можем остановить Мтага. Какой бы он ни был, а мне дорог этот мир. И боги дороги. Даже Хэнсуйерно с его женой. И Накки я люблю, пусть потом Йорун хоть каждый день подвешивает меня за яйца.

— Больно, должно быть, — заметил Фьольвир.

— Больно.

— То есть, никто больше.

— В том-то и дело. Только мы, арнасон. Наверное, это не очень приятно, быть таким героем, — сказал Унномтюр. — Когда не спросясь, когда уже одной ногой в Тааливисто... Но больше некому, арнасон.

— Да я понял, понял.

— Все будет потом.

— Я понял.

— И Хейвиска твоя...

— Все, заткнись.

— Спи, арнасон. Все будет.

— О, боги! — воскликнул Фьольвир и накрылся шкурой с головой.

Правда, все равно было светло. Но свет был неяркий, и Фьольвир скоро уснул. Он не видел, как Унномтюр встал и перебил, передушил всех крыс в помещении. Писк выводил его из себя.

Проснувшись, Фьольвир обнаружил, что слепота его кончилась. Он помотал головой, поморгал. Из полутьмы проступили сложенные из камня стены, упирающиеся в низкий сводчатый потолок. Из мебели — только лавки. Из бокового прохода тянуло прохладой. Часть стены там розовела от света.

Унномтюра рядом не было.

— Эй.

Прихватив шкуру, Фьольвир направился к выходу. Короткий коридор вывел его к началу избегающей вверх лестницы и чудовищному пролому, лишившему башню арочных дверей и большей части стены. Есть раны, считающиеся смертельными. Для башни пролом, похоже, явился как раз такой раной.

По черной земле, усеянной обомшелыми камнями, скакал косматый, пустолицый Унномтюр. Он был гол до пояса. В руке его посвистывал меч. Иногда клинок словно терялся из виду, настолько Унномтюр был быстр.

— Арнасон!

Разглядев Фьольвира, Унномтюр приостановился.

— Я снова вижу, — сказал Фьольвир.

— Замечательно! Иди сюда! — позвал его Унномтюр.

— Зачем?

— Иди-иди.

Предчувствуя, что его сейчас будут показательно бить, Фьольвир скинул шкуру и медленно перешагнул через валун. Он оказался на истоптанной, взрыхленной площадке, ограниченной камнями с трех сторон. Неподалеку темнели остатки крепостной стены, дальше поднимался ввысь холм, по которому, как путники, взбирались дома, сложенные из рыжеватого песчаника. В утреннее небо тянулись прозрачные дымки.

— Готов, арнасон? — спросил Унномтюр.

— К чему?

Унномтюр атаковал.

Фьольвир никак не ожидал, что его спутник совершит нападение без предупреждения, но с изумлением обнаружил, что держит топорик в руке и, мало того, каким-то образом дважды отбил выпады.

— Молодец! — похвалил Унномтюр, обходя его кругом.

Глаза его сверкали, будто драгоценные камни.

— Это я? — спросил Фьольвир, поворачиваясь за соперником.

— Ты, арнасон, ты!

— Откуда?

Дзонн! Железо скользнуло по железу. Удивляясь самому себе, Фьольвир изогнулся и выставил ногу. Подсечка, впрочем, не сработала, но Унномтюр довольно фыркнул.

— Потому что ты, арнасон, — герой.

— Я не герой!

Фьольвир отбил очередной выпад и перешел в контратаку. Шаг, прыжок, разворот. Топорик словно превратился в живое, желающее клонуть или ужалить существо, пробующее на вкус крепость оружия противника. Дзонн! Данн! Унномтюр, уклоняясь, скользнул к земле. Пыфф! — в глаза Фьольвиру полетели комья.

— Ты герой, арнасон!

Фьольвир мотнул головой.

— Разве?

Он встретил рванувший к шее клинок топориком, подбил его вверх и одновременно, подшагнув, выкрутил левый локоть. Ах! Удар в челюсть получился на загляденье. Унномтюр опрокинулся на землю.

Фьольвир навис над ним, скалясь, и озадаченно опустил оружие, когда его противник захохотал.

— Ты разве не чувствуешь, арнасон?

— Чего?

— Что ты — герой. Ну же!

Унномтюр вскинул руку, и Фьольвир помог ему подняться.

— Ты поддавался, — сказал он, чувствуя, как бродит в теле неясная сила.

— Да-да, — закивал Унномтюр и принялся отряхивать штаны от земли. — Делать мне нечего. Нет, мой друг, так это в наших краях и работает. Мало быть выбранным в герои. Это только первое условие. Необходимо еще и самому к этому прийти. словно тонким путем. Вот здесь. — Он приложил ладонь к груди. — В сердце.

Фьольвир вздохнул.

— Я просто... Ты же иначе от меня не отстанешь.

— Нет, конечно!

— Значит, надо удохлить Мтага. Так я решил и уснул.

— Правильно.

— А потом — в Тааливисто.

— Это уж как захочешь.

— Странно.

Фьольвир склонил голову, вслушиваясь.

— Что? — спросил, глядя на него, Унномтюр.

— Как будто...

— Ну!

— Кажется, я действительно стал сильнее.

— О, открытие сделал! — рассмеялся Унномтюр. — Ты, конечно, не совсем полноценный герой, все-таки мы оказались в непростой ситуации, но что-то героическое в тебе есть! Эта воинственная борода, этот грязный везинг!

— Иди ты!

— Оу!

Унномтюр в шутку скривился от тычка в плечо.

— Я сильнее могу! — заявил Фьольвир.

— Не надо, — вскинул руку Унномтюр. — Кстати, знаешь, арнасон, что это за место? Здесь раньше стоял Кьеркек, город-крепость. Сильные люди правили в нем, сильные и жадные. Почитали Оккима-Лаити, ну и Хэнсуйерно заодно. Очень им нравилось делать из захваченных в плен людей вечных мертвых рабов. Целый орден макафиков пророс здесь. Оккима-Лаити пестовала их, как могла. Очень много зла натворили вокруг. Хотели даже часть подземного мира с городом связать.

Он вздохнул.

— Лет триста назад было.

— И что? — спросил Фьольвир.

— Вот то, что осталось от Кьеркека, — кивнул Унномтюр на башню.

— Йорун?

— Зачем? Не божеское дело! Хотя Йорун, конечно, безусловно может. Но справился и герой. Ландольбор. Слышал о таком?

Фьольвир мотнул головой.

— Эх, арнасон, темный ты человек! — со вздохом заявил Унномтюр. — Вот уж герой был так герой. Светловолосый, мускулистый хортунг. Народ был такой на землях к западу от

вас — хортунги. Их потом зимняя болезнь подчистую выкосила. Безжалостный и бесстрашный был герой. Правда, немного простоват.

— Как я?

— Ты придурковат, арнасон. А он простоват. Есть разница. Башню, кстати, он собой проломил. Остальное все разнес по камешкам к войца-пекка! Я за ним присматривал, видел, как он макафиков по окрестностям гоняет. Все их колдовство отскакивало от него, как меч от щита. Всякие чудовища, что макафики вызывали из первопраха подземного мира, были ему на один удар.

Унномтюр подобрал с земли рубаху и везинг и принялся одеваться.

— Есть хочешь? — спросил он как бы между делом.

— Очень! — сказал Фьольвир, шевеля плечами.

Ощущение огромной силы казалось ему непривычным. Будто полный кожаный доспех, который Фьольвир как-то видел на свериге, втугую стянул тело. Тут бы ненароком не свернуть ничего.

— Можем крыс пожарить, — сказал Унномтюр, сцепляя крючки везинга под горлом. — Я там десяток шгук убил.

— А таверна? — спросил Фьольвир.

Присев, он выковырял из-под ноги камень размером с Гайво и от плеча бросил его в сторону леска, растущего у остатков крепостной стены. За полетом следили в четыре глаза. Грубо отесанный камень преодолел где-то пятьдесят крафуров и шлепнулся то ли в канаву, то ли в лужу, подняв фонтан брызг.

— Да, — сказал Унномтюр, — крысы тут не вариант.

— Я тоже так думаю, — сказал Фьольвир.

Унномтюр, охлопав в воздухе хельк, намотал его на шею. Фьольвир поправил топорик за поясом.

— Все, идем? — спросил он.

Унномтюр покосился.

— Выглядишь совсем не по-геройски.

— А как?

— По-разбойничьи.

Фьольвир одернул везинг.

— А так?

— М-да.

Дорога огибала башню и ныряла за остатки стены, чтобы продолжиться за леском и подняться на холм к первым домам. На склоне паслись козы. Стайка птиц выпорхнула из зарослей и пролетела у путников над головами.

Небо выцветало в синь. Громко крикнул петух. Разнесся по воздуху звон железа. Бум! Бам!

— Теперь это уже не Кьеркек, — сказал Унномтюр. — Но, кажется, место вполне жилое. Думаю, за серебро нас накормят.

Фьольвир заметил, что дорога разъезжена. Загончики и копенки скошенной травы встречались то тут, то там. Скоро навстречу им, поскрипывая колесами, спустилась с холма запряженная лошастью повозка. Мальчишка лет десяти сидел за возницу. В кузове гнули спины лесорубы — два пожилых, усатых мужика и молодой парень, видимо, приходящийся одному из пожилых сыном.

Одежда на них была простая, но крепкая. Штаны, рубахи, сшитое из шкур верхнее, похожее одновременно и на жакар, и на везинг с полой выше середины бедра.

Поравнявшись с путешественниками, мальчишка остановил повозку. Кобыла смиренно встала, лесорубы заоборачивались. Один, как углядел Фьольвир, прибрал под себя топор.

— Здрост. Здрост.

Говор у лесорубов был непривычный, но понятный.

— Здравствуйте, — сказал Унномтюр, вылепив лицо брата Гульдира.

— Доброго дня, — подступил Фьольвир.

— И тебе, и тебе, — закивали оба пожилых. — Пошто идете?

— Путешествуем, — сказал Унномтюр.

— Понятно. Вид у вас странной. Издалеко?

— С севера.

Лица дровосеков вытянулись.

— Так нет ничо там. Море.

— И что, что море? — удивился Унномтюр. — Вы что, за море не ходили?

— Так как? Ульфха там.

— Какая Ульфха?

— Чудищо. Никому не одолеть. С давности ишшо.

— Большое?

— Во! — Один из дровосеков очертил руками купол над головой. — Много кто пытал, раншо-то, топерь уж дурней нет.

— А в селении есть, где поесть? — спросил Фьольвир.

— Так у Скобаля, — показал пальцем на холм дровосек. — Дом-он повышо первох, о три окна. Видно тебе?

— Видно, — кивнул Фьольвир.

— Вот там.

— Или у Флярда, — добавил второй дровосек. — Тот ишшо повышо. У Флярда и пиво как пиво.

— Тогда мы, наверное, к Флярду пойдем, — улыбнулся Фьольвир.

— А занятие ваше како? — спросил малолетний возница.

И получил звонкий подзатыльник.

— Не дорос ишшо! — буркнул дровосек, видимо, приходящийся мальчишке отцом. — Не твою ума дело-от. — Он оборотился к путникам. — Вы зла-т на нас не держите, мы к вам с понятием.

Мужчины в возке выжидательно уставились на незнакомцев.

— Ну, занятие наше простое, — сказал Унномтюр и приобнял Фьольвира. — Мы с братом — воины. Наняться к кому охраной у вас можно?

Дровосеки зачесали в затылках.

— Так тихо у нас-от. Охранять некого. И в дорогах покой. Вам, робяты, в Окрому путь держать надоть.

— Это куда?

— Так дорогой мимо башни, никуда не сворачивая. К вечеру в ону самую Окрому и войдете. Большой город!

Унномтюр повернулся всем телом, оценивая маршрут.

— Ну, может нечисть какую извести? — снова посмотрел он на дровосеков. — У вас,

наверное, бродит кто в окрестностях?

— У нас только Ульфха, — ответил молодой.

— Можем и ее, — сказал Унномтюр.

Фьольвир кивнул.

— Можем!

Дровосеки захмыкали, пряча усмешки в бороды.

— Это вам к Антипу надоть. К Флярду пойдете, он-от укажет.

— Так тихо у вас? — спросил Унномтюр.

— А то! — сказали дровосеки. — Все сами топерь. Живем. Богов-от который год нет.

Оно, пожалуй, и хорошо.

— А Ульфха?

— Так в море. А что нам то море? Хлеб есть, лес есть, мясо есть. Какого жита ишшо желать?

— Ну, будьте здоровы! — сказал им Унномтюр.

Мальчишка стегнул лошадь вожжами, и возок со скрипом покатыл дальше. Правда, через десяток кнафуров остановился.

— Эй, воины!

Сделавшие несколько шагов путники обернулись.

— Ежли лодка будет нужжа, тожа у Флярда спросите! — крикнули им.

— Мы поняли! — отозвался Унномтюр.

Некоторое время потом шли молча. Впереди взмывали голоса, гавкали собаки, слышался стук топора. По небу плыли облака, их тени то и дело скользили по склону холма. Низкая каменная оградка возвестила о начеле селения. Во дворе первого дома гоняла куриц девочка лет пяти. Рядом светловолосая, крупная женщина, наблюдая за ней, жмякала белье в бадье. Увидев путешественников, она слегка наклонила голову.

— Здрост.

Лицо ее не выразило ни тревоги, ни удивления.

— Здравствуйте, — сказал Фьольвир. — А Флярд?

Он показал пальцем на дома выше по склону.

— Третий дом по правую руку, — ответила женщина.

Фьольвир благодарно кивнул.

Народу в селении было немного, и все были заняты. Кто свежевал заячьи тушки, кто лепил горшки из желтой глины, кто деревянными вилами таскал валки свежескошенной травы вглубь хозяйской постройки. Дети помогали родителям. Из приоткрытых дверей тянуло сдобой.

Первые дома были громоздкие, явно старые, с потемневшей от времени кладкой. Под навесами — поленницы, узкие окна — в ставнях. Выше дома уже ужимались в размерах, но вид имели свежий, светлый, двускатные крыши топорщились черепицей.

Дом Скобаля путники узнали сразу. В широком дверном проеме виднелись столы и лавки, в глубине помещения плясали облески огня, а дух подгоревшего мяса бил в ноздри еще от каменной воротной арки, не имевшей ворот. Девчонка лет пятнадцати сосредоточенно мела двор.

— Выше? — спросил Унномтюр Фьольвира.

— Да, к Флярду, — сказал Фьольвир.

Девчонка, услышав их, подняла голову. Лицо у нее сделалось сердитое.

— А мы тожа открыты, — сказала она. — У Тегумки — все вчерошнее. Он пил вчора.

— Какой Тегумка? — спросил Фьольвир.

— Тегумка Флярд.

— А-а!

— Здрост, — словно опомнившись, произнесла девчонка и покраснела.

— И ты здравствуй, — сказал Фьольвир.

— А серебро вы принимаете? — спросил Унномтюр.

— Не-а, — сказала девчонка. И поспешила добавить: — И Тегумка не принимает. Мы монетки не собираем.

— Хм. Тогда нам и расплатиться нечем.

Девчонка прищурилась, оглядывая мужчин.

— Это! — показала она пальцем на хельк.

Унномтюр, разматывая, стянул накидку с плечей.

— Она подвытерлась, — сказал он.

Девчонка легко выхватила хельк у него из рук.

— За две плоски с мясом — пойдет!

Она тут же чуть ли не полностью закуталась в обновку. Метла — в сторону. Улыбка до ушей. Потом крикнула, чуть оборотившись в сторону дома:

— Ма-ам! Гости!

Фьольвир и Унномтюр пересекли двор и зашли в дом. Девчонка, обогнав их, скрылась за полотняной занавеской, отделяющей зал от других комнат.

— Ма-ам!

Фьольвир огляделся.

Озаряя чуть ли не половину помещения, горел очаг. Над ним темнел на вертеле то ли поросенок, то ли кабанчик, частично уже оприходованный, лишившийся кусков тушки. От него и шел мясной дух. Столов было пять. За куцей стойкой на полках стояли круглые блюда и кувшины.

— Ма-ам!

В недрах дома что-то стукнуло, повалилось, раздались быстрые шлепки босых ног. Подоткнувшую юбку растрепанную женщину вынесло в зал. В матерчатом желобе фартука, надетого поверх рубашки, она вынесла несколько поленьев и свалила их у очага.

— Ф-фух! Здрост, люди добрые, — сказала она, отряхнув руки.

Глаза у нее были светлые, лицо — приятное, грудь — большая. Фьольвир и Унномтюр закивали.

— Мам, мам! — выскользнула из-за занавески девчонка. — Оне мне за две плоски — вон што.

Она крутнулась перед матерью. Хельк, ужатый в складки и наспех скрепленный деревянными крючками, взметнул полкой.

— Годно.

Женщина подала дочери кружки, тарелку с сыром, тарелку с хлебом и пучками вялой зелени. Та все это разложила перед усевшимися на лавку путниками, сбегала за ложками, потом притащила откуда-то тяжелый кувшин и водрузила его на стол.

— Это тлемка, — объяснила девчонка. — Ее все пьют-от. Слабонькая.

Фьольвир сунул нос. Тлемка пахла обычной бражкой. Он разлил ее по кружкам. Женщина тем временем исчезла в проеме у очага и появилась с двумя наполненными до

краев мисками, в которых колыхалось красноватое варево с клубнями и кусками мяса. От варева шел такой аромат, что рот Фьольвира наполнился вязкой слюной, а живот болезненно заныл. Одна рука его схватила ложку, другая подтянула миску, облапив так, чтобы ни у кого даже мысли не появилось отнять.

Какое-то время все вокруг него прекратило свое существование, остались только плямканье ложки, варево, жар, вкус во рту, торопливые глотки, капли, стекающие на бороду, и миска, стенки которой подозрительно быстро обнажались, готовясь перейти в дно. Хлеб, сыр — все в рот. Ух! Даже слезы выступили на глазах и потекло из носа.

Утолив первый голод, Фьольвир выдохнул, немедленно опрокинул в себя кружку тлемки и выпрямил спину. Он обнаружил, что женщина с дочкой взялась у очага, сложив на подставку вертел с поросенком, а Уннотюр, поставив локоть на стол, задумчиво смотрит, как в движении обрисовывается под юбкой вполне крепкий женский зад.

Фьольвир хмыкнул. Уннотюр перевел взгляд на него и сказал:

— Знаешь, для тонкого пути к третьему ключу нам понадобится много крови.

Фьольвир поймал его руку и сжал.

— Даже не думай, — сказал он, — я тебе не дам!

Уннотюр улыбнулся.

— Дурак! — сказал он, с некоторым усилием освобождаясь от пальцев спутника. — Я же не про них. Я про Ульфху.

После похлебки, сдобренной тлемкой, Фьольвир был готов подремать, но Унномтюр потащил его к Флярду.

— Заходите ишшо, — попрощалась с ними женщина.

— Обязательно! — сказал Унномтюр, подталкивая спутника в спину. — Но тогда нам, возможно, придется расстаться уже со штанами.

Женщина рассмеялась и замахала на него рукой.

— Штаны остовьте. Под штанами, што есь, возьму в пользу.

Девчонка в дворовом загончике кормила поросят, мешая в корытце травяную гущу. В щелях плохо пригнанных жердей, оттирая друг друга, толклись розовые, похрюкивающие тельца.

Чтобы идти в подъем, пришлось пропустить запряженную коровой телегу. Сидящий в ней старик кутался в овчину и клевал носом, не обращая внимания на то, куда едет. Корова взмыкивала, и он легонько постукивал прутом по коровьему заду, словно говоря: не балуй, я здесь. В телеге, на мешковине, побрякивала разложенная рядками черепица.

— Здрост.

Незнакомцев старик все же углядел.

— И вам здравствовать, — сказал Унномтюр. — Где Флярд живет, не подскажете?

— Тамо, — старик показал пальцем за спину.

Корова взмыкнула и продолжила свой путь.

Дом Флярда, впрочем, нашелся быстро. Над дверью у него, во-первых, висел бочонок. Во-вторых, несмотря на ранний час, в доме было полно народу. В отличие от Скобалихи Флярд, похоже, пользовался популярностью.

Скрипучая дверь от толчка открылась в тесный, закопченный зал, подпираемый тремя балками. В центре широкий, жадный зев распахивал очаг. Справа темнела ниша кладовки и лестница на второй, чердачный этаж. Часть пространства там была занавешена. Слева располагалась стойка с поставленной на чурбаки бочкой. В полукруглом вырезе позади нее виднелась кухня, полная огня и пара. Там мелькали две женские фигуры, управляясь с горшками и плошками. За стойкой стоял крупный, бородатый мужчина. Рубаха с узором. Чистая тряпка перекинута через плечо. Незнакомцев, застывших на пороге, мужчина заметил сразу и замахал им рукой.

— Сюдова, гости, сюдова! Ко мне!

За узкими столами люди сидели на лавках, касаясь друг друга спинами. Тесно, а не в обиде. Постукивали ложки, пенилось в деревянных кружках пиво, звучали негромкие голоса, сливаясь в гул.

Идя к стойке, Фьольвир думал, что разговоры здесь, наверное, совершенно просты и приземленны. Какая ожидается погода, получится ли перестелить крышу, выживет ли коза, сломавшая ногу, кто, когда и с кем барахтался в сене, какая была охота в прошлый раз и с чем на днях приедут торговцы из Окромы.

Ни слова о богах.

Ни мысли о гибели мира.

— Здрост, здрост, — с улыбкой поклонился бородач за стойкой. — Издалеко?

— Из-за моря, — сказал Унномтюр.

Хозяин дома изменился в лице.

— А Ульфха? — спросил он.

Стало тихо. Замолкли голоса. Взгляды, наверное, трех десятков глаз сошлись на Унномтюре.

— А что ей сделается? — спросил весело он. — Наверное, жива.

— Так как же вы...

— Мы в обход прошли. По берегу моря.

Кто-то присвистнул.

— Эвона!

— Но насчет Ульфхи у нас есть предложение, — обернувшись ко всем сидящим, сказал Унномтюр.

— Какое же? — спросил Флярд.

— Хотите от нее избавиться?

Народ загудел. Избавиться хотели все. Ульфха была полита такими бранными словами, что для Фьольвира половина их и вовсе стала в новинку. Люди еще помнили время, когда никакой Ульфхи не было и в помине, а по морю то и дело приходили корабли соседей и путешественников.

— И давно она появилась? — спросил Унномтюр.

— Так-от тогда, когда богов не стало, в самое то, — сказал Флярд. — Остров посередь моря под ней топерь. Право говорю?

— Право, Тегумка, право! — закивал народ.

— Так мы эту гадину извести можем, — сказал Унномтюр.

Флярд прищурился.

— Это как же?

— Вот! — Унномтюр хлопнул по плечу своего спутника.

— И что?

— Так герой же! Последний, между прочим. Любуйтесь, пока можете.

— Герой?

Народ зашептался за столами. На Фьольвира поглядывали с сомнением. Не походил он, по общему мнению, на героя. Подбиваемый соседями здоровый хмурый мужик встал с лавки и, едва не задевая перекрытия головой, шагнул к стойке. У всех на глазах он пощупал у Фьольвира мускулы на руках.

— Ну, Филоня? — спросили его жадно.

— Можа да, можа нет, — авторитетно заявил Филоня и наморщил лоб. — Но мышца не то, шобы.

— Поверка надобна-от, — сказал Флярд.

Унномтюр вздохнул.

— Ну какая проверка?

— А така, — сказал Флярд, — что вы же не за доброе слово Ульфху извести пришли?

Ишшо и с нас что возьметя-от.

— Десять монет серебром и лодку, — сказал Унномтюр.

— Во-от!

— И утякут с добром! — крикнул кто-то.

— Пусть Филоню побьет! — взвился чей-то пронзительный голос.

Под одобрительные выкрики Филоня выпятил грудь.

— А пушай! — кивнул он. — Дозволяю-от, ежели герой!

Унномтюр повернулся к Фьольвиру.

— Вперед, арнасон. Не убей только ненароком.

— А что сделать-то? — наклонившись, шепнул Фьольвир.

— Ну, на пол урони.

— Уронить?

Фьольвир сделал шаг от стойки. Филоня насмешливо фыркнул, скривил рожицу на публику, отступил тоже, давая место противнику размахнуться и ударить.

— Оно как, на кулаках? — спросил он.

Фьольвир кивнул.

— Как получится.

От близкого очага веяло теплом. Люди, глаза, притихли. Кто-то даже застыл с ложкой во рту. Прекратился и звон на кухне. Чумазные женские лица, любопытствуя, просунулись в вырез.

— Ну жа! — крикнул Филоня, подняв кулаки.

Фьольвир оглянулся на Унномтюра.

— Давай, герой, — сказал тот.

Следующее случилось так быстро, что никто, включая Филоню, не понял, как это произошло. Многим показалось, что незнакомец в везинге, подвернутом справа так, чтобы был виден топорик за поясом, лишь чуть наклонился вперед. Другие увидели протянутую руку. Третьи готовы были поклясться, что фигура незнакомца на мгновение будто растеклась киселем.

Хлоп! — и Филоня моргает на полу, а Фьольвир стоит на своем месте, как ни в чем не бывало. Только лицо у героя удивленно вытянулось, словно он и сам раньше не подозревал о своих возможностях.

— У-у! — загудел народ.

Унномтюр одобрительно кивнул. Филоня же со злости хлопнул ладонью по дощатым полам.

— Это как жа?

Он вскочил, сморщился, потер грудь, но вновь выставил кулаки.

— Жалаю ишшо!

«Ишшо» на этот раз произошло еще быстрее. Только зрителям показалось, будто дом вздрогнул, а затем они обнаружили, что Филоня опять лежит спиной у балки, а незнакомец как впервые разглядывает свои ладони.

— Да что жа!

Филоня замотал головой, сразу встать не смог и перевалился набок.

— Жалаю...

— Все! — решил Флярд. — Я увидел. Все увидели. Сразу-от понятно. Кто, братья, лодку даст?

Он обернулся к столам. Тут же взлетело несколько рук. Кто-то встал.

— Ежели надоть...

— Все равно сохнет.

— Толку-от, ежели плавать негде?

— Ефимось, твою пушай берут-от, — выбрал Флярд.

Потихоньку подсел на лавку очумелый Филоня. Ему подставили кружку с пивом, и он, с

благодарностью кивнув, присосался.

— А серебро? — спросил Унномтюр.

— Это я сам дам, — сказал Флярд.

Он вышел из-за стойки и скрылся за занавесью. За столами вновь принялись пить и разговаривать. Названный Ефимосем низенький мужичок с рыжеватой бородой осторожно поступил к Унномтюру.

— А за лодкой вы эта... когда?

— Сейчас, — сказал Унномтюр.

— Понял, — кивнул мужичок, теребя полы полотняной куртки.

Вернувшийся в зал Флярд высыпал на стойку горсть монет, частью почерневших от времени.

— Десять!

Унномтюр сгреб серебро в ладонь.

— Что ж, — сказал он. — Ждите.

— Без обмана?

— Дым с острова углядите — значит, Ульфха все.

— Ты вы не вернетесь-от? — спросил Флярд.

— Нет.

Унномтюр подхватил все еще пришибленного своей силой Фьольвира и двинулся к выходу. Ефимось побежал вперед. Народ, помедлив, вывалил провожать незнакомцев, один из которых оказался самым настоящим героем. Нестройные крики сопровождали спутников, взбирающихся на вершину холма. Громче всех, кажется, вопил Филоня.

Берегись, Ульфха!

— А где море-то? — спросил Фьольвир. — Не шумит, не пахнет.

— Сейчас, — успокоил его Унномтюр.

— Тутова море, тутова, — сказал Ефимось.

На вершине холма домов не было. Были только древние развалины, и осколки стен едва доставали Фьольвиру до груди. В стыках и трещинах разбитых плит трепетали былинки. Черепки да щепки лежали во множестве. Видимо, и здесь триста лет назад изводил нечисть Ландольор. Несколько тропок сбегали по склону на противоположную сторону холма, петляли между валунами и терялись в густой, коричнево-зеленой щетке леса. А вот уже за лесом, в каменистом полумесяце берега...

— Ух, ты! — выдохнул Фьольвир.

— Ага, — кивнул вставший рядом Ефимось. — Красота-от.

Море, с одной стороны ограниченное высокой скалой, а с другой взгорьем, ворочалось в узком ложе. Светло-синее, оно изгибалось и, выбираясь на простор, игриво сливалось с небом. Одиноко белел островок.

— Только что-то лодок не вижу, — прищурился Унномтюр.

— А тамо, лево по берегу-от, — махнул рукой Ефимось, маленькими шажками спускаясь по склону.

— Ну, тогда...

Спуск был крутоват, но Фьольвир обогнал и Унномтюра, и Ефимосю, опрокинув на бегу попавшийся на пути валун. Плечо оцарапал, так что ж? Сила играла, сила требовала выхода. Что ей какой-то жалкий валун! Фьольвир притормозил, пяткой сбронив землю до глубокой рытвины, подобрал бульжник и сомкнул на нем пальцы. Камень треснул как ветка.

Посыпались осколки. Хорошо!

— Арнасон! — крикнул ему Унномтюр.

— Да? — отозвался Фьольвир, прицениваясь к деревьям на опушке.

— Не увлекайся!

— Я чуть-чуть!

Он неожиданно почувствовал себя как в детстве, когда на какое-то время получил в руки отцовский меч. Ух, тяжелый! Не сразу и приноровишься. Но сечет траву так, что стебли валяются рядками, перерубленные пополам.

А тут — сила!

Деревце, оказавшееся рядом, не устояло, выдернулось с корнями. Фьольвир откинул его. Нет, тощее. Второе, толщиной в охвате с две ладони, он переломил, с ходу ударив по нему рукой. Красота! Дерево еще падало, цепляясь кроной за собратьев, а Фьольвир уже выбрал следующее. Могучее. Кряжистое. Отогнавшее от себя остальные деревья на пять или даже десять шагов.

Вот дерево по герою!

Он обхватил его, стремясь опрокинуть, повалить набок и напряг мышцы. Дерево хоть и стало потрескивать от его объятий, но падать никак не торопилось. Зато густо обсыпало Фьольвира трухой, корой и листьями.

Ух! Ладно. Фьольвир отступил, отряхнулся, выдохнул и размял печи. В стороне по тропке, мелькая за деревьями, спустились Унномтюр и Ефимось.

— Арнасон! — позвал Унномтюр.

— Я сейчас! — крикнул Фьольвир. — Мне тут нужно!

— Ульфха ждет!

— Я знаю!

Унномтюр пропал из поля зрения. Ефимось скрылся из виду еще раньше. Фьольвир снова приблизился к дереву. В этот раз уперся носками в землю, надавил плечом, обхватил ствол. Куда ж ты против героя?

— Ы-ы-ыа!

Дерево сопротивлялось, трясло ветвями у Фьольвира над головой, какая-то птица испуганно закружила над кроной.

— Что ж ты...

Фьольвир надавил лбом. В спине у него хрустнуло, заныло. Но и дерево от объятий словно ужалось. Фьольвир ощутил, как оно подается, как оно сминается изнутри, как рвутся и лопаются древесные волокна.

Кр-р-рах!

Ствол брызнул корой, щепой, Фьольвир закричал, прикладывая последние усилия, и дерево, наконец, покачнувшись, с треском переломилось. С грохотом, скрежетом, разлетом ветвей оно рухнуло, подобное удивленному и поверженному великану. Довольный собой Фьольвир, пробираясь к тропе, хлопнул ладонью по оголившейся, измочаленной сердцевине.

Славно!

Унномтюра и Ефимосю он нашел на полоске каменистого берега, отгородившегося от чужого глаза скальным выступом. Два десятка лодок лежали в нескольких крафурах от воды, часть из них была перевернута, часть обложена камнями. Островок Ульфхи был едва виден с берега, казался зыбкой полоской.

— Ну, что, победил дерево? — спросил Унномтюр.

Фьольвир кивнул. Его спутник усмехнулся.

— Что ж, герой, тащи лодку.

— Вот эту, эту!

Ефимось похлопал по серому, худо просмоленному днищу свою лодчонку. Среди всех остальных посудин она казалась самой убогой. Уж в ней-то, казалось, можно было доплыть только до Тааливисто.

— А весла? — спросил Фьольвир.

— Сейчас!

Ефимось шустро забежал по берегу наверх, к груде валунов и выглядывающей из-за них постройке. Фьольвир рывком взвалил лодку на плечо. Нисколько не было тяжело. Еще десяток — легко. Видела бы Хейвиска!

Он зашел в море по колени и опустил лодку. Посудина закачалась на волнах, грозясь уплыть без человека. Солнце вылезло из-за облаков. По воде рассыпались блики. Фьольвир, шурясь, придерживал лодку за узкую корму.

— Вот! Вот весла!

Ефимось в брызгах добрался до посудины, сбросил в нее плохо оструганные весла и вернулся на сушу.

— Эй! Унномтюр! — позвал Фьольвир провожатого, который почему-то стоял на берегу, задумчиво глядя под ноги.

— Там она, там-от Ульфха! — показал в сторону островка редкозубый Ефимось.

Ему было радостно. Он улыбался. А как же! Герои летят в пасть чудовищу!

Подтянувшись, Фьольвир перекинул себя в лодку, мокрый, угнезвился на крохотной скамье лицом к берегу и поставил весла в выемки.

— Эй! Я готов! — крикнул он.

Унномтюр вскинул голову и медленно зашел в воду. Он добрался до лодки, но в нее не полез. Слабые волны били ему в грудь.

— Вот что, арнасон, — сказал Унномтюр, — с Ульфхой тебе придется разобраться в одиночку. А это будет лучше топорика.

На дно лодки брякнулся меч.

— Эй, а ты? — спросил Фьольвир.

Унномтюр оттолкнул лодку.

— У меня еще есть дела, — сказал он. — С третьим ключом не все просто. Я появлюсь позже. Так что не оплошай.

— А что мне делать?

Унномтюр, выбравшись из воды, встал рядом с Ефимосем, который с той же улыбкой, что и раньше, наблюдал за Фьольвиром.

— Убей Ульфху, — сказал Унномтюр.

— А потом?

— Жди меня.

— А если...

— Плыви уже, — сердито сказал Унномтюр. — Или ты не герой?

— Ну, так-то...

Фьольвир вздохнул и взялся за весла. Несколько десятков гребков превратили стоящих на берегу в едва различимые фигурки, потом они слились с береговой линией, и Фьольвир уже не мог сказать, стоят они там до сих пор или нет. Вряд ли стоят, подумалось ему. Разве

что Ефимось...

Волны были мелкие. Лодка приподнималась и опускалась. Волны терлись о борта. Весла входили в воду, толкая лодку вперед. Фьольвир греб, не чувствуя усталости. Он с досадой думал, что не успел расспросить местных об Ульфхе. Все Уннотьюру надо быстро. Между тем, какая она, Ульфха? Где поджидает — в море или уже на острове? Чем опасна? Герой он, конечно, герой, но так хотя бы внутренне подготовился.

С другой стороны, что могут поведать об Ульфхе те, кто ни разу с ней не сталкивался? Навруг только. Если от Ульфхи никто не сбегал, кто бы сообщил им об ее повадках и слабых местах? А храбрые дураки давно повывелись.

Понятно, придется все выяснять самому.

Фьольвир посмотрел через плечо. Полоска острова по носовому курсу подрастала, растягивалась вширь. Ульфхи видно не было. Интересно, чует она его? Рядом ли уже? А ну как скользит под ним в морской толще!

Фьольвир перегнулся через борт, заставив лодку опасно качнуться. Никого. Ни рыбы, ни Ульфхи. Муть одна. Может, позвать? Выходи, чудище, к герою. Хотя нет, звать лучше, имея землю под ногами.

Он снова налег на весла. Чуть сильнее, и посудина, словно вообразив себя коггом, едва не взлетала над волнами. Оглядываясь, Фьольвир замечал, что островок становится все больше, прирастает деталями, береговая кромка его ломается, утрачивая однородность. Слева берег был низкий, песчаный, справа выступали скалы.

И-эх! Одним ударом весла Фьольвир повернул лодку и поплыл уже вдоль острова, высматривая удобное место для высадки. Никаких признаков Ульфхи не наблюдалось. Ни горы из костей неудачливых путешественников, ни их суденышек, целых или разбитых, ни самого чудовища. Обнаружив крохотную бухту, Фьольвир направил лодку туда, и вскоре лодочный нос уткнулся в песок. Спрыгнув на берег, Фьольвир вытянул посудину на сушу, перевернул, упором воткнул весла. С мечом в руке он двинулся по берегу, опасаясь пока заходить вглубь.

Растительностью остров был совсем не богат. Трава росла небольшими клочками, участками, между камней гнездились корявые, рыжие, когтистые кусты, на которых почти не имелось листьев. Скальный выступ, что Фьольвир видел с моря, невысоким кряжем тянулся через весь остров, собираясь в складки и прерываясь узкими расщелинами. Если где Ульфха и пряталась, то там.

— Эй! Ульфха! — крикнул Фьольвир.

Он подождал ответа, не дождался и зашагал с берега к кряжу, огибая вывалы серых и белесых камней, похожих на гигантские яйца. Остров был тих и пуст. Даже мошки не лезли в глаза. Может, сдохла эта Ульфха? — подумалось Фьольвиру. Если никто уже через море не ходит, то она, получается, два или три года живет впроголодь. Ну, если питается людьми. Чем еще питаются чудовища, он не знал. Может, им ничего такого и не требуется.

По пути Фьольвиру скоро стали попадаться глубокие рытвины и заросли сухих, с его рост стеблей. Проламываясь сквозь стебли, он вызывал громкий треск, что уж точно служило прекрасным сигналом Ульфхе. Но чудовище не спешило нападать. Может, действительно сдохло?

Фьольвир заметил чуть правее от своего первоначального маршрута прорезавший каменную шкуру кряжа зев пещеры и двинулся туда.

— Ульфха!

В низине у подножия кряжа наконец попались хоть какие-то признаки того, что здесь были люди. Фьольвир обнаружил несколько досок, веревку и лоскуты одежды. Правда, ни костей, ни отпечатков лап или зубов на окружающих предметах он не нашел. Пройдя еще с десяток шагов, Фьольвир наткнулся на вдрызг разбитый бочонок.

И все.

— Ульфха! — напрягая горло, крикнул Фьольвир.

Мелкие камешки просыпались по каменному склону, но на этом все и закончилось. Ульфха, если была жива, возможно, страдала глухотой. Или же таилась, рассчитывая на внезапное нападение.

А если таилась, значит, боялась? Так-то хорошо бы.

Фьольвир сжал меч в руке. От валуна к валуну, пригибаясь, он перебирался все ближе и ближе к пещере. Неровная дыра походила на изгибающийся язык темного пламени, попытавшийся пробиться из земли сквозь гору. Фьольвир заметил обломок весла и, кажется, смятую свейку. Значит, люди здесь когда-то были. Проверая силу, не ушла ли она от него, он треснул по ближайшему валуну кулаком и с мрачным удовлетворением отметил, как камень раскрошился в месте удара.

У самого входа в пещеру Фьольвир замер. Какое-то время он вслушивался, но ничего подозрительного уловить не смог. Ни шорохов, ни иных звуков. Внутри было темно. Дневной свет забирался в пещеру осторожным полумесяцем всего на три или четыре шага.

Делать было нечего. Постояв еще немного, Фьольвир двинулся в темноту. Герой он или нет, в конце-то концов? О, он еще припомнит Ульфхе свою нерешительность! Камешки поскрипывали под ногами. Глаза, привыкнув к недостатку света, кое-как разбирали неровности и изгибы стен. Пол в пещере имел наклон и, чем дальше, тем глубже уходил в каменную толщу. Весь он был исчеркан глубокими царапинами. Ну, вот, подумал Фьольвир, спускаясь, это уже что-то. Ульфха, по крайней мере, оставила следы.

Потом царапины потянулись и по стенам пещеры. Фьольвир ощупал их рукой на уровне груди и выше. Глубина каждой была где-то в полпальца. Интересно даже, чешуя это или какой-нибудь нарост? Или лапы? Но большая тварь, большая. Когтистая.

Где же сама?

Спускаясь все ниже, скоро Фьольвир очутился в полной темноте и, сделав шаг, другой, поняв это, замер. Потом повернулся, поводя мечом перед собой. Тьма. Никого. Ничего. Даже движения воздуха кожей не ощущалось. Нападай, кто хочешь, и жри. Дзынь! Ага, вот меч чуть слышно звякнул о камень. Стена справа. Не весть что, но все-таки ориентир. Плохо, что у него, как у героя, нет способности видеть в темноте. Очень пригодилась бы способность.

Фьольвир вздохнул. Да тут и Унномтюр пригодился бы. У него, кажется, проблем со зрением вовсе не было. А так отправил: иди, забори Ульфху. А что за Ульфха, какая из себя — ни словечка. Ты — герой, арнасон! Герой! Разве герои спрашивают о таких глупых вещах? Герои летят на врага, сломя голову и не задаваясь вопросами, потому что они — герои. Раз! — и в лодку. Плыви, я тебя здесь подожду.

Боги, наверное, ко всем героям так относились. Потому как герои в их понимании — это кто? Инструменты их воли. И ни...

Фьольвир, насторожившись, отложил мысль, пригнулся, присел. Ему послышался шорох. Но шорох не размножился и не повторился. Тогда Фьольвир додумал: ...никому не интересно, что чувствует сам герой.

Ладно, сын Магнара, сказал он себе, постояв еще и непонятно чего ожидая. Пусть их

Оно, конечно, было бы интересно как-нибудь встретиться с Йоруном или Стергруном, но дела сами себя не переделают. А геройские дела и подавно. Ульфха, наверное, вся извелась в своем логове.

Фьольвир сделал шаг. С усилием над собой, но сделал. Потом сделал второй и третий. И четвертый, вытрясая из головы страх, что нога вот-вот не встретит твердой поверхности и опрокинется в пустоту.

Нечего, арнасон, нечего! Ты кто? — прошептал он себе. А? Ты — Фьольвир Маттиорайс. Герой или не герой — это же зависит не от кого-то еще, не от Уннотюра, Мтага или Ефимося. Даже не от Йоруна. Да-да, представь, даже боги здесь ничего не решают, как бы ни старались.

Это зависит от тебя.

Лодка, она всегда рядом. И Тааливисто. Но скоро может не быть. В такое, конечно, не хочется верить. Хочется проплыть сквозь туман, очищающий душу, пристать к берегу, а там — трава, и отец, и мать, и все. И Хейвиска. Эртин и Тотверн тянут лодку к берегу, рты до ушей. Здравствуй, Фьоли.

Фьольвир мотнул головой, прогоняя морок, и, придерживаясь стены, медленно побрел во тьму. Ульфха! Ульфха, Хэнсуйерно бы тебя побрал! Покажись! Герой идет к тебе. Сам по себе герой.

Через десяток шагов Фьольвир обнаружил, что на камнях неожиданно появились зыбкие блики. Ход повернул, блики сделались ярче, цвет их сначала был водянист, но дальше они приобрели оранжевый окрас. Казалось, где-то в глубине пещеры горит костер, и отсветы его гуляют по стенам. Осторожно ступая, Фьольвир скоро выбрался на освещенную огнем каменную площадку. В горящем в центре ее костре угадывался разбитый лодочный нос. Дерево стреляло искрами. За очерченными огнем границами площадки разглядеть что-либо было невозможно, как Фьольвир не напрягал зрение. Есть ли там стены, высок ли свод, имеется ли еще проход вне светового круга, он сказать затруднялся.

Но кто-то же костер разжег!

Сжимая меч, Фьольвир приблизился к огню. Кроме наломанных досок и щепы тут же валялись тряпки, кожаные поножи, нагрудники, пояса. Поблескивал наконечник копья. Языки пламени взвивались высоко, скрывая до поры от Фьольвира то, что находилось по другую от костра сторону.

Фьольвир прищурился. Ему почудилось, что за огнем на корточках сидит закутанная то ли в хельк, то ли в одеяло фигура. Невысокая, худая. Явно человеческая. Он шагнул в сторону, чтобы игра пламени не мешала глазам.

— Эй.

Человек, если и услышал его, то не подал вида.

— Эй! — громче позвал Фьольвир.

Сидящая фигура съежилась и отвернулась от воина, пряча лицо под тканью. Фьольвир быстрым шагом обошел костер. Показалось, что человек ему знаком. В горле заворочался колючий ком. Голос задрожал.

— Хейвиска?

Он сдернул одеяло, обмахнув пламя его концом. Огонь опал и взвился. Женщина, все еще оставаясь спиной к Фьольвиру, встала на ноги. Она была в простой домотканой повенсе, достигающей ей до щиколоток. В этой же повенсе он отнес ее к костру, отправил в Тааливисто. В этой же повенсе...

— Как ты меня назвал? — тихо спросила она.

— Хейвиска, — сказал Фьольвир.

Женщина качнула головой.

— Знакомое имя.

— Хейвиска! — вскрикнул Фьольвир. Меч выпал из его руки и прозвенел по камням. —

Хейвиска! Милая! Ты меня помнишь?

Он развернул женщину к себе. Мгновение ее лицо словно плыло в отблесках пламени, но потом оформилось в знакомые, родные черты. Фьольвир обнял любимую. Волосы ее пахли пряно и сладко.

— Хейвиска.

— Да, — прошептала женщина.

— Ты помнишь меня? — спросил он.

— Нет.

— Ну как же...

— Не по-о... Нет-нет. Не помню.

Хейвиска вдруг задержалась у него в руках. Пальцы ее слепо сдернули с Фьольвира везинг.

— Тише, — сказал он, опуская жену на землю. — Присядь.

Костер был близко, но от него удивительным образом не было жарко. Не было даже тепло. Лодочный нос горел, но не сгорал.

— Ты кто? — спросила Хейвиска, словно впервые увидев Фьольвира.

— Я — Фьольвир. Фьольвир, сын Магнира, твой муж.

— Фьольвир...

Хейвиска ладонью провела по его щеке.

— Да, — произнес он.

— Ты — герой? — спросила Хейвиска.

В ее темных глазах вспыхивали искры.

— Наверное, — сказал Фьольвир. — Откуда ты здесь?

— Я не знаю.

— Ты должна быть в Тааливисто.

Морщинки прорезали гладкий лоб Хейвиски.

— Наверное, я была там, — сказала она.

Фьольвир убрал непослушные волосы с ее лица. Сердце его было полно нежности. Хейвиска. Хейвиска.

— Что ты помнишь?

— Ничего.

Фьольвир, вспомнив об Ульфхе, привстал.

— Здесь должна быть... Ты не видела? Ты здесь одна?

— Нет.

— А кто еще? — беспокойно спросил Фьольвир, пытаясь достать пальцами уехавший за спину топорик.

— Ты, — сказала Хейвиска.

— Ну, это понятно, Хейя. Я здесь, да, я здесь, с тобой. Кого-то еще, кроме меня, ты видела?

— Кого?

— Чудовище.

Глаза Хейвиски расширились. Она испуганно стиснула в кулачках рубаху Фьольвира.

— Страшное чудовище?

— Да, его... ее зовут Ульфха.

Тени и блики скакали у дыры, через которую на площадку пролез Фьольвир. Сколько он не смотрел на них, почему-то никак не мог отделаться от ощущения, что тени, уходя вверх, обретают объем, плоть и сплетаются во тьме высоко над головой в жуткий, алчный клубок.

В Ульфху.

— А ты ее видел? — спросила Хейвиска, отвлекая его внимание.

— Что? — спросил Фьольвир, поворачивая голову к жене.

— Ты видел, какая она?

— Погоди.

Фьольвир встал и мягко, на носках шкиров, пошел вокруг костра. Топорик в его руке принялся то и дело дразнить лезвием близкие языки пламени.

— Милый! — позвала Хейвиска.

— Тс-с! — сказал Фьольвир, переступая.

— Мне холодно.

— Накройся.

— Мне страшно! — крикнула Хейвиска.

Голос взвился стрелой.

— Тихо! — обернулся Фьольвир. — Ты разве не чувствуешь?

— Нет, милый. Что я должна чувствовать?

— Не знаю.

Фьольвир настороженно слушал живущую вокруг темень.

— Милый!

Женщина протянула к нему руки, но пламя костра встало ей преградой. Хейвиска поднялась.

— Милый! Не покидай меня!

— Да-а, — услышал вдруг шепоток Фьольвир, — ты, арнасон, вроде и прозрел, но все еще слеп.

— Унномтюр?

Фьольвир резко повернулся, но своего спутника так и не обнаружил. Переступая, он все дальше отходил от Хейвиски и от костра. Тьма смыкалась и, пружиня, выталкивала его обратно.

— Унномтюр?

— Кого ты зовешь, милый? — спросила Хейвиска.

Из-за пламени ее фигурка казалась зыбкой, текучей, она то опадала, то кособочилась, то вновь принимала прежние размеры.

— Посмотри на нее, арнасон, — шепнул незримый Унномтюр.

— Я смотрю на нее, — сказал Фьольвир.

— Что ты видишь?

— Хейвиску.

Унномтюр издал смешок.

— Спроси ее, как тебя зовут.

— Она не помнит.

— Просто спроси. Ты же назвал себя.

Фьольвир шагнул к костру.

— Как меня зовут? — спросил он, глядя на женщину сквозь языки огня.

— Милый? — неуверенно предположила Хейвиска.

— Нет, вспомни, кто я. Ты должна помнить.

— Ты — герой, милый.

Хейвиска поплыла к нему, огибая костер. Ее протянутые руки удлиннились, платье, словно зацепившись за что-то в начале, развернулось в темное полотнище. По памятным Фьольвиру чертам кто-то будто с размаха вlepил ладонью, и они сложились, сморщились, сползли вбок.

— Милый, — шамкнул губами кривой рот.

— Как меня зовут?

Фьольвир выставил топорик. Хейвиска остановилась. Казалось, она задумалась.

— Тебя зовут...

— Да, как меня зовут?

— Че... человек?

— Я говорил тебе.

Фьольвир отступил на шаг. Вряд ли это Хейвиска, скреблось в его голове. У Хейвиски не было таких длинных рук.

— Герой?

— Нет.

Хейвиска вдруг хрюкнула.

— У меня никогда не было памяти на имена, — призналась она, раскинув руки. — Это не важно. Вы все для меня — мясо.

— Кто?

Фьольвир обнаружил, что уткнулся спиной в стену.

— Мясо!

Хейвиска или то, что притворялось ей, упало на четвереньки. Раздался хруст. Тело выгнулось, позвоночник разорвал платье, выскочил из тела алой дугой, голова вошла в плечи. Комок волос шлепнулся на камни. Пламя костра опало, скрывая изменяющееся существо в чуть подсвеченной тьме.

Ах!

Фьольвир едва успел отступить, когда существо внезапно бросилось в атаку. Одни боги знают, как, но он умудрился разглядеть стремительный силуэт, рванувший к нему из мрака. Увернулся, присел, пропуская над головой костяную, зазубренную конечность. Клыки в пасти существа со скрежетом прошли по камню.

Ага, вот откуда царапины!

Фьольвир махнул топориком, но промазал. Костер еще горел, но свет пламени был обманчив, блики проходились по стенам так, как им хотелось, то выше, то ниже.

— Мя-я...

Тварь, не договорив, забулькала из тьмы. Нет, совсем не Хейвиска, подумал Фьольвир, медленно продвигаясь вдоль стены. Он попался, как юнец. Хорошо еще Унномтюр...

— Унномтюр! — крикнул Фьольвир.

Ответом ему были лишь хохот и бульканье. Следующий прыжок твари, приобретшей куда большие размеры, чем в обличии Хейвиски, он снова, как в белой беззвучной вспышке

молнии, разглядел за какой-то миг. На этот раз у Фьольвира получилось, поднырнув, глубоко вонзить топорик в тело существа. Правда, и самому ему досталось. Одна из лап твари, коих у нее оказалось множество, распорол рубаху и как пилой взрезала ему плечо. Топор пришлось выпустить. Упав на землю, Фьольвир перекатился ближе к костру. Камни заблестели от крови.

Тварь канула во мраке.

— Хе-хе, герой, — раздалось оттуда.

— Я — Фьольвир, сын Магнира! — крикнул Фьольвир.

— Тля, сын тли.

— Бойся меня!

Присев, Фьольвир поймал в пальцы рукоять оброненного перед объятиями меча. Воспоминание, как он обнимался с чудовищем, едва не скрутило его винтом. Вот ведь жуть какая! Так бы с поцелуем — и прямо в пасть. Ты — ей: милая моя Хейвиска. А с той стороны — ам!

— Мясо!

— Да-да, я жду!

Стиснув раненое плечо ладонью, Фьольвир ногами раскидал головни из костра. Они покатались, разбрасывая искры. Одна головня уткнулась в стену, другая замерла в темноте потрескивающим светлячком, третья на долю мгновения высветила существо, отпрянувшее ловким прыжком вбок.

Фьольвир пнул горящий нос лодки, подобрал вывалившееся, закопченное весло и ненадолго окунул его в огонь. Я — герой? Герой, кивнул он себе, вращая головой в ожидании нападения. Ничего, я эту тварь достану. Нет, что придумала — обращаться в любимых ему людей!

Он переложил меч в раненую руку и, подхватив весло, прижал его к плечу. Лицо опалило жаром, запах горелой плоти выстрелил в ноздри. Ах, герою всегда тяжело! Можно и порычать.

— Все! — выкрикнул Фьольвир.

С веслом в роли факела в одной руке и с мечом в другой, он широкими шагами двинулся от костра. Огонь раздвигал, смещал тьму в стороны, железо искало встречи с кем бы то ни было.

— Эй, Ульфха!

Шорох справа, шорох слева.

— Ты же Ульфха? — спросил Фьольвир тьму.

— Мясо! — раздалось чуть ли не из-за спины.

Фьольвир резко развернулся, мазнул по воздуху веслом, но не нашел затаившейся твари. Клокочущий смешок был ответом его движению.

— Тля, сын тли.

— А ты выйди на свет, выйди!

Перед глазами Фьольвира высветилась каменная, неровная, испещренная царапинами стена, он приложился к ней лопатками и дал отдых руке, сжимающей меч, расслабил мышцы, выдохнул, усмехнулся.

Хорошо быть героем. Да-да.

Из раскиданных им головней две уже погасли, и только одна еще держала вокруг себя изменчивое пятно света. Костер горел, но уже далеко не таким высоким и ярким пламенем.

Выманить бы тварь из пещеры наружу.

— Тля, сын тли, — услышал вдруг Фьольвир у самого уха.

Ему хватило мгновения, чтобы отскочить, и зазубренная лапа со звоном воткнулась в камень вместо его головы. Фьольвир ткнул веслом, но дерево просто переломилось. Огонь на лопасти умер под тварью.

— Убью!

Несколько шагов Фьольвир наступал, впуская слюю темноту. Потом остановился. Меч взблеснул, ловя отблеск костра. Тут бы, конечно, и появиться Унноттору, подумалось Фьольвиру. Он же его слышал. Или нет?

Он зажмурился. Все равно темно.

— Мясо, — прошипела Ульфха.

Фьольвир не отреагировал на шелестящий, казалось бы, отовсюду голос. Он сосредоточился на вспышках, возникающих за глазами. Образ твари, размытый, нечеткий, проступал под черепом слабым рисунком. Вот слева. Вот справа. Вот тварь напряглась, вот присела, подобрав десяток лап по всему телу, бугристому, с нашлепками ороговевшей кожи. Вот взвилась.

Ах!

Фьольвир на короткий шаг отступил в сторону и одновременно взмахнул мечом. Вздурся, взвихрил волосы воздух. Тварь зыбким клубком пролетела мимо и, огласив визгом пещеру, похоже, шлепнулась на камни. Что-то шлепнулось отдельно от нее. Лапы? Часть тела?

— Что, съела?

Фьольвир захохотал.

— Тля!

Тварь завозилась, заскребла лапами. Фьольвир слышал, как она ворочается и пытается вытянуть себя вверх. В голове, за глазами он видел, как ее загривок комкается, проступая бледным пятном, как по всему телу, по его сегментам ходят волны внутреннего усилия. Пасть щелкнула.

— Сын тли...

Фьольвир увидел даже свой топор, застрявший между ороговевшими пластинами. Он шагнул навстречу тяжело разворачивающейся твари. С правого бока у нее хлопало, и лапы с той стороны большей частью выглядели какими-то короткими. Видимо, меч Фьольвира их срезал. Голова у существа представляла собой широкую пасть, окруженную складками. Ни глаз, ни носа, ни щек.

— Ты думаешь, ты — герой...

— Ага.

Фьольвир с плотно закрытыми глазами легко переступил через лапу, которую тварь выпростала вперед, намереваясь сбить его с ног.

— Как говоришь, зовут? — прошелестела тварь.

— Маттиорайс, — произнес Фьольвир.

— А, тля...

Тварь вскинулась, видимо, собрав последние силы, но Фьольвир поймал ее порыв на острие меча. Слепящим фонтаном брызнула кровь. Фьольвир попытался продернуть меч дальше, но не рассчитал ни того, что шея у чудовища оказалась непомерно толстой, ни своих геройских сил. Тварь сползла, опрокинулась, едва не вырвав оружие, и впуская клацнула

зубами. Она скрючила лапы и подобрала их под живот.

— Что, все? — наклонился Фьольвир.

Тварь булькнула.

— Дурак... мясо...

— Герой.

— Я ж не Ульфха, — прошептала тварь.

— Да? Seriously? — Фьольвир пнул ее штиром по зубам. — А очень похожа.

Тварь вяло колыхнулась в ответ.

— Сейчас... сейчас увидишь. Я лишь малая ее часть.

Внезапно существо словно дернули за веревку, и оно, оставляя на камнях влажную полосу, сгустком пропало во тьме.

— Вот теперь готовься, — проговорил Унномтюр.

Глава 10

— Ты здесь? — спросил Фьольвир.

— Здесь, здесь, — ответил Унномтюр. — Можешь открыть глаза.

Фьольвир обернулся.

— Я тебя не вижу.

— А и не надо, — отозвался Унномтюр откуда-то справа.

Послышался шорох шагов, потом шаги замедлились, Унномтюр то ли присел, то ли попросту замер.

— Лови! — неожиданно крикнул он.

Фьольвир среагировал на короткий блик, отразившийся на лезвии, и отбил летящий в него топорик мечом. Оружие отскочило и кануло во тьме, звякнув о камень.

— О, боги! — воскликнул Унномтюр. — Я говорю: «Лови!», а не «Отбивай!». Не герой, а не понятно что.

Оставаясь невидимым, он прошел в ту сторону, куда упал топорик. Повернув голову, Фьольвир слушал, как тот, ругаясь, ищет пропажу.

— А где Ульфха? — спросил Фьольвир.

— Не беспокойся, сейчас покажется, — пообещал Унномтюр тоном, который не сулил ничего хорошего.

— А свет?

— О, будет море света! Ты увидишь. Ульфха любит свет!

— Она большая?

— О, да!

— Больше Коггфаль... ну, того, что мы утопили?

Унномтюр фыркнул.

— Не утопили, а я убил. И да, побольше. Ненамного, но тебе хватит.

— А ты?

— Что — я?

— Ты оставишь меня с ней один на один? — спросил Фьольвир.

— Видишь ли, арнасон, — помолчав, сказал Унномтюр, — каждому герою выпадают свои испытания. Считай, Ульфха — твое первое чудовище. Лови.

На этот раз Фьольвир ловко поймал свистнувший во тьме топор за рукоятку. Даже удивился себе. Вытянул вслепую руку, сжал пальцы — и вот топориче будто приклеилось к ладони.

А ведь темно, совсем темно.

— Унномтюр! — позвал он.

— Да?

— Я как бы в темноте... ну, вижу... чувствую. И Ульфху эту видел, когда атаковала. Смутно, но видел. Даже с закрытыми глазами.

— Молодец, — сказал Унномтюр, — скоро совсем герой станешь. Только вот почему-то на смешную уловку повелся. Кто ж тебе сюда мертвого родственника доставит, арнасон?

Фьольвир потупился.

— Я думал — Хейвиска.

Унномтюр прошел где-то за спиной.

— Ага. Здесь. Больше-то ей негде находиться.

— Я подумал, пять лет уж присмотра нет.

— И мертвые как давай из всех мест разбегаться! В мире, арнасон, если ты заметил, и чудовищ не так много осталось. Вроде и макафики никуда не делись, а, видишь, не колдуется им без хозяина. Один Мтаг за всех отдувается. Скачет, понимаешь, со шкатулкой по тонким путям. А так-то...

В голосе Унномтюра появилось напряжение, словно, говоря, он взялся за что-то тяжелое. Фьольвир услышал шаги и потом скребущие звуки. Его невидимый спутник, приняв правее, кажется, куда-то потащил внушительную каменюку.

— Так-то я думаю, в мире, конечно, поспокойнее стало, — закончил Унномтюр.

Каменный пол вздрогнул.

— Помочь? — спросил Фьольвир.

— Ты Ульфху жди, — ответил Унномтюр и через мгновение принялся что-то выбивать железом в стороне. — Тебе с ней сражаться.

— Что-то долго она, — сказал Фьольвир.

Но звон перекрыл его слова.

— Чего? — спросил Унномтюр, взяв мгновение на передышку.

— Долго она, — повторил Фьольвир.

— Сейчас засветится, — пообещал спутник. — Гадина-то большая. Пока изготовится, пока поднимется.

— Из-под земли?

— Смотри вперед, арнасон, и увидишь.

Унномтюр снова застучал чем-то. Краем глаза Фьольвир то и дело ловил брызгающие во тьме искры. Сбрасывая напряжение, он встряхнул руку с мечом. Ульфха. Первое, значит, чудовище. У неудачливых героев первое чудовище, скорее всего, становится и последним. Это, конечно, было бы печально.

Дзон! Дзон! Дзанг!

Производимый Унномтюром звон отдавался в пятках и в макушке. Давай, Ульфха, давай!

Фьольвир не сразу заметил пробивающееся снизу свечение. Он не имел понятия о размерах пещеры, но ему показалось, будто она безразмерна, не имеет ни конца, ни свода, ни дна, а свет медленно плывет к нему издалека. Впрочем, иллюзия эта скоро разрушилась. Когда свечение стало ярче, Фьольвир обнаружил, что площадка с потухшим костром в центре является совсем небольшим, полукруглым выступом, обрывающимся в черноту подземного озера. Теперь водяная гладь сделалась видимой, а затанцевавшие по стенам блики наградили окружающее пространство объемом.

Пещера все же была велика, и озеро, заключенное в ней, тоже. Они же говорили и о возможных размерах Ульфхи. Прежний Фьольвир, пожалуй, заолодев, сразу бы стал искать укрытие, надеясь, что Ульфха не заметит, не обратит на него внимания. Кто он? Суцая кроха по сравнению с горой. Но нынешний Фьольвир, познакомившийся и Коггфальгаддиром, и с Эйяльтогом, вернее, с одной его головой, размерами уже не впечатлялся.

И вообще — герой он или не герой?

Хотя да, страшновато.

Оглянувшись, Фьольвир наконец увидел Унномтюра. Его проявившийся спутник неведомо откуда взявшейся киркой выбивал в каменном полу желобки и углубления. Дзон!

Дзанг! Словно почувствовав взгляд, Уннотюр поднял пустое лицо.

— Смотри вперед, арнасон! Или страшно?

— Страшно, — подтвердил Фьольвир.

— Молодец! — крикнул Уннотюр. — Герой без страха — не герой!

Он снова ударил киркой.

— Я смогу одолеть Ульфху? — сквозь звон крикнул Фьольвир.

Уннотюр выпрямился. Несколько мгновений он оценивающе разглядывал своего подопечного.

— Сможешь, — кивнул он.

Свет, пробивающийся из-под воды, стал настолько ярок, что Фьольвир сощурился.

— А у нее есть слабое место? — спросил он.

Уннотюр пожал плечами.

— Я ее с этой стороны и не знаю совсем, — сказал он.

— И как с ней сладить?

— Храбростью и железом!

— И боги мне в помощь, да?

Уннотюр развел руками.

— Пока без них, арнасон.

— Да я уже понял, — вздохнул Фьольвир.

Озеро тем временем уже бурлило, волны накатывали на площадку, заставляя камень блестеть. Уннотюр какое-то время еще долбил в стороне киркой, но звон прекратился, когда вода вздулась громадным световым колоколом. На мгновение она, налитая светом, как будто застыла, не позволяя разглядеть источник свечения, а потом с грохотом, яростным потоком обрушилась вниз. Брызги рассыпались искрами. Вода хлынула на площадку, облизав ноги Фьольвиру до коленей, и отступила, утянувшись обратно.

Спустя миг Фьольвир понял, что с раскрытым ртом смотрит на выросшее из озера, окутанное светом чудовище.

О, Ульфха была грандиозна.

Она была розовой горой, полной пор, складок, темных глаз и распахнутых жадно ртов. Венчик светлых щупалец на макушке доставал до свода пещеры. Из утолщений по бокам разбегались вширь еще десять бледных щупалец, и каждое оканчивалось зубастой воронкой, пастью, как бутоном цветка. Причем одно щупальце выглядело истончившимся и сильно помятым. Как сообразил Фьольвир, именно оно представлялось ему Хейвиской.

Тварь какая!

— А-а-а! — заорал он на Ульфху.

Эффекта это, впрочем, никакого не произвело. Ульфха вяло шевелила щупальцами, словно многочисленными глазами не могла разглядеть стоящего на площадке виновника своего подъема из глубины. Больно мелок. По телу чудовища бежали световые узоры, линии сплетались и расплетались, ныряли в открытые рты, прятались в складках. Иногда на Ульфхе пульсировали целые ожерелья света, вызывая во Фьольвире странное желание застыть и не шевелиться.

Эх, войца-пекка ей в глотку! В глотки!

Фьольвир подскочил к самому краю выступа. Вода заколыхалась совсем рядом. Но до Ульфхи оказалось не дотянуться. Даже если разбежаться и прыгнуть, Фьольвиру не хватило бы, пожалуй, одного-двух крафуров.

— Эй! Ульфха! — закричал он, закрываясь от света ладонью с топориком. — Я здесь, здесь!

Чудовище не отреагировало. Фьольвир обернулся, чтобы спросить Уннотюра, что делать дальше, но по непреложному геройскому счастью краем глаза уловил опасное движение нижнего щупальца.

Хлоп!

Ему удалось отпрыгнуть в сторону прежде, чем пасть на оконечности щупальца вонзилась в то место, где он только что стоял. Громкий, жадный скрежет зубов отразился от стен. Быстрая, гадина! Фьольвир рассмеялся. Вот это дело! А то не вижу, не слышу болтаюсь тут розовой горой в озере.

— Давай! Давай! — закричал он, скача.

Некоторые из глаз Ульфхи уставились на него. В них не было ни любопытства, ни удивления, ни какого-то иного чувства. Они равнодушно следили за тем, как, постукивая по камням то топориком, то мечом, Фьольвир бежит по площадке.

— Давай!

Неудачливое щупальце, рассыпая каменную крошку, отлепилось от поверхности, зато взвились два других. Ульфха чуть заметно наклонилась, вызвав перехлест воды из озера. Струйки по канавкам, высеченным Уннотюром, потекли в углубление у стены. Фьольвир переместился влево, потом вправо, потом снова влево, ловя момент, когда чудовище вздумает атаковать. Свет слепил.

— Я жду, тварь!

Ульфха почему-то медлила, но теперь чуть ли не все ее глаза уже наблюдали за человеком. Вдобавок к двум щупальцам наготове с неуверенным подрагиванием поднялось еще одно. Видимо, Ульфхе показалось, что на Фьольвира пары щупалец будет мало. Понятно, герой все-таки! Хоть и мелкий.

— Эй! — крикнул Фьольвир, подскакивая к краю площадки. — Я устал уже бегать! Мы сражаемся или нет?

— Уфф! — сказала Ульфха.

Точнее, качнулась, а «уфф!» сказала прогнувшаяся под ней водяная толща. Шлеп! Р-рах! Дзон! Щупальца наконец рванули вниз, к площадке, но нашли лишь камень. Фьольвир отскочил, перекатился и успел ударить по последнему, глубоко взрезав бледную сморщенную кожу.

— Н-на!

Ульфха затрясла щупальцем, как рукой, которую обожгла на огне. Свет, источаемый ей, заморгал и слегка померк.

— Да-да! — крикнул Фьольвир. — Это я! Это тебе за всех, кого ты съела!

Ответа долго ждать не пришлось. Ульфха, похоже, разозлилась не на шутку, и щупальца, выцеливая Фьольвира, принялись падать будто деревья в бурю. Бум! Бум! Бум! Пасти щелкали. Летели, искрились брызги. Фьольвир уворачивался, как мог, перепрыгивал, получал удары, отбивался топориком, отталкивался ногами и не давал себя съесть. Один раз у него получилось удачно проткнуть щупальце мечом, и Ульфха в яростной попытке освободиться расслоила конечность надвое.

Фьольвира обдало густой, черной кровью. Он закашлял, упал и едва не пропустил очередную атаку. Меч выбило из ладони, бок обожгло, но Фьольвир выкрутился из зубастой воронки и встал на ноги.

— И это все? — раскинул он руки.

С пальцев капало. С волос капало. С подбородка. С кончика носа. Страшилище, наверное, хуже Ульфхи, подумалось ему.

— Это все?

Оказалось, нет. Взмах щупальца отправил Фьольвира в короткий и стремительный полет. Удар о стену пещеры был такой силы, что ему показалось, будто все в нем сломалось. Он даже не смог понять сразу, что его перевернуло и воткнуло левым плечом в каменную поверхность. Геройское плечо, конечно, выдержало, но отнялось. В глазах поплыл туман, светлый, молочный.

— Ах, ты!

У него получилось перевернуться и встать на четвереньки. Щупальце ударило выше, подарив лишнее мгновение, чтобы опомниться.

— Куда?

Правая рука сработала захватом. Щупальце, сдирая кожу, попыталось вырваться, но Фьольвир налег, сдавил, а потом с криком выдернул его то ли из сегмента, то ли из сустава, заставляя безвольно обвиснуть.

— Ага!

Он оттолкнул обмякшее щупальце от себя, размазал кровь по груди и, пошатываясь, подобрал топорик. Ульфха утянула конечность в воду. Многочисленные рты ее сомкнулись. В глазах ярость смешалась с болью.

Фьольвир подсчитал: первое, притворившееся Хейвиской щупальце перерубил, второе разрезал, третье сломал. Не так уж много осталось! Десять без трех — семь. Семь!

— Давай, давай, — махнул он Ульфхе топориком. — Герой ждет.

Чудовище качнулось. Свет прокатился по своду. Волна плеснула на площадку, но этого Ульфхе показалось мало. Она качнулась снова, загребая воду щупальцами с обеих сторон. Озеро словно затанцевало под тварью, вздуваясь темными, бурлящими валами. Волны принялись перехлестывать через выступ, заливая водой все доступное пространство.

Скоро Фьольвир понял, что задумала Ульфха. Она собиралась затопить каменную площадку, чтобы сковать движения Фьольвира, а, если получится, то и утопить его.

— Уннотюр! — позвал он.

Ответа не было.

Ульфха шлепнула щупальцами, озеро приподнялось, накатило, и Фьольвир очутился по пояс в воде.

— Уннотюр!

— Что ты кричишь? — возник рядом спутник.

— Ты сможешь? — спросил Фьольвир.

— Каким образом?

— Вселись в меня, как раньше.

Ульфха словно вытянулась вверх, а затем опустилась. Вода дошла Фьольвиру до груди. Щупальца поплыли, как змеи. Фьольвир, отплеываясь, взял от них в сторону.

— Раньше ты был не совсем героем, и я мог позволить себе вселиться, — поворачиваясь, Уннотюр отслеживал движение щупалец. — Сейчас не получится.

— Тогда нападем вдвоем!

— О, боги! Это твоя Ульфха, арнасон!

— Но я...

Волна прокатилась, на мгновение скрыв Фьольвира с головой. Вынырнув, он шлепнул топориком по воде.

– А если я не смогу?

– Это будет печально.

– Да... Ай!

Фьольвир скрылся под водой, а через миг взлетел вверх с щупальцем, обвившимся вокруг его ноги.

– ...тюр!

– Ты – герой, арнасон! – крикнул ему спутник и пропал в волнах.

– Ага! Я сейчас героически...

Бамм!

Ульфха не дала Фольвиру договорить, снова бросив его в стену. Фьольвир спиной выбил в камне углубление и в осколках обрушился в воду. Сразу несколько щупалец взвились над местом падения. Пасти раскрылись. Щупальца по очереди принялись жадно взбивать воду в поисках жертвы. Ульфха приблизилась, нависла. Свет сквозь водяную толщу опустился до дна. Щупальца еще раз клюнули. Одно, самое удачливое, вынырнуло с ошметками кожаного сапога-шпира.

Ульфха озадаченно выдохнула. Глаза ее задвигались, высматривая человека. Два щупальца неуверенно шарили в воде.

Уфф!

Фьольвир вынырнул в десяти крафурах левее розового бока Ульфхи. От злости он был сам не свой, кипел, как котелок с похлебкой, поэтому не удивительно, что вместе с ним под свод пещеры вырвался клуб пара.

Казалось, огонь жжет его изнутри.

– Да что же это такое!

Отбив вялое, медленное щупальце, Фьольвир прыгнул на Ульфху. Та даже опомниться не успела, как он кусачей блохой пополз по ней вверх, раздавая удары топориком направо и налево. Глаз – рот, глаз – рот. Рты закрывались, кисли, пухли, глаза лопались и плевались черной кровью.

Ульфха замолотила щупальцами, но свирепый и быстрый Фьольвир, перепрыгивая по складкам и морщинам, играючи уходил из-под ударов. Свет в чудовище мигал и пытался его преследовать, но не поспевал и терялся.

– На, получи! – Фьольвир вонзил топорик в тело Ульфхи и двумя-тремя скорыми взмахами вырубил кусок розовой плоти. – Думала, большая, и я не достану? А я здесь! На, на, на! Кто герой? Я, тварь, герой! Не ожидала?

Грозившее его прихлопнуть щупальце, Фьольвир легко перехватил и сломал одним движением.

– Здоровая, видишь ли, она!

Ульфха попыталась отползти с площадки, но Фьольвир забрался уже на две трети ее высоты и, видимо, своим дерзким рейдом серьезно затруднил отступление. Большинство оставшихся в целости щупалец утратили координацию и молотили по воде и по воздуху в беспорядке. Молотили, впрочем, все медленней. Пара конечностей еще выцеливала, еще ловила Фьольвира, но то и дело промахивалась, впиваясь раструбами жадных воронок в собственное тело.

Ах, н-на! Фьольвир несколько раз вонзил в Ульфху топор и полез наверх, к светлomu

венчику на макушке твари. Это было наитие, героическое озарение. Где смерть Ульфхи? Там. Все глаза на пути слепились им безжалостно. Ульфха вздыхала, вздрагивала и никла под тяжестью самой себя. Освобожденная ей вода темным потоком устремилась обратно в озеро, обнажая каменный выступ.

Под защитой венчика, во впадинке, как оказалось, находилась увитая крупными жилами выпуклость. Когда Фьольвир коснулся ее, Ульфха испуганно замерла.

– Ну и кто герой? – проорал, свесившись, Фьольвир в один из уцелевших глаз. – Что? Молчишь? Нечего сказать?

– Арансон!

Объявившийся внизу Унномтюр замахал ему руками. Хорош напарник! То сам-сам, герой, а то вдруг «Арнасон!».

– Чего? – спросил Фьольвир.

– Вали ее сюда! – крикнул Унномтюр.

– Как?

– Кто герой? Ты! Сам уж как-нибудь определись, как это сделать.

– Я могу только так! – крикнул Фьольвир.

Просунув топорик между лепестками венчика, он вонзил лезвие в похожую на мозг выпуклость. Ульфха затряслась, щупальца разом опали. Чудовище качнулось назад, но Фьольвир, подпрыгнув, подбил макушку в противоположном направлении, и вздыхающую, чмокающую, безвольную Ульфху повлекло к площадке.

– Да-да! – закричал снизу, отбегая, Унномтюр. – Сюда, арнасон, сюда!

– Я стараюсь!

Как только Ульфха засомневалась, падать ей или нет, Фьольвир снова, со всей геройской дури, ударил ногами в розовую складчатую тушу, придавая ей нужное ускорение. О, падение вышло эпическим! С брызгами, плеском и треском чудовище рухнуло на камни, расплющив верхнюю половину туловища о стену.

Свет в Ульфхе вспыхнул и погас.

Сделалось темно. Остаточное свечение, словно бледные пузыри, еще всплывало из глубины чудовища, но распространялось едва ли на шаг-два от тела. Фьольвир спрыгнул, скатился, помогая себе топориком. Каменная поверхность отдала в голую пятку. Опять обуви лишили! Что за лю... Что за твари!

– Сюда, – услышал он Унномтюра и похромал на голос.

Унномтюр резал Ульфху. Фьольвир понял это по его пыхтению, взблескам железа и плеску крови.

– Эй, ты видел? – спросил он.

– Видел, – отозвался Унномтюр. – Жалкое зрелище.

– Я?

– Ульфха, конечно же!

– А что с ней не так? – обиделся Фьольвир. – Гигантская. Десять щупалец. Злая.

– Не те уже чудища, – вздохнул Унномтюр. – Слабеют. Общее вырождение налицо. Богов нет, все дряхлеет.

– Но я – герой? – с подозрением спросил Фьольвир.

– А как же! Придержи-ка.

Фьольвир наощупь принял на руки складчатый бок.

– А свет...

– Сейчас, – с натугой ответил Унномтюр.

Кровь плеснула снова, зажурчала струйками.

– Чуть отойди, – попросил Унномтюр.

Фьольвир отступил, вжался в мертвую Ульфху. Серебряной каплей блеснула во тьме подброшенная монета. В последовавшей затем вспышке Фьольвир как при дневном свете разглядел выбитую Унномтюром ложбинку и впадину в камне, в которой собралось черное озеро крови.

Алые отблески легли на стены пещеры. Косматая воронка распахнулась над впадиной. Глубокую глотку ее с шипением прорезали багряные молнии. Унномтюр побросал в озеро все оставшиеся монеты. Каждый раз воронка тонкого пути вздрагивала и чуть увеличивалась в размерах.

– Ну, что, арнасон, – Унномтюр смочил ладони в крови Ульфхи, – пора нам к третьему ключу.

– А костер?

– Какой костер?

Унномтюр измазал кровью себе лицо.

– Мы обещали дать знак, – сказал Фьольвир.

Его спутник снова присел у впадины, а когда встал, протянул руки к провожатому.

– Давай, арнасон, – сказал он отпрянувшему Фьольвиру, – это всего лишь кровь.

– А зачем?

– Надо!

Кровь показалась Фьольвиру холодной, стянула кожу на щеках. Унномтюр провел черными ладонями по бороде и лбу Фьольвира.

– Для верности, – объяснил он.

– Так мы будем разжигать костер?

– Обойдутся, – сказал Унномтюр, подталкивая спутника к воронке тонкого пути. – У нас времени нет. А Ульфха в любом случае им уже не помешает. Считай, арнасон, что мы свои обязанности выполнили.

– Одно не понятно, – сказал Фьольвир.

Унномтюр, уже шагнувший в воронку, обернулся.

– Что не понятно?

– Ульфха.

– Что – Ульфха? Руку давай.

Фьольвир подал руку, и Унномтюр втянул его внутрь.

– Ну, Ульфха, – сказал Фьольвир, шагая вслед за спутником по светлой каменной дорожке. – Говорили, что она в море, а она в пещере.

Унномтюр фыркнул.

– О, арнасон, сколько тебе открытий чудных предстоит сделать в жизни! Пещерное озеро соединяется с морем под водой. Такое объяснение тебе не приходило в голову?

– Нет.

– Но сейчас-то ты понимаешь, что так и было?

– Ну, если подумать...

– Думай, арнасон, думай. Герой должен думать.

Какое-то время они шли молча. Этот тонкий путь выглядел иначе, чем те, которыми Фьольвир с Унномтюром ходили раньше. Каменные склоны уплывали не во тьму, а в

белесый туман. Туман то и дело опускался вниз, и Фьольвиру казалось, будто они бредут по пояс или по грудь в мутной воде. Вдали постукивало и позвякивало. Иногда стены расходились, и тонкий путь словно терялся, распахиваясь в широкое поле. Иди, мол, куда хочешь. Один раз Фьольвир едва не заблудился на таком просторе, и только голос Уннотюра вывел его обратно на тропу.

Остановились они через полчаса ходьбы. Уннотюр хлопнул себя по бедру и посмотрел на Фьольвира.

– Меч ты, конечно, не взял, – сказал он.

– Топор взял, – Фьольвир вытянул оружие из-за пояса.

– Давай.

Покрутив топорик в руке, Уннотюр окунул его лезвием в завитки тумана у ног и, словно поддев что-то, повел его вверх. Пространство под лезвием расходилось, как дряхлая ткань, и трепетало лоскутами. Сквозь туман проступила каменная терраса с массивными перилами и статуэтками. Часть серых, выщербленных плит заросла желтым мхом.

Уннотюр прищурился, разглядывая.

– Кажется, сюда, – сказал он, расширяя топориком прореху.

Туман, закручиваясь, потек на террасу. Уннотюр вскинул ногу, переступил, ища опору на той стороне, и пропал. Фьольвир увидел, как он, беззвучно ругаясь, сидит у перил крафурах в трех ниже, облепленный мхом и сухими листьями. Шагнув за ним следом, Фьольвир кувырком полетел на камни. Кажется, он даже приложился лбом о вздыбившуюся плиту, но голова выдержала. Геройская голова!

– Высоко! – крикнул ему Уннотюр.

– Я уже понял.

– А я понял, что ты понял. Кстати, без Ульфхи бы ничего не получилось. Нам нужна была кровь чудовища.

Уннотюр, отряхиваясь, поднялся. Встал на ноги и Фьольвир. Тонкий путь закрылся, будто его и не было. Остатки тумана растаяли в воздухе. Пахло сыростью, словно только что прошел дождь, но плиты были сухие.

– Куда теперь? – спросил Фьольвир.

Уннотюр показал на лестницу в дальнем конце террасы.

– Спустимся там.

Терраса была частью мощного здания со считанными окнами, больше похожими на бойницы. Изнутри окна были заложены то ли ставнями, то ли самодельными щитами. Дверей не было. Казалось, здание приготовили к осаде. Но Фьольвир, как ни старался, не увидел ни одной живой души.

Внутренний двор был полон бочек и вязанок гнилой соломы. Под навесом стояла телега. Крепкая стена в два человеческих роста опоясывала двор. И снова – ни дверей, ни ворот наружу. В само здание вела узкая арка, оканчивающаяся приоткрытой дверью. На пороге лежала человеческая фигура. Перевернутая Уннотюром, она оказалась мешком соломы, обряженным в мужское платье.

К мешку веревкой были прикручены палки, видимо, выполняющие роль рук и ног.

– Кажется, мы опоздали, – сказал Уннотюр, с натугой сдвигая с пути стол, явно использованный для того, чтобы затруднить продвижение от арки.

– Почему? – спросил Фьольвир.

– Потому что.

Унномтюр дал пройти спутнику внутрь.

– Ух ты!

Фьольвир закрутил головой. Фигура из мешка, набитого гнилой соломой, была не единственной. В тесном помещении, которое, похоже, использовалось как некая переходная комната, таких фигур набралось с десяток. Частью они были облачены в разновидности длиннополого везинга, прошитого железными пластинами, частью вовсе не имели одежды. На полу, под мешками и корявыми конечностями, поблескивали мечи и ножи.

– За мной, арнасон!

Отпихивая попадающиеся на пути предметы, Унномтюр устремился к двери в конце комнаты. На ходу он вооружился, подобрал несколько ножей и широкий, изогнутый клинок. Фьольвир, получив обратно в пользование топорик, захромал следом. Неожиданно одна из фигур вздернулась перед ним, щетинясь соломой, и махнула палкой. Удар по уху вышел звучный, сучок до крови расцарапал кожу, и только отдернутая голова спасла его от потери глаза.

– Осторожнее, арнасон!

Унномтюр пинком отправил ожившую фигуру в стену, где та без звука сложилась и не шевелилась больше.

– Ничего себе! – только и смог произнести Фьольвир.

– А ты думал!

В просторном зале, где они очутились, выбравшись из комнаты, фигур было еще больше. Они усеивали мозаичный пол, сами выступая элементами дикой мозаики. Пахло гарью, горелым тряпьем. Свет сеял из высоких, под самой крышей окон. Ближе к лестнице, ведущей на второй этаж, спутники наткнулись на четыре разбитых бочки, поставленных на чурбаки. Были они однорукие, но вместо рук в расщепленные клепки были вставлены у кого копьё, а у кого вилы. Создавалось впечатление, будто кто-то играл этими куклами в войну.

– Да, Мтаг – хорош! – вздохнул Унномтюр.

Он принялся подниматься по лестнице, держась свободной от нелепых кукол стороны. Одолев несколько ступенек, Унномтюр задержался. На площадке, после которой лестница разделялась на два пролета и уходила вверх, фигуры лежали сплошным ковром. Часть их слабо шевелилась. Кто-то пытался встать, кто-то постукивал конечностями, словно взывая о помощи.

– Арнасон! – позвал Унномтюр.

Задержавшийся у бочек Фьольвир поспешил к спутнику.

– Они вроде как живые! – сообщил он.

Унномтюр хмыкнул.

– Они – как я, не живые, не мертвые. Йотунги. Вещи, наделенные жизнью. – Он опустил взгляд на босую ногу напарника. – А штир где потерял?

– Так Ульфха.

– Ульфха... Нет, арнасон, такого на моей памяти еще не было. Чтобы герой, чуть что, терял один сапог...

– Так я же не сам.

– Ладно. Иди за мной.

Унномтюр выбрал место, чтобы шагнуть, поставил ногу, изогнутым клинком для нового шага подвинул мешок с вывалившимися внутренностями из жухлого сена и повернул голову к Фьольвиру.

– Смотри в оба, арнасон. Мтаг йотунгов разметал, но это не значит, что кто-то из них не попробует тебя убить.

Не успел он двинуться, как одна из лежащих фигур вздернула руку-палку. Пальцев у фигуры не было, но казалось, что короткий меч она сжимает в невидимой ладони. Тот взлетел и, наверное, пропорол Унномтюру бок или живот, если бы Фьольвир уже не был начеку. Удар топориком перерубил руку-палку, и меч отлетел к простенку, вывернувшись из невидимых пальцев.

– Молодец, – похвалил Унномтюр.

На пролете в двадцать ступеней их пытались атаковать еще трижды. Обряженные в платья и доспехи мешки и перекрученные тряпки вставали у них на пути и тут же падали, сраженные железом. Фьольвиру, впрочем, один из йотунгов оцарапал-таки плечо, на что Унномтюр укоризненно поцокал языком.

– Арнасон!

Наверху йотунгов было еще больше. В просторной галерее, протянувшейся через весь этаж, они лежали неопрятными кучами, что местами превращались в заградительные валы. Лавки, полки, стулья и столы, сундуки, различные поковки и цепи были свалены в настоящие курганы, пусть и невысокие. Мусор, солома, детали доспехов, гнилые яблоки, щепки и лоскуты устилали пол. Казалось, здесь было дано и проиграно решающее сражение. Некоторые курганы проявляли признаки жизни и старались зацепить пришельцев, когда те проходили мимо, но успеха их старания не имели. Фьольвир действовал даже быстрее Унномтюра, выдергивая из йотунгов части их тел.

– Нам под крышу, – Унномтюр указал на лестницу в конце галереи.

– А что там? – спросил Фьольвир, отвлекаясь на то, чтобы утихомирить оживший комод.

– Ключ.

– И Мтаг?

– И он. Слышишь?

Сверху доносился звон. Звон был слабый, но все же давал представление о том, что сражение между Мтагом и йотунгами еще продолжалось.

– Возможно, мы вовремя, – сказал Унномтюр. – Быстрее!

Он рванул к лестнице на чердак. Фьольвир, не забывая отбиваться от поверженных мешков и стульев, бросился за ним. Стуки сапожной подошвы и шлепки босой ступни оповещали о его передвижении. Бум, шлеп. Бум, шлеп. Как назло, ни рваного штира, ни простой свейки не попалось Фьольвиру на глаза, чтобы, натянув, не скакать ужаленным в пятку войца-пекка. Хотя думать об обуви во время спасения мира, конечно, не лучшее занятие для героя.

– Арнасон! – уже сверху крикнул Унномтюр.

– Бегу! – отозвался Фьольвир.

Он взлетел наверх и застал своего спутника прижатым к балке здоровенным, длиною в два крафура мечом. От меча вглубь чердачного пространства тянулась «рука» – несколько перевитых между собой канатов. Начало «рука» брала из пухлой, облаченной в мешковину и полотно фигуры, которая больше походила на гигантскую подушку, чем на человеческий торс. Венчал фигуру перевернутый котел, на черном от сажи боку которого словно кто-то натер небольшое светлое пятно, стараясь добраться до чистого металла.

– А вы, во имя Йоруна, кто такие? – прогудело из-под котла.

Вторая «рука», выхлестнув из мешковины, обвилась вокруг Фьольвира и вздернула его под самый конек.

– Я – герой! – прохрипел тот, болтая ногами.

– Подтверждаю! – сказал Унномтюр.

Под котлом хмыкнуло. Светлое пятно переползло, нацеливаясь на Фьольвира.

– Почему с одним сапогом?

– Ульфха шпир съела, – выдавил Фьольвир.

– Что за Ульфха?

«Рука» встряхнула Фьольвира, словно собираясь добиться быстрого ответа.

– Чудовище. На острове.

– А-а! Кровь чудовища. Тонкий путь. Значит, вы за ключом?

– Почти.

«Рука» приблизила Фьольвира к котлу.

– Что значит – «почти»?

Начищенное пятно моргнуло и уставилось на человека. Мешковина, словно лоб в задумчивости, пошла складками.

– Потому что ты – дурак, Хальфьярнтог! – крикнул Унномтюр.

– Я? – Пятно на котле развернулось в сторону слуги Йоруна и Наккинейсе. – Мне достаточно двинуть мечом...

– Тогда где Мтаг?

– Мтаг?

– Дурак, а с кем ты тут воевал? – лежа, развел руками Унномтюр.

Котел, изображающий голову Хальфьярнтога, приподнялся, окидывая единственным глазом-пятном чердачное пространство.

– С вами.

Произнесено это было не слишком уверенно.

– Точно с нами?

Хальфьярнтог притянул Фьольвира совсем близко к себе.

– С тобой? – спросил он.

– Я только вошел, – сказал Фьольвир.

– А в доме?

– Там Мтаг как раз без нас уже разобрался. И вся твоя сеном набитая армия раскидана по углам.

– Но ты похож.

Хальфьярнтог с подозрением покрутил Фьольвира в воздухе.

– Отпусти! – потребовал Фьольвир.

– Но вы же за ключом.

– Мы за Мтагом, придурок! – теряя терпение, крикнул Унномтюр.

– Мтага я не видел, – сказал Хальфьярнтог.

– Да ты, похоже, вообще ничего не видишь!

Страж третьего ключа, казалось, задохнулся от возмущения.

– Я... У меня меч... Я могу...

Он вдруг вздрогнул всем своим пухлым телом. Выпущенный из «руки» чудовищный меч грохнулся рядом с Унномтюром. Разжалась и вторая «рука». Внезапно обрешивший свободу Фьольвир с высоты чуть ли не в три крафура спиной упал на пол. Бамм! Взвились вверх пыли

и стебли соломы.

Хорошо, спина была геройская. И внутренности. И голова. И искры из глаз.

– Я...

Хальфьярнтога передернуло. Он зашарил по себе «руками», вминая вглубь мешковину и полотно.

– Что за...

Фьольвир успел подняться и помочь встать на ноги Унномтюру прежде, чем страж ключа замер, нацелив на них светлое пятно котла.

– Во мне что-то есть, – сказал он удивленно.

– А мы тебе говорили, – погрозил пальцем Унномтюр.

– Это Мтаг?

– Скорее всего.

– Большая мышь?

– Макафик.

– Ай!

Хальфьярнтог всколыхнулся и замолотил по себе «руками». Бил не жалея.

Мешковина вспухала и опадала. Клочки и нитяные волокна летели под скаты. Котел на мягких плечах подскакивал, грозясь брякнуться вниз. Потом конечности Хальфьярнтога неожиданно утратили силу, провисли и даже частично расплелись. Из-под котла раздалось удивленное шипение. В центре фигуры Хальфьярнтога мешковина натянулась, и короткое лезвие проколело ее изнутри.

Разрез с треском расширился, уступая острому железу. Далее в разрез вместе с кинжалом и комком сена просунулась рука, сначала – по локоть, затем – по плечо. Появилась и голова. Острый нос. Широкий рот. Красные глаза.

– О, ребята! – сказал Мтаг, заметив Унномтюра с Фьольвиром. – Какие вы, братцы, все-таки настырные.

Он полностью выбрался наружу, чуть не угодив под свалившийся котел. Синяя с красным ткань, как требуха, потянулась за ним из Хальфьярнтога. Подбросив в ладони вспыхнувший золотым узором камень, в темных штанах и красной рубашке Мтаг привалился к оплывшему в складки, утратившему размеры стражу ключа.

– Ну чего вам еще надо?

– Шкатулку! – рявкнул Унномтюр.

Мтаг растянул узкие губы.

– Ты бы помолчал, любовничек. Тебе не шкатулку, тебе Наккинейсе надо. Знаю я. Но не с тобой, с бьеннтестадецм хочу поболтать.

– А ты не боишься...

– Давай, – кивнул Мтаг и снова подкинул камень.

Унномтюр рванул к макафику, но ожившая конечность Хальфьярнтога, метнувшись, легко пригвоздила его к стропилине.

– Ай-яй-яй, – сказал Мтаг. – Вот она, любовь.

– Убью!

Унномтюр дернулся, но освободиться не смог. «Рука» Хальфьярнтога только сильнее скрутилась вокруг него. Мтаг, погримасничав, словно оценивая усилия сопротивляющегося, повернул голову к Фьольвиру.

– Ты тоже можешь попробовать, – предложил он с улыбкой.

Фьольвир посмотрел на вздернутого Уннотюра.

– Я позже, – сказал он.

– Это разумно, – оценил Мтаг. Он сел на пол, подобрав под себя ноги. — Если хочешь, можешь сесть, – разрешил макафик.

– Я постою, – сказал Фьольвир.

Мтаг рассмеялся.

– Хитрец!

Он шевельнулся, и вторая «рука» Хальфьярнтога приподнялась, замотавшись на конце в узел, как в кулак. Кулак застыл в крафуре от Фьольвира.

– Так что, герой из Бьеннтестада, ты подумал над моим предложением? – спросил Мтаг.

– Ты мне ничего не предлагал, – сказал Фьольвир.

– Ну как же! – удивился Мтаг. – Я говорил: плюнь на богов, живи для себя. Было это или не было?

– Было, – с неохотой признал Фьольвир, прикидывая, успеет ли он добраться до макафика прежде, чем «рука» вышибет из него дух.

– Ну, вот.

– Только как я буду жить для себя, если все кончится?

– Хм... – Мтаг, казалось, задумался. – Действительно. Тьма все схарчит, сколько не дай.

Значит, переходи ко мне!

– Как это?

– Ногами.

Макафик в очередной раз подкинул камень.

– Это ключ? – спросил Фьольвир, следя за приземлением камня в ладонь Мтага.

– Угу.

– И на что тебе я?

– Станешь моим напарником в моем мирке. Я не гордый. Будет два владыки, так что?

Думаю, уживемся.

– Он это... – прохрипел из-под крыши Уннотюр. – Тьмы боится.

– Не боюсь, – тут же отозвался Мтаг, – но считаю, что не лишним будет все же проявить осторожность. Мало ли, что у изначальной тьмы на уме! Договор, уговор, а вахены навалятся – не спасусь. Вдвоем-то куда проще. Один договаривается, другой шкатулку за дверью держит.

– Я могу поддержать, – сказал Уннотюр.

Макафик рассмеялся.

– Ну, ты-то, понятно! Ты ее так поддержишь, что мне самому туда впору прятаться будет.

Только, увы, божественного во мне ничего нет, не влезу. Так что ты, любовничек, повиси пока, придумай еще что-нибудь.

– Арнасон! – крикнул сверху Уннотюр. – Не слушай...

«Рука» Хальфьярнтога сдавила ему горло, и больше Фьольвир ни слова не разобрал, только прерывистое сипение.

– Ну его! – махнул рукой Мтаг. – Давай о тебе, парень. Пойдешь со мной?

– С тобой?

Фьольвир как бы неуверенно шагнул к макафику.

– А что? – Мтаг огляделся. – Тебе нравится этот мир? Так сделаем новый! Лучше этого. Без богов. Сами станем богами. Если хочешь, станем богами-соперниками. Так даже

интересней.

– Не, так-то, конечно...

Фьольвир сделал еще один шаг.

Прыжок не удался.

Что там было? И пяти крафуров не было! Сущя безделица! Тем более, для героя. Не стоило Фьольвиру взвиться вверх, как конечность Хальфьярнтога сшибла его, будто мошку в полете. Он покатился по чердачному полу, собирая грязь.

– Что-то не так? – крикнул Мтаг.

– Ничего!

Отплевываясь, Фьольвир вскочил на ноги, но тут же получил еще один стремительный тычок, от которого у него перехватило дыхание.

– А сейчас? – спросил макафик.

Фьольвир, согнувшись, поднял палец.

– Это хорошо или плохо? — поинтересовался Мтаг.

– Так себе, – выдавил Фьольвир.

– Ну, тебе не угодишь!

«Рука» взлетела, но Фьольвир был уже готов и поднырнул под нее, а потом поймал и дернул на себя, заставляя мертвого, с разрезом на груди Хальфьярнтога всем телом вяло поползти за конечностью. Впрочем, Мтаг, как сидел, так и остался сидеть.

– Вот, – сказал Фьольвир, рассекая плетение «руки» топориком. – Вот где хорошо.

– Хм... – качнул головой макафик. – Можешь.

Фьольвир с хэканьем отрубил добрых полтора крафура конечности. Канаты упали слабо шевелящимися змеями.

– Отпусти Унномтюра!

– То есть, ты отказываешься от союза со мной? – спросил Мтаг. – Тебе что, целый мир не нужен?

– Отпускай!

Контролируя остатки «руки», Фьольвир приблизился к макафику.

– А то что? – прищурился тот.

– Убью!

– Многие грозились.

– Но не я.

Мтаг посмотрел на своего соперника снизу вверх, и странная улыбка изогнула его губы.

– Я не шучу! – крикнул Фьольвир.

Мтаг кивнул.

– Верю.

– Я убью, даже если ты не будешь сопротивляться.

– А вдруг буду?

Фьольвир стиснул рукоять топорика до треска в костяшках пальцев.

– Давай!

– Да бей уж, – лениво сказал Мтаг.

Фьольвир растерялся.

– Вот так просто?

– Ну!

Макафик даже наклонил голову, чтобы противнику было сподручнее рубить худую,

грязную шею, и ослабил ворот красного платья. Взгляд исподлобья не таил ни вызова, ни подвоха. В прореху между досками, сложенными на скате крыши, сеял серый дневной свет.

– Так я... это...

Фьольвир замахнулся.

– Я жду, – замер с опущенной головой Мтаг и, кажется, даже зажмурился.

– А чего тогда сопротивлялся?

Макафик пожал плечом.

– Интересно было.

– А шкатулка?

Мтаг фыркнул.

– Нет, ты бей давай.

– Так мы же ради шкатулки... Тьма, вахены...

Макафик выпрямил спину.

– Слушай, ты же бить собирался, – сказал он. – Герои свое слово держат. Какая, к богам, шкатулка? Бей!

– Да я...

Фьольвир оглянулся на все еще висящего под коньком Унномтюра. Тот ожесточенно болтал ногами.

– Сначала отпусти Унномтюра.

– Не-а, – сказал Мтаг. – Я его, скорее, задушу сейчас.

Под его взглядом «рука» мертвого хранителя третьего ключа накинула на пленника очередное канатное кольцо и со скрипом волокон стиснула фигуру Унномтюра, чуть ли не пережимая ее пополам.

– Я же сказал! – крикнул Фьольвир.

– Что? – улыбнулся Мтаг. – Грозишься, грозишься. Трус что ли? Крови боишься?

– Н-на!

Лезвие топорика вошло в тело макафика у ключицы, неуклюже подрубив ворот. Кровь брызнула тонкой струйкой. Мтаг посмотрел на падающие капли с восхищением.

– Ну, ты... – произнес он.

В следующий момент его охватило золотистое сияние. Оно было настолько колюче-ярким, что Фьольвир заслонился ладонью.

– Эй, что...

Сияние погасло также внезапно, как и вспыхнуло.

Проморгавшись, Фьольвир обнаружил, что Мтаг исчез. Из конечности Хальфьярнтога с руганью выскользнул Унномтюр и шлепнулся с высоты трех человеческих ростов.

– Арнасон!

Это было единственное приличное слово из всех, что посыпались из Унномтюра. Все остальные слова обозначили разные способы противоестественной связи Фьольвира с оружием, чудовищами, макафиками и собственной головой.

Встав и отряхнувшись, Унномтюр поостыл.

– Что скажешь? – подошел он к своему спутнику.

Фьольвир кивнул на перекрытие, где совсем недавно рядом с оплывшим чудовищем сидел Мтаг.

– Вот, нет его.

– Я вижу! – заявил Унномтюр.

– Я его, между прочим, зарубил! – сказал Фьольвир.

– Знаешь, что ты сделал?

– Зарубил!

– Нет, ты отправил его за четвертым ключом. Потому что попасть к хранителю четвертого ключа можно только через смерть.

– Значит, я все же его убил? – спросил Фьольвир.

– Нет! – заорал Унномтюр. – Это образно! Это значит – через собственную, не тобой пролитую кровь. Тонкий путь к первому ключу – через чужую кровь. Ко второму ключу – через кровь не тобой убитого. К третьему – через кровь чудовища. К четвертому – образно – через себя.

– Я понял.

– Я же тебе кричал!

– Я не слышал. Он же тебя вот-вот...

– Что вот-вот?

– Ну, убил... Задушил бы.

Унномтюр стукнул своего спутника по лбу костяшками пальцев.

– Арнасон! Герой мой недалекий! Я все же не человек, как ты, наверное, уже давно сообразил. Задушить меня нельзя. Моя природа божественна, я есть и вещь, и существо...

– И Йоруну можно гонять тебя по дворцу...

– Да! Можно! Нет! – замотал головой Унномтюр. – Не сбивай меня! Ты что, не видел, что ему только и надо было, чтобы ты его ударил?

– Я думал, он наглый, – сказал Фьольвир.

– О!

– Я думал, он не ждет, что я смогу.

– А он ждал.

– Ждал.

– А слушал бы меня...

– Ты хрипел. И ногами так...

– Но подумать-то можно же было! – взорвался Унномтюр. – Я же не просто так сучил ногами! Я сказать не мог, я ногами выражал!

– Значит, яснее надо было! – упрямо сказал Фьольвир.

– Вот будут тебя душить, – пообещал Унномтюр, – я попрошу тебя, арнасон, чтобы ты понятней обозначал свое отношение к процессу предсмертными судорогами. Типа, спаси меня, спаси меня! А я: не понимаю, дорогой Маттиорайс. Можешь без этих пугающих телодвижений?

Фьольвир помялся под яростным взглядом спутника.

– И что теперь? Мы можем это... друг друга.

– Что друг друга?

– Ну, ранить.

Пустое лицо Унномтюра разошлось зубастой улыбкой.

– Думаешь, все так просто, арнасон?

– Ну, нет, наверное.

– Ты ничего не знаешь про тонкие пути. Ничего!

– Не знаю, – согласился Фьольвир. – Но делать-то что-то нужно. Мы хотя бы можем попробовать.

Унномтюр захохотал.

– Ну рань, рань меня! Мы оба посмотрим на мою кровь, если она появится, а потом на то, как ты силишься открыть путь.

– Ты можешь научить меня.

Унномтюр фыркнул.

– Ты дурак или герой?

– Герой, – ответил Фьольвир.

– Одно, кстати, другого не отменяет, арнасон. Знаешь, сколько тебе надо учиться, чтобы открыть хотя бы одну самую захудалую тропку? Год! И все равно без божественной помощи никуда. Мтага учил Хэнсуйерно, меня – Наккинейсе и немного Стергрун. Остальные тоже без подначек и помощи не обошлись.

Говоря это, Унномтюр ногами расчищал чердачный пол. Пучки гнилого сена и комки пыли и грязи летели в стороны. Одна «рука» Хальфьярнтога выгнулась дугой, охраняющей дощатый полукруг. Другая, на треть укороченная Фьольвиром, протянулась ей навстречу, чтобы окольцевать пространство.

Унномтюр встал в центре получившейся фигуры.

– За это время нам некуда будет идти. И незачем. У нас счет на дни, а то и на часы. Все, арнасон, встань рядом.

– Что, все же есть способ? – Фьольвир, улыбаясь, шагнул в круг.

– Ты не лыбься, – сказал ему Унномтюр. – Тебе не понравится. Руку давай.

Он провел кинжалом по поданной ладони, чуть ли не от «внука» до «деда». Кровь закапала. Ведя руку Фьольвира, Унномтюр добился, чтобы капли образовали на полу непрерывную, оббегающую спутников линию. Получился не круг, овал, но значения это, видимо, не имело.

– Вот что, – сказал Унномтюр, крепко стискивая Фьольвиру запястье, – лазейка, которой мы пройдем сейчас, есть отражение Тааливисто. К четвертому ключу можно добраться и через мир мертвых. Словно мы и сами мертвы. Но не думай, что тебе там будут рады.

– Почему?

Унномтюр вздохнул.

– Потому что это уже не то Тааливисто. Без богов всякое созданное ими место быстро портится. Хорошо, если просто хиреет.

– А люди?

– И мертвые люди тоже. Некоторые обращаются в прах, другие... другие, что умерли не так давно, меняются. Так что в наших интересах пересечь Тааливисто быстро. В твоих интересах, арнасон.

– Но я смогу...

– Сможешь.

– И Хей...

– Слушай, герой! – резко обернулся Унномтюр. – Ты уже встречался со своей милой Хейвиской. Понравилось?

– Так это была Ульфха! – сказал Фьольвир.

– Думаешь, мертвая Хейвиска лучше живой? Хейвиска у тебя вот здесь, – Унномтюр коснулся пальцем груди спутника. – И здесь ее никто не отменит и не испортит. А то, что посмертием бродит сейчас...

– Все равно, – упрямо сказал Фьольвир. – Йорун говорил, что после смерти мы все встретимся в Тааливисто.

– О, как с тобой сложно!

– Мне только взглянуть.

– Это я тебе обещаю. Готов?

– Так это... – Фьольвир притопнул босой ногой. – Так-то – да.

– Пальцы не разжимай.

Унномтюр подпрыгнул. Прыжок был невысок, но пол вздрогнул и затрещал под ним при приземлении. Комковатой кучей сполз, распластался в стороне Хальфьярнтог. Заплясала взбаламученная пыль.

Унномтюр подпрыгнул еще раз.

– Чего стоишь? – спросил он Фьольвира. – В Тааливисто разве не хочется?

– Хочется.

– Так прыгай!

Фьольвир подпрыгнул тоже. Доски вновь отозвались треском, но Унномтюр мотнул головой.

– Слитно со мной. И в круге.

– Ага.

Фьольвир оттолкнулся вместе с Унномтюром.

– Выше! – крикнул тот.

– Я стараюсь.

– Еще выше! По-геройски!

– Так я головой в конек...

– Давай!

Фьольвир выдохнул и прыгнул. Рука Унномтюра задержала его прыжок, не дала уйти в сужающийся скат. На мгновение они зависли неподвижно в расцветенном редким светом сумраке. Два взрослых существа посреди тряпок, сена и стропил. О, Фьольвиру вдруг предельно ясно стало, что они сейчас проломают доски чердака и грохнутся через второй этаж на первый.

Тут не Тааливисто светит... Хотя нет, как раз Тааливисто, да-да. Грохнутся они, какая-нибудь щепка зло выстрелит в глаз, цепь обмотается вокруг шеи, оживший бочкообразный йотунг проткнет своей оглоблей, и – все. Здравствуйтесь, родные!

Или его, как героя, так просто уже не убьешь?

Кровь, пролитая неровной, но замкнутой линией, внезапно вспыхнула под спутниками лепестками пламени, пол опрокинулся в багровую, в черных пятнах, круговерть, и Фьольвир почувствовал, как его ноги, истончаясь (одна – босая), стремятся в самое ее средоточие. Вытягиваются, вытягиваются, вытягиваются.

– О-о-о! – басовито загудел Унномтюр. – По-о...

Голос его длил и длил звуки.

Фьольвир попытался повернуть голову и удивился, как медленно, по ногтю, по крупнице, сдвигается в сторону взгляд.

– Та-а-али-и...

С языком тоже что-то случилось. Фьольвир успел устать от «Тааливисто» прежде, чем дотянул его до конца. Когда же в поле его зрения появился Унномтюр, то первой в глаза Фьольвиру бросилась озадаченная гримаса пустого лица.

– Что-то-о не-е-е...

Раздался хлопок, вокруг плеснули красным, и нос Фьольвира взорвался жгучей болью. Земля влажно чмокнула под ним, он упал на задницу и обнаружил, что из ноздрей у него густо течет кровь.

– Ах ты ж!

Еще не соображая, где оказался, Фьольвир запрокинул голову и прижал к носу ладонь. Кровь струилась, пачкая пальцы. Рядом завозился грязный, облепленный какой-то гадостью Унномтюр, навалился, толкнул в плечо.

– Жив?

– Кьофь, – сказал Фьольвир.

– Что – кровь?

– Тефет.

Сказать четко не получилось. Фьольвир на мгновение оторвал руку от носа, показывая спутнику измазанную в крови ладонь.

– Это ерунда, – сказал Унномтюр, вставая. – Сейчас прекратится.

Гадость посыпалась с него. Гадость была пахучая. То ли то же гнилое сено, то ли подсохшее дерьмо.

– Ффе мы? – спросил Фьольвир.

Унномтюр оглянулся.

– Там, где надо, – сказал он.

– Таалифисто?

– Да.

Фьольвир вскочил, забыв о носе, о крови, о Мтаге, обо всем.

– А где?

– Тише, арнасон, тише. Еще рад будешь поскорее проскочить.

Серый песчаный берег простирался перед ними. Груда валунов, один другого больше, подпирала берег слева. Боги знают, почему, но Фьольвиру она показалась силой, решившей атаковать остров из моря, яростно выпершейся из толщи вод и тут же уставшей, сбившейся, превратившейся в камни.

Справа зарывались в песок несколько бревен и подрезал желтое небо ломкий гребень черной скалы.

– Это Тааливисто? – спросил Фьольвир.

Унномтюр повернулся, шурясь на водную гладь.

– Оно самое, – сказал он.

– Я думал, оно другое.

– Какое?

– Ну... веселое.

Фьольвир поежился от порыва колючего ветра.

– Да, веселого сейчас мало, – пробормотал Унномтюр.

– Так куда нам идти?

– Сейчас.

Унномтюр потоптался, снова посмотрел на берег.

– Ну-ка.

Он направился к бревнам, и Фьольвир поспешил за ним. Мимоходом он зачерпнул воды, чтобы отмыть ладони. Вода оказалась ледяной.

– Ага!

Бревен было много. Раньше они составляли то ли мостки, ведущие к пристани, то ли саму пристань и спуск к ней. Из воды торчали головки свай. Берег в том месте плавно поднимался, и было видно, что раньше подъем был обжат каменной оградой. Сейчас же он выглядел так, будто кто-то в ярости покрушил вокруг все, до чего смог дотянуться. Песок был взрыт, бревна выломаны, разбиты, размочалены в щепу, камни ограды погребены под горами песка или раскиданы по берегу.

– М-да, – сказал Унномтюр.

– Это Тааливисто?

– Умиращее Тааливисто.

– Но как же...

– Вот, что тебя ждет, арнасон, если мы не поспешим.

Порыв ветра ударил Фьольвира в спину, брызги, долетев, окропили макушку и шею. Унномтюр прибил полы везинга, вдруг посчитавшего себя крылатым.

– Пошли, арнасон.

Сутулясь, он уверенно двинулся наверх, на взгорок, обходя рытвины и камни.

– А где же люди? – спросил Фьольвир, пробираясь за спутником через несколько сколоченных вместе бревен.

– Нет здесь людей, – сказал Унномтюр, – души их здесь.

– И где они?

– Наверное, дальше.

Небо вдруг осветилось, тяжелое солнце, проломив облака, пролило густой, желтый свет. Но веселее в Тааливисто не стало.

– Смотри, арнасон!

Унномтюр помог своему спутнику одолеть небольшой обрыв, получившийся от пролома мостков. Фьольвир выпрямился, и то, что предстало его глазам, заставило сжаться сердце.

– Да как же это?

Место, которое он представлял похожим на родной Бьеннтестада с раздавшимися вширь и похорошевшими домами, с каменным Большим Домом, простирающимся на добрую сотню крафуров что в одну, что в другую сторону, с утопанным кругом для общих собраний, каменными скамьями и высокой смотровой башней, оказалось нагромождением дряхлых и покосившихся строений, которые язык не поворачивался назвать жилыми. Между худых бревен, а то и жердей зияли щели, солома и дранка тонули под ядовито-желтым мхом. Совсем большие прорехи были замазаны глиной. Узкая тропка вела к черному, обгорелому остова, не имеющему ни дверей, ни крыши.

Большой Дом?

– Тааливисто, – сказал Унномтюр.

– Не верю, – прошептал Фьольвир.

– Другие места еще хуже, арнасон. Ага!

Унномтюр ухватил тонкую серебристую нить, блеснувшую в воздухе, и намотал ее на палец. Когда он чуть поддернул нить на себя, еще множество нитей, связанных с пойманной, затрепетав, проявились над путниками. Мерцающей рекой, ведя в сторону черного остова, протянулся серебристый узор.

– А я думал, выход в другом месте, – пробормотал Унномтюр.

– Тааливисто...

Фьольвир все еще не мог поверить своим глазам.

– Иди за мной, арнасон, – проговорил Унномтюр.

Тропка была сплошная глина, грязь и нечистоты. Фьольвир сначала берег босую ногу, потом, вздохнув, принялся ступать со всей силой. Грязь выворачивалась из-под подошвы, влажно чавкала и лезла между пальцев.

Тааливисто встречало их тишиной.

– Эй, Тюр, – позвал Фьольвир.

– Да, – на мгновение обернулся Унномтюр.

– Откуда здесь дерьмо? – спросил Фьольвир, перескакивая на участок посуше. – Я ведь вижу, что дерьмо. Но души же не могут гадить. А кто тогда гадит?

– Дорогой мой арнасон, – сказал Унномтюр. – Все, что не имеет должного присмотра, со временем превращается именно в ту субстанцию, что ты упомянул. Она появляется сама по себе, потому что также вечна и пронырлива, как изначальная тьма. Но, в отличие от тьмы, ею можно удобрить будущее.

– Не понимаю.

– Ну, вот ты...

– Я?

– Ты, арнасон, – кивнул Унномтюр. – Поскакав по этому дерьму, ты перестанешь думать, что наличие или отсутствие богов тебя не касается. И из героя поневоле на этом дерьме в тебе взойдет самый настоящий герой по убеждению.

– Я и так уже...

– Тссс!

Не дав Фьольвиру договорить, Унномтюр поднял ладонь в упреждающем жесте. Он заоглядывался на теснящиеся дома. Вместе с ним завертел головой и Фьольвир.

– Что? – прошептал он.

– Кажется, арнасон, к нам гости. Точнее, к тебе.

– Где?

Фьольвир переступил. Грязь чавкнула. В проемах близких строений проявились вдруг смутные, белесые тени, в щелях и дырах, как огоньки, зажглись глаза.

– Маттиорайс, – зашуршал отовсюду шепот, – Маттиорайс.

– Фьо-ольвир! – пропело из-за наклонившейся, обомшелой ограды.

– Фьоли!

– Хейвиска! – крикнул Фьольвир, услышав знакомый голос.

– Фьоли.

– Я здесь! – крикнул Фьольвир, поворачиваясь и пытаясь разглядеть любимую в свете солнца.

Унномтюр отошел в сторону и принялся ковырять грязь носком штира. Если кто-то осмелился бы и заглянул в его опущенное лицо, то обнаружил там грустную улыбку.

– Фьоли.

– Да где ты? – отчаялся Фьольвир, крутясь на месте. – Я не вижу!

– А ты не смотри, – пришел шепот.

– Как не смотри?

– Я изменилась, Фьоли.

– И чего? – спросил Фьольвир. – Я тебя мертвую видел. И живую видел. И которая Ульфха – видел. Мне никакая ты не страшна.

– Все равно.

– Да что у вас тут? – закричал Фьольвир.

– Фьоли.

Он почувствовал, как чужие пальцы легли на плечи. Фьольвир попробовал повернуть голову, но был остановлен прикосновением ладони к щеке. Кожу обожгло холодом.

– Не надо, Фьоли.

– Почему?

– Я тебя увидела – это главное, – сказала Хейвиска.

– А я?

– А ты просто говори со мной.

– Хорошо, – кивнул Фьольвир, проглатывая набухший в горле ком, – я не против. Будем говорить.

– Да.

– О чем будем говорить?

– О чем хочешь, – сказала Хейвиска.

– Ладно.

Фьольвир ощутил, как к нему прижались со спины. Затылок – к затылку, лопатки – к лопаткам, ягодицы – к ягодицам.

Холодно.

– Как ты? – спросил он, унимая дрожь.

– Плохо, – сказала Хейвиска. – Все так быстро меняется. Мы изменились. Это уже не Тааливисто, Фьоли. Даже лодка, которая нас привезла, едва не затонула. Я думала, что Тааливисто – это вечный праздник...

– Это боги...

– Да, боги покинули нас.

– Нет-нет! – сказал Фьольвир. – Они не покинули! Это Мтаг! Макафик. Он заключил извештатку и сейчас несет ее к вахенам, к изначальной тьме.

– Разве такое может быть? Боги же всеильны.

– Так случилось, милая.

– Не понимаю.

– Мтаг хочет заключить с тьмой сделку.

– А боги?

– Боги в шкатулке, милая.

– Но зачем они забрались туда?

– Они не забирались. Это Мтаг заманил их.

– А Мтаг – бог?

– Нет, человек. Макафик, ученик Хэнсуйерно.

– Как же он смог, если человек? Ты обманываешь меня, Фьоли? – В голосе Хейвиски зазвенела обида. – Почему ты обманываешь меня?

– Я не обманываю!

Фьольвир попробовал развернуться, но почувствовал, что не может этого сделать. Спина его намертво примерзла к Хейвиске.

– Что ты...

– Не оборачивайся, Фьоли. Я не хочу, чтобы ты видел меня.

– И кто кого обманывает тогда? – крикнул Фьольвир, вздергивая голову. Он зашевелил

плечами. – Что это вообще за...

– Не надо, Фьоли!

– Я хочу видеть!

Фьольвир задержался. Многочисленные синие, красные глаза следили за ним из окон, щелей и дверных проемов. Человеческие фигуры казались изменчивыми, беспрестанно оплывающими и формирующимися заново, будто пар или туман, поднимающийся от земли.

– Маттиорайс, – шептали они. – Сын Магнира.

– Иди к нам, Маттиорайс! – звали они.

– Фьоли!

Хейвиска стонала, но Фьольвира это остановить уже не могло. Он выкрутился из рубахи, раздался треск, спину дернуло болью, словно прихваченная холодом кожа отстала вместе с одеждой.

– Не-ет!

– Арнасон, не стоит, – подал голос Унномтюр.

Впрочем, было поздно. Фьольвир развернулся. Глазам его предстало скособоченное и странное образование, угадать в котором человека было едва возможно. От Хейвиски остались лишь глаза и ладони, все остальное казалось наспех слепленной из грязи, веток, коры и мелких камней фигурой.

– Хейвиска...

– Не смотри!

Существо подняло нелепые, одна толще другой, подобия рук, пытаясь закрыть лицо, сложенное из двух булыжников, комков глины, обозначивших лоб и нос, и ветки, согнутой в дугу-улыбку.

– Хейвиска.

– Отвернись!

Хейвиска согнулась, лоскут рубахи забелел на ее земляном боку. Фьольвир шагнул ей навстречу.

– Хейвиска.

Он обнял то, что было его любимой.

– Фьоли!

Хейвиска зарыдала, затряслась в его объятьях. Фьольвир, успокаивая, гладил колючее от сухих травинок плечо.

– Ну-ну-ну, Виса, Височка моя.

– Я – другая!

– Ничего. Мы это исправим. Я же герой. Ты знала, что я – герой?

Земляная крошка просыпалась, когда Хейвиска мотнула головой.

– Эх, арнасон, – услышал Фьольвир Унномтюра, – многие выглядят еще хуже.

Фьольвир повернул голову.

– Я понял, – сказал он, – ты это сделал с умыслом!

– Каким умыслом?

– Мы же могли попасть не сюда!

– Да нет, почему? – удивился Унномтюр. – Тааливисто же. Мы и должны были пройти через Тааливисто, я тебе это сразу сказал, арнасон.

– Я про Вису! – выкрикнул Фьольвир. – Ты же все боишься, что я передумаю, плюну на все или договорюсь с Мтагом! Тебе же надо, чтобы я окончательно... Чтобы я был совсем

герой. Так, да?

– Что-то не улавливаю, – Унномтюр сцепил руки на груди. – Нам в любом случае через Тааливисто...

– Да-да-да! – захохотал Фьольвир. – Именно через эту часть острова!

Унномтюр вдруг оказался совсем рядом.

– Слушай, арнасон, – он отлепил героя от Хейвиски, – ты же сам хотел увидеть ее. – Глаза его вспыхнули. Он повернул своего спутника к жене. – Вот, смотри, это она. Это то, что от нее осталось стараниями твоего макафика!

– Но это же ты! – издал вопль Фьольвир.

Хейвиска от крика пригнулась, сжалась и сбежала за дом. Камешки и грязь остались после нее на земле.

– Что – я? – спросил Унномтюр.

– Это тебе выгодно! Чтобы я знал, что здесь все умрет, что никакого Тааливисто... Куда я денусь тогда!

– Ты идиот, арнасон?

Фьольвир внезапно всхлипнул.

– Ты видел ее? – спросил он, показав на то место, где только что стояла исчезнувшая Хейвиска.

Бородатое, заросшее лицо его сжалось, будто от боли. В уголках зажмуренных глаз блеснула влага.

– Видел, – ответил Унномтюр.

– Ты видел, какая она?

– Да.

– Я не хочу... я не могу, чтобы она такая...

– Эх, арнасон.

Унномтюр притянул Фьольвира к себе.

– Не могу! – затряс головой тот.

– Ну, началось, – сказал Унномтюр, похлопывая напарника по спине. – Вроде герой, а как ребенок. Знаешь, в моей длинной жизни бед было гораздо больше, чем в твоей.

– И что?

Унномтюр вздохнул.

– Все они прошли.

Он ладонью отер мокрую щеку спутника. Какое-то время они стояли неподвижно.

– Мне отец так... – сказал Фьольвир. – Давно, в детстве. Меня тогда пчелы покусали, я заревел.

– Наверное, сейчас ты можешь вытереть себе слезы сам, – улыбнулся Унномтюр.

– Ну, так-то я герой.

– А то! Ульфху одолел.

– И Когг... ну, этого, плавающего.

– Здесь ты поторопился. Коггфальтаддир исключительно моя заслуга. Хотя помощь твоя тогда была небесполезна.

– Ну, ладно.

– Ничего, отнимем шкатулку, сможешь хоть каждый день по чудовищу...

– Зачем?

– Будни героя. Помощь слабым и беззащитным.

– Ну, так-то...

– Что? – спросил Уннотюр, уловив сомнение в голосе Фьольвира.

– Я свейку потерял, потом шпир потерял, топорик потерял...

– Подумаешь! Топорик ты не потерял, а, так сказать, во Мтаге оставил. Обувь же твоя слабость, видимо. Все, арнасон, прекращаем слезы! Все души свободны! – заповорачивался к домам Уннотюр. – Герой осознал и готов к новому подвигу!

Фьольвир кивнул.

– Я вас всех спасу! – крикнул он. – Виса, слышишь?

– Ш-ш-ш, – раздался шепот.

Фигуры в дверях и прорехах вдруг дружно отступили вглубь построек. Плечи, головы таяли, гасли глаза.

– Чего это они? – удивился Фьольвир. – Не верят?

Уннотюр вывернул шею, вглядываясь в темнеющий воздух.

– Нет, арнасон, здесь серьезнее.

– А что...

– За мной!

Уннотюр побежал к черному остову Большого Дома. Грязь комьями полетела из-под подошв. Над головой слуги и любовника Наккинейсе зазвенели серебряные нити. Спеша за провожатым, Фьольвир успел оглянуться и увидел густую, мутную взвесь, поднимающуюся над островом.

– Что это? – крикнул он.

– Перемены! – отозвался Уннотюр. – Сейчас тут все к войца-пекка...

Голос его потонул в басовитом вое.

Оу-у-у! Звук толкнул Фьольвира в спину. Угол одного из домишек надвинулся, больно ударил в подставленное плечо. Фьольвир отскочил, побежал, подталкиваемый гудящим, беспокойным пространством. Позади грохотало и потрескивало. Земля подпрыгивала. Пыль, грязь вились в воздухе, будто беспокойная мошкара. Сделалось темно. Фьольвир взял правее, но тут же встретился со сложенной из камней и глины стеной и едва не проломил ее.

– ...сон! – вздернулось поверх воя.

– Да-а! – крикнул Фьольвир.

В рот словно бросили горсть земли. Фьольвир закашлял, сплюнул на бегу. Прикрывая лицо ладонью, бросился в едва видимый просвет. Ветер уже ревел. По плечам, по ногам, по затылку то и дело стучали комья земли и мелкие камешки. Почему-то у Фьольвира не было сомнений, что скоро полетят бульжники, жерди и, возможно, даже бревна.

Он вскрикнул, отбив обо что-то пальцы босой ноги, перепрыгнул то ли через ворох белья, то ли через одного из обитателей Тааливисто, подскользнулся и упал в грязь. Земля ходила ходуном – попробуй-ка подняться. Тонкие серебряные нити-указатели лопались и брызгали искрами.

Фьольвир перевернулся, нашел упор для ноги.

– Арнасон!

Из тьмы, из круговерти вынырнула пригнувшаяся фигура, синью плеснули глаза. Рука протянулась к Фьольвиру.

– Эй!

Рядом, всего в трех крафурах смялся дом, будто кусок мягкой глины. В темном воздухе замелькали силуэты, похожие на человеческие.

– Фьоли! Маттиорайс!

Силуэты унесло вперед, они растаяли, скрылись за танцем земли и пыли.

– Арнасон!

Унномтюр поймал Фьольвира за шкуру и потащил за собой. Одной рукой он держался за серебряную нить, гудящую, струной выгибающуюся высоко над головой.

– Вперед!

– Я уже, уже!

Фьольвир проскользил ногами, но встал, зачерпнув кулаком траву вместе с дерном.

– Выход за Большим Домом! – прокричал ему на ухо Унномтюр. – Нам туда!

– Я понял! – закивал Фьольвир.

Воздух гудел, воздух дергал за волосы, бороду и одежду, грязь и песок летели в лицо. Фьольвир с трудом различал Унномтюра, бредущего на шаг впереди. Божественное создание прикрывалось от ветра полой везинга, но помогало это мало.

– Вперед! – крикнул Унномтюр.

Мимо вдруг проскочило свайное бревно. Чуть в стороне, в небольшом просвете, Фьольвир увидел, как беззвучно оседают неуклюжие дома Тааливисто. Один за другим. Ф-фух! – и нет. Земля слева приподнялась взгорком, и в нее, как ягоды в тесто, уткнулись, вдавились выводком серые валуны.

– Фьоли! – взвился крик.

– Я вернусь! – отозвался Фьольвир.

Тьма вокруг сгустилась, и он потерял направление. Унномтюр, который только что был рядом, исчез. Серебряные нити пути лопались, внося в рев разбушевавшейся природы тонкий хрустальный звон.

– ...асон! – услышал Фьольвир.

– Я здесь!

Он согнулся, преодолевая сопротивление воздуха, выставил руки, потом встал на одно колено. Воздушный вихрь нес камни и сор по кругу. Вот же дела. Вперед? Конечно, вперед! Он – герой. У него – героическая сила. Эту силу...

Фьольвир зарычал на порыв ветра, решившего повалить его набок. Пятка босой ноги уперлась в землю.

Эту силу узнала Ульфха. Эту силу узнают еще многие!

Он поднял голову, разглядел скачущую по ветру серебряную нить и вытянул к ней пальцы. Первый шаг дался тяжело, но сделать второй оказалось куда легче. Третий был еще легче. Фьольвир вбивал ступни в землю и шел за нитью наперекор круговерти.

– Я – герой! – шипел он, отплевываясь от песка и травы. – Хэнсуэрно меня побери, я вам всем еще покажу.

Камни и ветки били его по плечам, по ногам, в спину. Он не обращал внимания. Он проламывал тьму и ветер, скалясь и упрямо наклоняя голову. Нить наконец оказалась в его ладони, и Фьольвир почувствовал, как она дрожит, готовая оборваться.

Пласт земли, заворачиваясь, рванул сбоку, но он принял его локтем, бедром и заставил разочарованно опасть.

– Арнасон! – раздалось совсем рядом.

– Да!

Из бешеного кипения пыли, грязи, сора проступил Унномтюр с улыбкой на пустом лице.

– Да ты герой, арнасон!

– Вот!

Фьольвир показал ему серебряную нить, намотанную на правого «брата».

– Это хорошо, – кивнул Унномтюр. – До Большого Дома еще десяток шагов. Дальше – четвертый ключник.

Пригибаясь, они двинулись вместе. Ветер еще пытался сбить их с ног, но, кажется, терял силу. Фьольвир признался себе, что странно рад, когда Унномтюр шагает рядом. Не человек, но, наверное, почти друг.

Если бы еще не расправа над Хворвиком!

– Это снова какое-то чудовище? – спросил Фьольвир.

– Хуже.

– Какой-то герой?

Унномтюр хмыкнул.

– Почти угадал.

– Предыдущий герой?

– О, куда ты подумал! – Унномтюр сделал паузу, пережидая порыв ветра. – Нет, арнасон, все еще страшнее.

Остов Большого Дома, похожий на обугленный скелет, пророс перед ними, протянул балку, выпятил изъязвленную каменную губу. И почти сразу же ветер скрыл, скомкал его, запорошил пылью, превратив в изломанную, едва угадываемую тень.

– Сейчас левее, – сказал Унномтюр, – Мы почти пришли, арнасон.

– Так кто там? – спросил Фьольвир.

Унномтюр остановился. Он притянул спутника к себе и зашептал, опуская лицо от крошки, кружащей в воздухе.

– Там ты, арнасон. Второй ты. Твое отражение.

– И я должен одолеть сам себя?

Синие глаза Унномтюра мигнули.

– Это уж как получится, арнасон.

– А Мтаг? – спросил Фьольвир. – Мтагу тоже придется бороться с самим собой?

– Да.

– И он может проиграть?

– Я бы на это не рассчитывал, – сказал Унномтюр.

Серебряная нить, которую он все еще держал в руке, неожиданно выгнулась и со звоном разлетелась на искры.

– Ах, Хэн и прочие!

– У меня еще есть, есть! – крикнул Фьольвир, поддергивая свою нить.

– Держи!

– Я держу!

Унномтюр закрутил головой. Хлопал и рвался везинг. Разглядеть что-то в бешеных порывах ветра, на взгляд Фьольвира, было невозможно.

– Похоже, твоя нить единственная, – признал Унномтюр. – Других я не вижу. Ты чувствуешь, куда идти?

– Да! – кивнул Фьольвир.

– Тогда – не медлим.

Они побежали.

Нить вибрировала, покалывала кожу ладони. В правильном направлении – сильнее, в сторону – слабее. За спинами спутников что-то ухало, скрежетало, раскатывалось. Стоял страшный треск. Краем глаза Фьольвир видел проступающие сквозь тьму гигантские стволы или колонны и удивлялся их неуместности на острове. Боги, боги, что без вас сделалось с Тааливисто!

– Вперед! – подтолкнул его Унномтюр.

Фьольвир чудом не насадился грудью на расщепленную ветвь, увернулся, упал и тут же оттолкнулся от какой-то упругой массы. Нить звенела, трепеща как леска. Казалось там, на другом ее конце, пытается сорваться с крючка диковинная рыба.

Унномтюр тенью надвинулся сбоку.

– Увидишь золотое сияние, прыгай в него без оглядки!

– Понял! – крикнул Фьольвир.

Правда, Унномтюр уже пропал, растворился в мельтешении тьмы и сора. Некому было кричать. Целый пласт земли размером с добрый дом с шорохом плюхнулся в пяти крафурах впереди, брызнул комьями. Фьольвир перепрыгнул через разворачивающийся, мохнатый сгусток переплетенных корней, почувствовал, как булыжник чиркнул по макушке, вызывая звон в голове, и уловил, наконец, за тьмой золотое сияние.

Шаг, другой.

Серебряная нить, взрезав кожу, выскользнула.

– Унномтюр! – крикнул Фьольвир, оглядываясь и ничего не видя, кроме тьмы. – Я нашел!

– Прыгай! – прилетело в посвисте ветра.

– А ты?

Золотое сияние стало меркнуть.

– Унномтюр! – снова позвал Фьольвир.

Не услышав ответа, он помянул Хэнсуерно, Мтага и Когг... ну, чудовище, которое по воде... Сейчас он не помнил, как оно называлось. И шагнул сиянию навстречу.

Герой все-таки.

Мир собирался по кусочкам.

Сначала Фьольвир увидел камень. Камень розово-серой высокой аркой выгибался у него над головой. Непонятные символы покрывали арку прихотливым узором. Правда, время и ветер поработали так, что узор местами стерся.

Потом Фьольвир осознал, что светло. В зените обнаружилось солнце, свирепое и равнодушное к любому оказавшемуся здесь путнику. Стоило чуть отклониться, выпасть из короткой тени арки, и кожу мгновенно обжигал жар разогретого воздуха. Небо было белесое, чуть голубоватое.

Наклоненная арка без одной опоры прорастала из песка. Кроме песка, вздымающегося серыми холмами, и арки ничего больше в поле зрения не попадало.

Фьольвир вывернул из песка ногу и обнаружил, что она босая. Это его удивило, потому что вторая нога имела на себе зашнурованный кожаный сапог. Память, как и мир, складывалась по кусочкам, и Фьольвир пока не понимал, кто он, зачем он и почему у него нет второго штира.

Странные ощущения.

Он помнил только, что он герой. То ли спас кого-то, то ли убил кого-то. То ли сделал это одновременно. С героями же такое случается? И еще, кажется, он был не один. Парень с синими глазами шел с ним.

Рубаха превратилась в лохмотья. Борода была полна какого-то сора и травы. Фьольвир вспомнил, что его зовут Фьольвир.

– Фьольвир Маттиорайс, – прошептал он. – Сын Магнира.

Он попробовал подняться и зашипел, поставив босую ступню на горячий песок. Сняв рубаху, какое-то время Фьольвир провозился, сооружая из рукава подобие свейки. Обмотал, перетянул, притопнул.

Годится.

Он вытянул шею, определяя, куда идти. А куда идти? И надо ли идти? Возможно, парня с синими глазами погребло под песком. Пожалуй, все, что было, уже давно покоится под песком. Весь мир. Кроме остатков каменной арки.

Мтаг, вспомнил вдруг Фьольвир.

Имя было противное, опасное. Вспышкой нарисовались красное платье, хохот, какие-то люди, пускающие друг другу кровь. Наверное, я бегу от Мтага, подумал Фьольвир. Или бегу за ним. Он – плохой человек. Он определенно плохой человек. Уже одно имя говорит об этом. Только синие ли у него глаза?

Фьольвир отступил от арки, вышел под палящее солнце и сразу во всей полноте ощутил, какое оно злое и горячее. Пот на лице, в подмышках, на груди выступил мгновенно. Воздух заколол плечи и горло. Фьольвир кое-как, черпая песок импровизированной свейкой, забрался на вершину близкого холма и, не собираясь отходить далеко от знакомого места, огляделся.

С холма стало видно, что рядом с аркой все же проглядывают очертания крепостной стены, но песок какое-то время назад поглотил ее полностью, оставив напоминание лишь своим рисунком. Во все иные стороны открывался до тошноты однообразный вид.

Пустыня. Серые волны песка убегали за горизонт. Куда хватало взгляда – песок, песок и

песок. Хотя...

Фьольвир прищурился. На западе над холмами проглядывали зубцы, то ли башня, то ли другое какое строение. Может, остатки целого города? Во всяком случае, эта неровность назойливо портила однообразный пейзаж.

Фьольвир решил двинуться туда. Смысла оставаться у арки он не видел. Ни оружия, ни воды. Чего ждать? А так, пока есть силы, он сможет добраться до увиденных зубцов. Боги знают...

Боги!

Фьольвир замер, вспомнив.

Богов нет! Боги заключены в шкатулку Телеотта! Йорун, Стергун, Хэнсуйерно и прочие. Никого нет. Редкие чудовища и вазны только и остались в мире. Тьма, тьма стоит на пороге, ждет шкатулку. Ее несет...

Фьольвир осмотрел себя и выдохнул. Нет, не он несет, кто-то другой. При нем и сумки-то никакой нет. Да и не мог он, герой же... Ну, да, конечно, несет ее Мтаг, пришло знание, Мтаг, проклятый макафик.

А он, Фьольвир Магтиорайс, был убит, почти убит, когда кааряйны... Кааряйны! Кааряйны вырезали... Хейвиска...

Фьольвир упал на колени. Какое-то время он сидел, склонив голову и сжав кулаки, и ни горячий песок, ни палящее солнце не могли заставить его пошевелиться. Слез не было. Было какое-то темное, дремучее состояние, требующее чужой боли и крови, чужой смерти, чужого отчаяния.

Все, кто... все они должны умереть. Нет прощения. Нет покоя. Не в Тааливисто, не в иное место, а в прах, в песок, в беспмятство...

Но кааряйны, вспомнил он, кааряйны же все мертвы.

Фьольвир вскинулся и, высоко вздергивая ноги, перебежал с холма на холм.

– Уннотюр! – закричал он.

Пустыня была безмолвна. Даже ветер сдох где-то под солнцем. Единственное, что слышалось, это шорох песка под ногами.

– Уннотюр!

Фьольвир потоптался, выглядывая, не появится ли на одном из холмов или в ложбинах между ними странное, созданное Йоруном существо – слуга, инструмент для тренировок и развлечения для Наккинейсе.

– Уннотюр!

Ничего. Ни силуэта, ни голоса.

Фьольвир повернулся к видимым вдали зубцам и пошел в их сторону. Он взбирался на холмы и спускался с них, оставляя следы-лунки, малые и широкие. Арка пропала. Пейзаж не менялся. Солнце и не собиралось хоть немного отклониться от того, чтобы висеть прямо над головой. Уже через полчаса Фьольвиру стало казаться, что его поместили в жаровню. Несколько раз он хватался рукой за невидимый ремень, потому что был уверен, что баккель, одни боги знают, где забытый, все еще находится при нем. В баккеле-то – вода. Холодная. Сладкая.

То и дело над холмами вставало марево, и тогда Фьольвир терялся – у него появлялось ощущение, что мир кривляется и плывет, плывет прямиком в Тааливисто. Есть ли разница, из чего построена твоя лодка? Слепленная из песка, должно быть, ничем не хуже выстрганной из досок.

Зубцы пропадали из виду, но Фьольвир находил их, даже если в какой-то момент выбирал неверное направление. Холмы мельчали. Один раз ему попался солончак – полное соли пространство, что похрустывало под ногами. Он искал следы Мтага, но их не было. Не было и следов Унномтюра.

Фьольвир кричал его имя, но оно глохло в воздухе, будто в тряпке, прижатой ко рту. Плечи стали красные. Кусок рубахи пошел на голову.

Жарко.

Фьольвир брел, и мысли в его голове пеклись и путались. Он думал, геройский ли это конец – умереть в пустыне, не дойдя до цели? С одной стороны – Ульфха. А с другой – Мтаг. Мтага он, получается, не достанет. Будет ли он тогда героем? Может, полу-героем? Или просто воином?

Песок в самодельной свейке жалил, терся, мешал идти. Фьольвир несколько раз останавливался и перематывал рукав, но потом плюнул. К войца-пекка пошло оно все! К войца-пекка! В конце концов, рукав сполз, и Фьольвир не стал его вновь наворачивать на ступню, оставив на склоне одного из холмов. А там и штир с другой ноги скинул. Через сотню шагов подошвы перестали ощущать жар песка.

К войца-пекка!

Губы пересохли. В горле словно застряла рыбья кость.

По прошествии неясного времени Фьольвир обнаружил, что зубцы, как он и думал, являются вершиной башни. Сложенная из крупных блоков темного камня, она выросла перед ним, взвилась ввысь на два десятка крафуров. С одной стороны к башне когда-то примыкала стена, но все, что от нее осталось, – это неровная кромка кладки. Какая-то сила, человеческая или божественная, разнесла ее, опрокинула в песок целым участком. Башне тоже досталось. На уровне четырех крафуров зиял пролом, открывая для любопытствующего внутренние помещения и кусок деревянной лестницы.

Пустыня обтекала башню, как одинокую скалу.

– Унном...

Фьольвир закашлялся. Он вошел в куцую тень башни, распугав какую-то многоногую мелкую живность, которая тут же забилась в многочисленные отнорки. Тень принесла небольшое облегчение. Некоторое время Фьольвир просто стоял, ощущая, как проясняются мысли, как тает багровая пелена перед глазами.

Стена, у которой он оказался, не имела дверного проема, а оконные щели-бойницы находились слишком высоко. Он прикинул, сможет ли забраться по кладке наверх, хотя бы до пролома, а потом двинулся в обход башни. В любом случае, строители, если они разумные люди, должны были предусмотреть дверь. Хотя бы в одной из четырех стен. Если, конечно, башню возвел не Офнир.

– Унномтюр! – крикнул Фьольвир.

Шагая, он вел рукой по камню. Камни попадались гладкие и шероховатые. Частью они были пригнаны плотно, но кусок стены, видимо, потом ремонтировали, и поздние участки качеством работ похвастаться уже не могли. Снизу шла, ветвясь, трещина, заканчиваясь чуть выше головы.

Песок поскрипывал под ногами.

Где-то в вышине что-то слабо постукивало. Казалось, на верхних ярусах прятался от солнца худосочный ветерок и играл то ли неплотно закрытым ставнем, то ли какой-то деревянной безделушкой.

У следующей, боковой, башенной стены имелся прямоугольный выступ, понять назначение которого Фьольвир не смог. Возможно, подумалось ему, башню продлили таким образом, чтобы скрыть что-то важное. Но что могло быть таким уж важным? Колодец? Почему нет? И если он до сих пор не пересох... О, мысль о воде заставила Фьольвира в спешке доковылять до угла.

Пригоршнями... нет, лицом... И пить, пить, пить...

Торцевой стены у башни не оказалось. Вернее, ярусами выше она имелась, а вот нижний представлял собой открытую площадку с частоколом свай, выгородками и двумя лестницами наверх. Две трети площадки, до которых не добиралось солнце своими лучами, тонули в глубокой тьме.

Как не хотел пить Фьольвир, а замер на границе света.

Впереди ему послышался шорох. Будто затаившееся в засаде существо оступилось или неосторожно шевельнулось.

– Кто там? – прохрипел он.

Ответа не было.

Всматриваясь, Фьольвир шагнул вперед. Несколько мгновений его глаза привыкали к темноте.

– Уннотюр?

В полутора крафурах, за одной из перегородок, раздалось бульканье. Темный предмет, плохо различимый, вывалился оттуда, но больше не двигался. Фьольвир поискал взглядом хоть что-то, что может послужить ему оружием, но нашел лишь камень. Присев и стараясь не шуметь, он подобрал его.

– Эй.

Бульканье повторилось. Фьольвир сделал еще шаг. Из темноты проступили каменные плиты, полузанесенные песком, остатки углой мебели, деревянная, подпирающая потолок балка.

– Кто здесь?

Сквозь клекот, казавшийся смехом, послышалось:

– Я.

Фьольвир не узнал голос.

– Кто – я?

За перегородкой шевельнулись. К ногам Фьольвира, звякнув, упало что-то небольшое и железное. Осторожно наклонившись, Фьольвир поднял свой топорик, забытый в макафике, казалось, вечность назад. Дом-крепость с йотунгами. Третий ключник из мешковины и соломы. Халь... Хильф... О, боги! Напридумывают же имен!

Все всплыло в памяти.

– Мтаг?

– Угадал, – донесся голос. Последовал хриплый, словно через боль выдохнутый смешок. – Ты не совсем тугодум, герой.

– Мтаг!

С занесенным топориком Фьольвир и сам не сообразил, как оказался за перегородкой. Макафик был едва различим. Он казался комом белья, сложенным на полу в темноте. Белело только лицо с закрытыми глазами.

– Не подскользись, – прошептал макафик.

– Что?

Фьольвир не успел спросить, а нога его уже поехала. Хорошо, топорик вовремя врубился в доску перегородки и помог удержать равновесие. Мтаг фыркнул:

– Не упал, смотри-ка.

Фьольвир, зверея, подступил к нему.

– Что это? Масло? Ловушка для меня?

Лезвие просунулось к горлу лежащего. Лицо макафика качнулось. На белом трещиной проступила мимолетная улыбка.

– Кровь это, дурень. Моя кровь. Совсем свежая.

– Как – кровь? – нахмурился Фьольвир. – Откуда?

Он повел ладонью рядом с Мтагом, каменная плита казалась жирной. В темноте было не понять, кровь это или что иное.

– Это что, когда я тебя ударил?

– Нет, дурень, ты мне ничего сделать не мог, – ответил макафик, хрипло вдохнув.

– А кто тогда?

Все еще держа топорик у горла Мтага, Фьольвир оглянулся.

– Не ищи, – прошептал макафик. – Выше... там...

– Кто там?

Мтаг снова улыбнулся.

– Ты все же дурень.

– Ты мне можешь...

Фьольвир вспомнил о шкатулке и быстро, одной рукой, ощупал одежду макафика и пространство около него. Ничего. Песок. Тряпки. Щепки.

И кровь.

– А где шкатулка?

– У меня ее... никогда не было, – сказал Мтаг.

– Как? Ты не ври! Я видел! – Фьольвир затряс макафика. – Ты должен ее отдать! Иначе тьма, ничто!

Тот сморщился.

– Хва... хватит. Больно.

– Где она?

Мтаг свесил голову.

– Ты хоть знаешь, где ты, герой? – спросил он.

– В пустыне, – ответил Фьольвир. – Шкатулка! Шкатулка, Мтаг! Где она?

Макафик закашлялся.

– Да-а, – произнес он, тяжело задышав, – ты все-таки герой на скорую руку. Такие – да, такие слегка туповаты. Если... – Мтаг облизнул губы. – Если при мне нет шкатулки, а сам я лежу в луже крови, что это значит, герой? Это значит, что шкатулка у кого-то другого, да? Доходит, герой?

– И кто это?

Фьольвир снова встряхнул макафика, и тот, харкнув кровью, скрючился у него в руках.

– Подумай, тупица из Бьеннтестада.

– Кто? – закричал Фьольвир. – Унномтюр? Неужели Унномтюр?

Мтаг вцепился ему в плечо. Красные глаза зажглись на белом лице.

– Никакого Унномтюра нет и никогда не было, – сказал он. – Ты сам – Унномтюр. Все герои...

Макафик умолк.

– Эй!

Фьольвир испугался, что Мтаг умер, но тот, запрокинув голову от толчка, все же сморщился, и зрачки его красных глаз остановились на собеседнике.

– Ты понимаешь, как оно... – пробормотал он. – Никакого Унномтюра. Он только в твоей голове. Это как бы... ну, геройская привилегия.

– Врешь!

– С божественными силами не все могут сжиться сразу. Тогда и появляется Унномтюр. Или Хьернвалль. Или волшебный меч Тюртенфинг. Или... Не важно, кто появляется. Бог-помощник, видимый только тебе одному.

– Тогда кто меня заштопал?

– Ты сам, конечно же.

– И с Коггфаль... И с чудовищами тоже я сам?

– Да.

– Но ты же с ним разговаривал! – крикнул Фьольвир. – Все с ним разговаривали! Скажи, нет?

– Нет, – выдохнул Мтаг. Резко обозначились морщины и острый нос. – Я разговаривал только с тобой, бьеннестадец, а что уж тебе казалось...

Фьольвир мотнул головой.

– Но мы спорили! Он меня учил! Он бился вместе со мной! Он все рассказал мне. Откуда бы я узнал про шкатулку, про тебя, про богов?

Мтаг сплюнул кровью.

– Так и узнал, – сказал он. – Это же не со мной, это с тобой Унномтюр общался. Боги, знаешь, те еще затейники.

– Нет, постой! А тонкие пути? А способы их открыть?

– Дурень, – прошептал макафик, закрыв глаза. Он оттолкнул Фьольвира. – Все, дай мне сдохнуть.

– Так Унномтюра не было?

– Был. Был. Но в твоей голове, герой.

– Не понимаю, – Фьольвир поднялся.

Он посмотрел вглубь башни, на устремленный вверх лестничный пролет, и вновь опустился на колени.

– Мтаг, – коснулся он макафика. – Эй. Я еще...

– Уйди, – прошептал Мтаг.

– Я просто... А кто наверху? Ну, кто тебя?

Когда Фьольвир уже подумал, что ответа не дожидается, макафик чуть повернул голову.

– Ключ – четвертый. Значит, бьешься с самим собой. Я, видишь, был не так уж хорош...

В нем забулькало. Больше Мтаг не произнес ни слова. У Фьольвира же вопросов стало еще больше. Если с самим собой, захотелось узнать ему, значит, там, на одном из верхних ярусов, его ждет такой же Фьольвир Маттиорайс? Или его караулят там оба двойника – его и Мтага?

И что с пятым ключом? Как он попадет к дверям тьмы? Появится ли Унномтюр или божественная помощь на этом закончилась? Как при необходимости вызвать его из своей головы? Или Мтаг соврал?

Фьольвир мысленно проклял всех богов. И ваэнов. Даже Аттитойне. За их глупость, за

отсутствие ответов, за дурацкие ключи. Потом попросил прощения. Потом проверил выступ – никакого колодца, сухая труха и остатки стрел. Потом собрался, стиснул рукоять топорика и шагнул к лестнице. Кто он, в конце концов? Герой. Тут уж ничего не поделаешь.

Ярусом выше имелись окна, и было не так темно, как в основании башни. Золотой жар узкими лентами дрожал на каменном полу. Кружилась пыль.

Фьольвир осторожно поднялся по ступенькам.

По стенам ярус был заставлен бочками под самый потолок, большинство из них рассохлись и треснули, содержимое давным-давно вылилось и высохло, но сладковатый дух масла и вина еще чудился, касался ноздрей. У свай в центре стояли несколько жаровен, лежала лавка. Видимо, здесь грелся караул.

Спрятаться двойникам было негде.

Фьольвир прошел ярус насквозь, от одной лесницы к другой, оберегая ноги от железа и острых щепок. Нанесенного ветром песка было не много. Разорение. Пустота. Очаг, столы и стулья встретили его выше. Белели остатки занавесей. Часть мебели была иступленно, яростно порублена, часть, похоже, развалилась сама, от времени. Окна были больше, и ярус дышал жаром, как сковорода.

Снова никого не найдя, Фьольвир задумался, стоит ли забираться дальше. Стиснув жердь, служащую поручнем, он вдруг подумал, что Мтаг, посылая его наверх, мог отвлекать от верного направления. Хотя зачем ему спасать своего убийцу? Непонятно. Но живой или при смерти, макафик был враг, значит, верить его словам приходилось с осторожностью. Правда, если Мтага одолел такой же Мтаг, то цель у них была одна...

Фьольвир понял, что запутался. Ничего, решил он, если двойник Мтага и выскользнул в пустыню, его следы будут замечательно видны с вершины башни. С этой мыслью Фьольвир поднялся по ступенькам еще на ярус.

Все пространство яруса было отведено под оружейную. На крюках висели доспехи, железо которых проржавело, а кожа сморщилась и рассохлась. Ржавыми, щетинистыми кучами лежали у стен мечи и топоры. В углу стояли наковальня и верстак с подломившимися ножками. А в центре, у балки, подпирающей потолок, на стуле...

Фьольвир остановился.

Он смотрел на себя, выковыривающего занозу из ладони, бородатого, украшенного шрамами, как искусной вязью, цыкающего языком, потому что заноза, видимо, не давалась, и не мог сообразить, что делать. Незаметно обойти уж точно не получится. От двойника, хоть и сосредоточенного на собственной ладони, веяло опасностью.

– Ага!

Двойник, наклонившись, азартно выкусил занозу зубами и вскинул голову. Глаза сверкнули сквозь космы.

– Чего как не родной? – спросил он, остановив взгляд на Фьольвире.

– Да я это...

Фьольвир пожал плечами, не зная, что еще сказать.

– Ключ что, не нужен?

– Нужен.

– А он вот, смотри.

Двойник приподнял висящую на шее веревку с продетой в нее жестяной пластинкой и поболтал ей.

– Может, так дашь? – спросил Фьольвир.

Двойник почесал бороду и прищурился, разглядывая гостя. В руке его появился ржавый кинжал. Он принялся лениво подбрасывать кинжал, ловя то за клинок, то за белую, костяную рукоять.

– И что мне от этого? – спросил он.

– Не зна...

Фьольвир, захрипев, потер горло.

– Что, пить хочешь? – участливо поинтересовался двойник.

– Да, – одними губами произнес Фьольвир.

Двойник усмехнулся.

– Герой! Баккель потерял, свейки потерял, везинг и рубаху потерял. Хорошо, штаны остались. На!

Наклонившись, он достал из-за сваи баккель и кинул его Фьольвиру. Тот поймал фляжку и обнаружил на ней те же руны, что когда-то вырезал по дереву неопытной детской рукой.

– Это же мой баккель! – прохрипел он.

– Ну а чей еще? – двойник чуть выше подкинул кинжал. – Все-таки я – это ты.

Глотая теплую воду, Фьольвир умудрился мотнуть головой.

– Не согласен? – удивился двойник.

Фьольвир сделал последний глоток и опустил баккель.

– Ты – другой, – сказал он.

Какое-то время двойник смотрел на него со странным выражением лица. Будто бы ждал от Фьольвира совсем других слов.

– Конечно, – сказал он. – Я – лучше. И у меня ключ.

– И что теперь? – спросил Фьольвир.

Он бросил баккель обратно, и двойник ловко его поймал.

– Дальше? – произнес тот, взболтав фляжку и убедившись, что в ней еще есть вода. – Дальше кто-то из нас умрет.

– Это обязательно?

Двойник задумался, потом кивнул. Он положил баккель в ноги и вновь взялся подбрасывать кинжал.

– Ключ дается за преодоление себя. Какой тебе ключ, Фьоли, если ты себя победить не сможешь? Нет, не получится.

– А если ты...

– Что?

– Если ты победишь меня?

Двойник улыбнулся.

– Ну, ты сразу в Тааливисто. Из этой пустыни, представь, тоже ходят лодки. А я сложу о тебе коротенькую сагу и исчезну.

– И не пойдешь за Мтагом?

– С какой стати? – удивился двойник.

– Ну, если я – герой, то и ты – герой, – сказал Фьольвир. – Значит, спасение мира и на твоих плечах.

– Нет-нет, – сказал двойник, – ты меня в свои героические дела не впутывай. Я всего лишь страж ключа.

– Но мир...

– Слушай, я и так уже вышел за рамки положенного, дав тебе напиток. Доброта, знаешь, в мои обязанности не входит. Вон, – двойник кивнул на кучу оружия, – выбирай себе клинок по руке, и начнем.

– Ты знаешь, что боги... – сказал Фьольвир, не двигаясь.

– Плевать.

– Богов нет.

Двойник подбросил кинжал.

– И что?

– Значит, все прохудилось. Мир, Тааливисто... ты.

– Да? – Двойник осмотрел себя, сжал-разжал пальцы, поиграл мускулами и хмыкнул. – Что-то не верится, Фьоли. Но попытка интересная. Хочешь заронить в меня неуверенность? Ну-ну.

– Я хочу сказать, что ты не так силен, как был раньше.

– А ты?

– А я – герой, – сказал Фьольвир.

Двойник набрал воздуха в рот и расхохотался.

– Ох, Фьоли, Фьоли! – Смеясь, он поднялся. – Мы это сейчас как раз проверим. Ты и я семя ты медвежье! Хотя, знаешь, может, меня и нет. Я у тебя вот здесь, – он постучал себя по виску.

– Там Унномтюр, – сказал Фьольвир.

– Да? Значит, набирается веселая компания.

Двойник ногой выцепил из оружейной кучи короткий меч и носком подкинул его Фьольвиру.

– Знаю твой вкус.

Фьольвир, сам не зная, зачем, отложил топорик и подобрал предложенное оружие. Драться с самим собой ему казалось глупостью. Меч был заточен лишь с одной стороны, вершина клинка была округлой. Таким только наносить рубящие удары.

– Не устраивает? – спросил двойник.

– Ржавый, – сказал Фьольвир.

– У меня такой же.

Двойник вытянул из-за спины меч – копию подброшенного Фьольвиру. Отличал его только блеск свежей заточки.

– А в левую – кинжал, – сказал он. – Помнишь, Фьоли, как мы бились с эггвельснаке? Держали спину отца.

– Скорее, отбивались, – вздохнул Фьольвир.

– Целую ночь!

– Полчаса. Под утро.

– Ну и что? Кажется-то иное! Чудовища! Змеелюди! Ты помнишь, как все тряслось внутри?

– Это уже после, – сказал Фьольвир. – Потом.

– Ну, наверное. А, в общем, плевать. – Двойник откинул стул, освобождая простор для перемещений, пошевелил плечами. – Ты готов? Или кинжал?

Он подал свой кинжал Фьольвиру, но тот, отказываясь, качнул головой.

– Как хочешь, – сказал двойник. – А я уж, извини, как привык. – Кинжал, повинуюсь движению его запястья, рыжей молнией взрезал воздух. – Ну, готов?

– Если без этого нельзя...

Фьольвир выставил меч вперед.

– Нельзя, Фьоли. Не моя придумка.

– А кого?

– Известно, кого. Йоруна! Хэнсуйерно!

Двойник сделал выпад, но Фьольвир был настороже. Железо глухо брякнуло о железо.

Двойник ощерился.

– О ты какой!

– Меня учил Уннотюр, – сказал Фьольвир.

– Который в голове?

Двойник махнул мечом и, уходя в сторону, попытался достать противника кинжалом.

Фьольвир отбил кинжал тупой гранью клинка.

– Не знаю, – сказал он. – Мтаг сказал, что в голове. Но мне не верится.

– Угу, – кивнул, перемещаясь, двойник. – А я? Я – реальный? Как ты воспринимаешь меня? Предупреждаю: опасаться меня надо по-настоящему!

– Я опасуюсь.

Фьольвир отступил, и меч двойника прочертил воздух там, где только что находилось его бедро.

– Нечестно! – рассмеялся двойник. – Ты меня знаешь!

Лицо его покраснелось. Тыльной стороной ладони он убрал со лба пряди, лезущие в глаза.

– А ты – меня, – сказал Фьольвир.

Двойник посмотрел задумчиво.

– Нет, ты сам все-таки какой-то другой.

– Может, потому, что герой?

Двойник фыркнул.

– Другие здесь не ходят! Ладно, – он ногами очистил место от грязи, остатков мебели и тряпья, – придется по-серьезному!

Пыль взвилась в воздух, помещение заискрилось, жар, казалось, стал гуще.

– Слушай, – сказал Фьольвир, бросив взгляд в окно, на песчаные холмы, стремящиеся вдаль соединиться с белесым небом, – богов нет. Правил нет. Обязанностей нет. Ты стал слабее.

– Я? – удивился двойник.

– Я это точно знаю.

– А ты, значит, стал сильнее?

Фьольвир вместо ответа пожал плечами.

– Так проверим! – обрадовался двойник. – Не могу же я отдать тебе ключ просто так!

Дельная вещь как-никак!

– А ты попробуй, – предложил Фьольвир.

– Сначала я лучше все же попробую тебя убить. Это как бы мое призвание.

– Как хочешь.

– Ты готов?

– Да.

Двойник присел, качнул кинжалом в левой руке, оскалился и бросился в атаку. Мечи глухо стукнули. Кинжал исподтишка дважды царапнул Фьольвиру кожу, но не добрался ни

до печени, ни до кишок. Фьольвир, отбиваясь и уворачиваясь, улучил момент и ударил своего противника коленом в бок, вызвав у того недовольный выдох.

– Ах, ты!

Какое-то время они, сцепившись, боролись, двойник попытался повалить Фьольвира подножкой, но получил лбом в скулу и едва не упал сам. Через несколько мгновений сопения, напряжения мускулов и щелчков зубами они распались, разъединились. Мечи столкнулись напоследок, словно признавая ничью.

– Да уж!

Двойник оперся плечом о балку, потирая бок.

– Видишь? – спросил Фьольвир.

– На себя посмотри!

Фьольвир размазал кровь по телу.

– Это ничего. Царапины.

– Так и я в порядке, – ответил двойник. Он сморщил лицо и подвигал челюстью. – Не болит вообще.

– Может, хватит? – улыбнулся Фьольвир.

– Куда? Чего? – возмутился двойник. – Мы только начали! Я только разогрелся! – Он оттолкнулся от балки. – Ты так легко от меня не отделаешься. Я же это ты. А ты – упрямый, сам знаешь.

– Это глупо.

– Ничего не глупо.

– Пойми, там – тьма, – сказал Фьольвир в попытке хоть как-то переманить двойника на свою сторону.

– А здесь – я, – двойник с улыбкой расставил руки, меч – в одной, кинжал – в другой. – Выбирай – или тьма, или Тааливисто. В Тааливисто я могу отправить тебя хоть сейчас. Ты только не сопротивляйся.

– Нет, мне там не понравилось.

– В Тааливисто-то?

Двойник, сделав шаг, даже остановился от удивления.

– Я только что оттуда, – сказал Фьольвир.

– И кто подсказал лазейку? Этот? – двойник покрутил рукой у головы.

– Он самый.

– И как там – пьют-гуляют? Медвяная бражка – рекой? Голоса до небес?

– Нет, – сказал Фьольвир, – там все умирает.

Двойник рассмеялся.

– В Тааливисто-то? Не дури! Все хотят в Тааливисто, Фьоли, и ты тоже хочешь. Это сбывшийся мир, жизнь вечная.

– Я говорю тебе: все изменилось! – с напряжением в голосе сказал Фьольвир. – Поверь, придурок!

– Это ты себя так называешь, – улыбнулся двойник. – Но если ты меня победишь, я, так уж и быть, поверю.

Фьольвир замахнулся мечом.

– Придурок.

– Ага. Давай-давай! – заскакал двойник, оставляя между собой и Фьольвиром балку, как преграду. – Атакуй!

– Хорошо!

Фьольвир оттолкнулся, прыгнул вправо, но приземлившись на левую пятку, тут же выкрутил ее, позволяя телу, пропустив выпад двойника (ах, этот свистящий ржавчиной воздух!), обогнуть балку с противоположной стороны. Да, кинжал ждал его, но Фьольвир безропотно принял его в подставленную ладонь и сжал пальцы на изогнутом рожке гарды, сцепляя их с кистью противника. Увлекая чужую руку энергией, тяжестью тела, он с хрустом вывернул ее и, переступив, с силой вонзил в подставленную спину локоть руки с мечом.

Балка не дала двойнику упасть, но удар об нее на короткий миг, кажется, вышиб из него дух. Фьольвир добавил коленом в поясницу и под звяк меча, выпавшего из ослабшей руки двойника, отступил к лестнице.

– Все, – сказал он, – хватит.

– Как – хватит?

Двойник, согнувшись, посипел, покашлял и не с первой попытки подобрал оружие. Выпрямившись, он замотал головой.

– Нет-нет, Фьоли, так не пойдет! – Рука с кинжалом висела у него, как мертвая. – Дс конца!

– У меня нет времени, – сказал Фьольвир, ставя ногу на ступеньку. – Я же тебе сразу сказал, что ты стал слабее.

– А ключ?

– Этот?

Фьольвир вскинул зажатую в пальцах веревку. На изгибе едва покачивалась жестяная пластинка, до того висевшая у двойника.

– Эй!

Двойник, зажав меч под мышкой, ощупал шею и грудь. Глаза его расширились от изумления.

– Вор!

Он двинулся к Фьольвиру. Тот поднялся еще на одну ступеньку.

– Давай позже, а? Я спасу мир...

– Вор!

Двойник поднял меч.

– Да войца-пекка!

Фьольвир наклоном ушел от неуклюжего удара, пришедшегося в пустоту, и опрокинул атакующего плечом. Двойник рухнул прямо в квадрат слепящего солнечного света. Фьольвир насел, прижал руку.

– Пойми ты, – зашипел он сквозь зубы, – я же герой. Герой. Мне не тебя, не себя, мне мир спасти надо. А ты заладил...

– Потому что неправильно... – выдохнул двойник.

– Что неправильно?

– Поединок. Должен быть поединок.

– А это что у нас? – удивился Фьольвир. Он ткнул кулаком в глаз двойнику. – Это что? Чувствуешь?

Двойник зажмурился.

– До смерти. Ты можешь взять ключ только с трупа.

– Нет правил, нет! – заорал Фьольвир ему в лицо. – Богов нет! Ничего нет! За что ты цепляешься? За пустоту?

– Может, это не я, может, это ты цепляешься, – сказал двойник.

– Да, я помню, – кивнул Фьольвир, – ты тоже у меня в голове. Прекрасно! Вот и лежи!

Лежи.

Он подхватил баккель и встал.

– Я...

– Лежи, ради всех богов.

Когда Фьольвир, вновь вооружившись топором, поднялся по ступенькам, двойник все же с шипением сел, оттолкнул меч и уместил на коленях вывернутую руку.

– Но как же без убийства? Как? – выкрикнул он в сторону залитой солнечным светом лестницы.

Голос его был полон звенящей обиды.

Два следующих яруса были пусты. Ни Мтага, ни следов, ни отблеска тонкого пути. Лишь серые горки песка и копоть на стенах. В конце последнего яруса короткая вертикальная лестница приглашала на вершину башни. Делать было нечего. Хоть деревянные перекладки и опасно похрустывали под ступнями и ладонями, Фьольвир выбрался наверх, под палящее солнце, и огляделся.

Смотровая площадка была усыпана черепками, железом и разохшимися деталями самострелов. Между зубцами провисали цепи. В углу лежал скелет, завернутый в полотно. Солнце и песок выбелили кости. Укрыться на площадке было негде.

Пусто.

Фьольвир потоптался в растерянности.

Неужели Мтаг наврал? Он обошел площадку кругом, заглядывая за зубцы. Башня возвышалась одиноким монолитом среди серых песчаных волн. Сколько хватало глаз, всюду была пустыня. Холмы и их короткие тени разбегались по сторонам света – на юг, на восток, на север и запад. Не имелось даже намека на постройки, горы или растительность вдалеке. Разглядеть чьи-либо следы с высоты у Фьольвира тоже не получилось, как он ни старался. Не было следов.

Чего уж говорить, он даже собственные следы не нашел! То ли солнце мешало, слепя, то ли песок коварно осыпался и скрыл лунки, оставленные его босыми ногами. Фьольвир походил, раскидывая черепки, безотчетно скинул вниз несколько железок и сел рядом со скелетом.

– Привет, – сказал он.

Скелет не ответил. Фьольвир понимающе кивнул.

– Тоже искал тонкий путь или какой-нибудь выход? – спросил он, прислоняясь спиной к зубцу. – Не возражаешь, если я буду следующим? У меня, видишь ли, и ключ есть, но куда отсюда идти... Вниз что ли, головой в песок? Не думаю. Вряд ли. Унномтюр, наверное, знает ответ, но он вроде как мне мерещился. Такие дела, войца-пекка.

Фьольвир вздохнул.

– Вообще, – сказал он скелету, – со стороны богов и того же Унномтюра, если он их посланник, настоящее свинство оставлять героя без присмотра. Спаси мир, говорят, ай, мы томимся, изначальная тьма вот-вот все пожрет. Иди, говорят, а лучше беги, прими какие-никакие героические способности и поторопись спасти сущее. И приводят сюда.

Фьольвир обвел смотровую площадку жестом.

– Место, конечно, замечательное. Я в таких местах еще не был. Солнце дурное. Воды нет. Песок. Песка много. Внизу, кстати, скажу тебе по секрету, – он по-дружески толкнул скелет локтем, – обитается мой двойник. Но, возможно, он тоже лишь в моей голове. Или все же внизу. У тебя-то двойник был?

Скелет от повторного толчка качнулся, стукнул кистью об пол.

– Понятно, – кивнул Фьольвир, – не хочешь говорить. Но я здесь, похоже, надолго, и нам как-то придется уживаться между собой. Ты, как я понял, молчун. Я такой же, но что-то меня сегодня... Через день или через два, поверь, я сам не захочу ни с кем разговаривать. Солнце еще это...

Он из-под ладони взглянул на слепящий диск, повисший в зените. Собирается двигаться

или нет? Пора бы уже. Дышать становилось все труднее. Фьольвир взболтнул воду в баккеле.

– Эй! – обратился он к скелету. – Хочешь пить? У меня – на два глотка. Один – твой.

Если хочешь, конечно.

Скелет предложение проигнорировал. Даже череп, высунувшийся из худого полотна, обиженно отвернул.

– Ну и дурак, – сказал ему Фьольвир. – Последняя в здешних местах вода.

Он скovyрнул пробку с горлышка баккеля. Вода пролилась на подставленный язык тонкой струйкой. Глоток, другой, все. Фьольвир впустую дернул горлом. Последняя капля упала из баккеля, скрылась в бороде.

– М-да, – вздохнул Фьольвир.

Он встал и снова прошелся по площадке, вымеряя пространство медленными шагами.

– Унномтюр!

Можно, конечно, было спуститься вниз, но почему-то подумалось, что это будет сродни поражению. Что там внизу? Темнота и он сам. Не лучшая компания. Еще Мтаг, наверное, уже мертвый. Увы, от околевшего макафика компания не становилась приятней. С ключом, без ключа...

– Унномтюр!

Фьольвир закашлялся в конце, склонился, выгоняя из глаз марево, и подполз обратно к скелету. Баккель под перебор коленей стучал о камни.

– Слушай! – Фьольвир тронул выбеленные кости. – А если Мтага убил здешний Мтаг? Что тогда? Пойдет этот Мтаг-двойник со шкатулкой к изначальной тьме? У них как бы одно желание на двоих. Тут вопросов нет. Но не понятно. Я бы, получается, никуда не пошел. Я – герой, а тот, внизу, который мерещится...

Фьольвир потер лицо.

Он почувствовал, что запутался. Если двойник настоящий, то у него предназначение – хранить ключ. Никакой ему дороги, никакой жизни после победы или, тем более, поражения. Границы поставлены богами – ни туда, ни сюда. Но границы эти, пожалуй, что прохудились. А если двойник воображаемый, то кто тогда убил Мтага? Не сам же себя Мтаг полоснул по животу.

Хотя, наверное, можно.

Тогда где шкатулка? Где-то в песке на нижнем ярусе?

Фьольвир повернул скелет к себе.

– Слушай, – сказал он, вглядываясь в пустые глазницы с лунками теней, – я знаю, что ты все видел. Не смей, даже не пытайся мне врать, слышишь? Я чую вранье за сотню крафуров. Где шкатулка, мертвец?

Скелет щелкнул сточенными зубами.

– Молчишь?

Фьольвир в ярости вздернулся на ноги и, поймав за обмотку полотна, вздернул за собой скелет.

– Говори!

Он поднял мертвеца выше, стиснув тряпку вокруг шейных позвонков.

– Мтаг был здесь? Куда он пошел? Как открывается тонкий путь? Как мне попасть к изначальной тьме? – Фьольвир словно плыл в жарком тумане. – Клянусь! Я сброшу тебя вниз, если ты не скажешь!

Скелет пощелкивал костяшками и молчал. Солнце висело над ним золотым нимбом.

Башня словно покачивалась под ногами.

– А-а-а! – заорал Фьольвир. – Вот так? Ты думаешь, я не смогу? Я смогу! Я еще как смогу! Я – герой!

Он поднял скелет на руках и без усилия скинул его с башни.

– Прощай, молчун!

Плотной растрепанным краем махнуло по воздуху, вызвав странный искристый всплеск. Приглядевшись, Фьольвир увидел над угловыми зубцами будто бы золотые волоски, сплетающиеся в косичку. Они были едва заметны.

Тонкий путь? Тонкий путь!

Он захохотал, потом свесился с площадки, ухватившись за протянутую цепь. Скелет лежал далеко внизу на песке. Левую руку он потерял при приземлении, и Фьольвир не смог высмотреть ее на холмах у башни.

– Прости! – крикнул он. – Возможно, я был не прав! Но ты сам виноват. Ну, в некоторой степени.

Понятно, скелету этого было недостаточно. А кому было бы достаточно? Лежишь ты себе спокойно, и вдруг!

– Я потом все тебе поправлю! – крикнул Фьольвир, испытывая угрызения стыда. – Я обещаю!

Сжав в ладони жестяной ключ, прихваченный у двойника, он вскочил на зубец. Через шаг оказался на неровном углу башни и застыл в сомнении. «Косичка» из золотых волосков подрагивала в воздухе в двух крафурах от крайнего зубца. Она была как плохо стянувшаяся рана. Не так и близко, как представлялось в начале.

В груди у Фьольвира екнуло. Похоже, придется прыгать. Два крафура жаркой пустоты. Только бы не промахнуться. А то он точно составит невеселую компанию только что выброшенному скелету.

Фьольвир напряг колени.

А если тонкий путь не откроется? – внезапно пришло ему в голову. Что, если это вообще не тонкий путь? Что, если я просто пролечу насквозь? Не в щель, не в прореху, а насквозь, мимо? Фьольвир оглянулся на площадку. Может, ну его, этот тонкий путь? Можно ведь поискать что-то другое.

Едва он об этом подумал, как верхний край золотой «косички» сплелся, подернулся рябью и пропал. Раньше нырнуть в прореху можно было в полный рост. Но сейчас на это рассчитывать уже не приходилось. Вот если втянуть голову в плечи и чуть-чуть присесть...

А ведь скоро «косичка» совсем закроется! – с ужасом понял Фьольвир.

Он торопливо повязал ключ на шею, проверил, как он висит, и вытянул из-за пояса топорик. Вот так. Один героический прыжок и работа топором, если что. Ничто не устоит против топора. Ульфха не устояла!

Фьольвир подышал, собираясь с духом. Где там героические силы? Сможет он в один прыжок? Хотя почему сможет? Должен! Только ключ вперед, чтобы знали, что он с ключом. Не какой-то хмырь из Бьеннтестада, а герой. И с ключом. И с топором тоже. Ключ – в первую очередь, топор – во вторую. Или наоборот.

Фьольвир качнулся и отпрянул. Высоко. Страшно. Солнце еще. Легко сказать – шагни, прыгни. «Косичка»-то совсем легкомысленная. Посверкивает, подманивает. А ну как нет ее, как Унномтюра? Эх, неплохо бы было, конечно, провожатому сейчас объявиться и сказать: «Все в порядке, арнасон. Я просто испытывал тебя. Прыгай, герой, я контролирую процесс».

Но ладно, ладно.

Почувствовав, что еще немного, и он упустит момент, Фьольвир мотнул головой и с хриплым рыком оттолкнулся от зубцов. В коротком прыжке он сжался и по счастью не промахнулся. Рука с ключом нырнула в прореху первой. Золотые волоски полопались под весом тела, давая Фьольвиру втиснуться в «косичку», как ступне в сапог. Он повел плечом, забрался глубже, в раздражении стукнул куда-то обухом топора, прорываясь, и не устоял на ногах.

О, этот тонкий путь оказался еще и быстрым. Опрокинувшегося на спину Фьольвира покатило, как по льду замерзшего озера. Вспышки яркого света чередовались с провалами глубокой тьмы, холодная крошка летела в лицо. Фьольвира переворачивало и било о невидимые выступы, закручивало то в одну, то в другую сторону. Он ругался.

Свет, тьма, свет. Бам! Его ударило в плечо, развернуло, и, как он не пытался тормозить пятками, с ускорением потащило дальше. Свет, тьма, свет. Снова тьма. Бамм! Теперь уже досталось колену. Фьольвир скрежетнул зубами. Лезвие топора высекло искры. Бамм! Он вскрикнул, чуть не выпустив ключ из пальцев. Да что же это? Его понесло все быстрее, быстрее, обстукивая, обтирая, будто бревно, спускающееся по горной реке через пороги. Но какое же он бревно? Он – герой!

Бамм!

Последний удар был в голову.

Очнулся Фьольвир от тихого шелеста. Ключ, хвала сжавшимся пальцам, был с ним. Топорик был с ним. Сфокусировав взгляд, Фьольвир обнаружил, что лежит на песке. На мновение он решил было, что промахнулся мимо «косички» и ахнул-таки с башни, грянул так, что тонкий путь лишь привиделся его угасающему, агонизирующему сознанию. Но всего мгновение спустя он разглядел, что песок здесь мельче и белее, а, приподняв гудящую голову, определил, что находится на высоком морском берегу.

О, слава богам!

Берег был пустынен, он полого спускался к воде, с шипением накатывающей пенными волнами. Вот и источник шелеста – волны. У самой воды внаклон стояла искусно вырезанная из серого камня арка. Изъеденная солью, на безлюдном и ветреном побережье она выглядела нелепой причудой, случайной гостьей, сбежавшей из крепости или дворца. Кто ее здесь поставил? Зачем? Никаких иных сооружений поблизости не было.

Фьольвир сел, потом, морщась, поднялся и, борясь с туманом в голове, побрел к арке. Босой, мало что соображающий герой.

Если у героя болит голова, думал он, это нормально. Это значит, что голова еще есть. И это приятное открытие. Потому что к голове обычно прилагается все остальное – руки, ноги, тело. Без них голова нежизнеспособна. Так повелось. Ну, если это, конечно, не голова Эйяльтога.

Кое-как Фьольвир добрался до арки, обнял боковую опору, ладонями и щекой чувствуя щербины и неровности, и закрыл глаза. Близкое море мелкой, почти неуловимой моросью кропило кожу.

Хорошо.

Куда-то идти, куда-то бежать... Хватит. Можно ведь и постоять. Чуть-чуть. Герою можно. И ветерок замечательный.

– Не, – вдруг услышал он, – так не откроется.

Фьольвир повернул голову и с трудом разлепил глаза.

В трех крафурах от арки на пестром ковре, уставленном блюдами с ягодами, орехами и сдобой, полулежал полный мужчина в белом халате и белых же штанах. Под горбатым носом у него произрастали внушительные черные, с проседью, усы. В темных глазах проскакивали насмешливые искорки. Каждый палец обеих рук обжимал один, а то и два перстня с камнями в оправках. Фьольвир мог поклясться, что несколько вдохов и выдохов назад ни мужчины, ни ковра не было и в помине.

– Что? – спросил он.

Мужчина вздохнул, аккуратно выхватил с одного из блюд виноградину и повторил:

– Так вам, уважаемый, дверь не откроется. – Он бросил ягоду в рот. – Даже не пытайтесь.

– Я... – Фьольвир нахмурился. – Это что? Это дверь? – Он, отстранившись, посмотрел на арку. – Дверь во тьму?

Мужчина поднял палец.

– В изначальную тьму, – со значением сказал он.

Виноградина лопнула у него на зубах, забрызгав губы бесцветным соком. Мужчина вытер их краем халата.

– Мне нужно туда, – сказал Фьольвир.

– Всем нужно.

Мужчина лениво лег, подложил одну руку под голову и стал беспечно смотреть на облака, которые кучерявыми завитками плыли по небу.

– У меня – ключ! – сказал Фьольвир.

Мужчина махнул рукой, словно говоря: видел я эти ключи! Каждый, кто появляется, ключом тычет. Фьольвир скрипнул зубами от досады, шагнул под арку, сделал несколько шагов по направлению к воде и вернулся.

– Там мир, – сказал он, подсев к ковру.

– Угу, – сказал мужчина. – Везде – мир. И здесь – мир. Всем – мир. И тебе, уважаемый. мир. Иди с миром.

– Вы не понимаете...

– Куда мне, – сказал мужчина и отвернулся от Фьольвира набок.

– Мне нужно...

Мужчина резко повернулся обратно.

– Ты кто? – спросил он, встопорщив усы.

– Фьольвир Маттиорайс, – сказал Фьольвир.

Спрашивающий качнул головой.

– Не верно. Снова. Ты – кто?

Взгляд темных глаз уткнулся Фьольвиру в щеку.

– Арнасон, – сказал Фьольвир. – Житель Бьеннтестада.

– Еще.

– Герой.

Мужчина хохотнул.

– Давай еще!

– Человек.

– Дальше.

– Победитель Ульфхи.

– О! Кто еще?

– Муж. Сын.

Мужчина почесал живот.

– Это все ни о чем мне не говорит. Это не правда.

– Правда.

– Нет, не правда, сюда не приходят мужи, сыновья, победители, обитатели боги знают каких мест и так далее. – Мужчина сел. – Возникает вопрос. Кто же сюда приходит? Поэтому я и интересуюсь.

Он несколько мгновений гонял оливки по блюду, рассыпая большую часть на ковер, пока не выловил ту, которую ему хотелось.

– Я – Фьольвир...

Мужчина сморщился.

– Не-не-не, это уже было. – Он закинул оливку в рот. – Знаешь, уважаемый, – сказал он, жуя, – ты подумай, пожалуйста, кто ты. Хочешь, возьми с блюда персик, сыр, виноград, хлеб возьми. Подкрепись в сторонке. Я вообще буду не против, если ты совсем развернешься и уйдешь.

– Не могу.

– Хм, – сказал мужчина, – ты тот, кто не может.

– У меня ключ, – показал пластинку Фьольвир, – четвертый ключ.

Мужчина улыбнулся.

– А я – пятый. Последний перед дверью. Так кто ты?

Фьольвир задумался.

– Вот это правильно, – сказал мужчина, подбирая под себя ноги. – Чтобы прийти к очевидной вещи, порой не стоит никуда торопиться. Самое сложное и трудное путешествие подчас происходит здесь.

Он коснулся пальцем своего виска.

– У меня там хорошая компания, – сказал Фьольвир.

– Да? Целая компания?

Мужчина захохотал, потом погрозил Фьольвиру пальцем.

– А ты не прост! – сказал он. – Это хорошо. Может, тогда скажешь мне, кто ты? Если, конечно, хочешь пройти. Ну-ка.

Мужчина грузно наклонился, отломил от сырного полукруга едва поместившийся в ладонь кусок и протянул его гостю. Фьольвир с благодарным кивком принял подарок. Сыр был вкусный, соленый. Мужчина с интересом смотрел, как Фьольвир ест, отщипывая по чуть-чуть.

– Вкусно? – спросил он.

– Да, – ответил Фьольвир.

– Что-то надумал?

– Нет.

Мужчина шевельнул челюстью.

– Хотя бы честно, – сказал он. – Но я подскажу тебе, кто ты.

– Мтаг, – произнес Фьольвир.

– Что?

– Мтаг был здесь?

– О! – удивился мужчина. – Обычно я спрашиваю. – Он с азартом потер ладони. – Это возбуждает аппетит!

– Я... – вновь начал было Фьольвир, но был остановлен сердитым жестом.

– Помолчи!

Мужчина подвинул к себе несколько блюд и, поглядывая на Фьольвира, принялся без разбора поглощать все, до чего могли дотянуться его пальцы. Он ел, урча, жадно, торопливо заглывая схваченное, размазывая жир и сок вокруг рта, не жуя, словно Фьольвир вот-вот мог решиться и отнять у него еду. В его пасти исчезали сыр, рыба, ягоды, хлеб, грибы, куски жареного мяса, зелень, икра и плоды, не имеющие названия, но плотно набитые алыми зернами.

– Эй, – сказал Фьольвир.

Мужчина, насыщаясь, затряс головой, предупреждая от того, чтобы его отвлекали.

– Тьма...

– Угум, – кивнул мужчина.

Он попытался целиком запихнуть в себя обжаренную куриную тушку, но с первого раза у него это не получилось. Тушка исчезла в глотке наполовину, потом едок посинел, позеленел и с хрипом выташил ее обратно. Птица повисла над мужчиной, расправив черные огрызки крыльев. Жир и слюна закапали с нее на халат.

Мужчина причмокнул.

Фьольвир тронул его за плечо.

– Если ты пропустил...

– Не мешай мне есть, уважаемый! – с угрозой произнес мужчина.

Покачав тушку в пальцах, он распахнул рот и опустил курицу в глотку повторно. Горло его взлупилось и опало. Мужчина, икнув, облизал пальцы. На жирных губах заблестела улыбка.

– Если тьма... – сказал Фьольвир.

Блюда разлетелись со звоном. Раскатились яблоки. Сочащимся обломком упала в песок пчелиная сота.

– Слушай, ты, уважаемый! – вырос перед Фьольвиром мужчина. – Ты – неизвестно кто. Человек, муж, герой. Там, – указал он на арку, – это ничего не значит. Ничего! Кем бы ты ни назвался. Тьма там, понимаешь, тьма. Ей безразлично. Он еще вопросы задает! Пошел вон отсюда!

Босой ногой он ударил Фьольвира в бедро, вынуждая того сделать шаг в сторону.

– Давай-давай!

– Ты...

– Проваливай!

Фьольвира развернуло от моря к береговому подъему. Он не хотел, но против своей воли, взрывая песок ступнями, пошел прочь от ковра и от арки. Отпустило его только через десяток крафуров.

Фьольвир остановился.

Злость разгорелась в нем, сжала пальцы в кулаки. Вот как, мрачно подумалось ему. Приходишь спасти мир, а тебе говорят: проваливай. Ты не герой, ты – никто, ты – неизвестно кто. Сидит тут, тварь, жрет и загадки загадывает. Дела ему ни до чего нет. Весь мир рухнет во тьму, этот обжора будет в плоску смотреть.

Ну нет!

Фьольвир развернулся. Унномтюр, какой бы он ни был воображаемый бог, столько времени убеждал, будто его миссия – спасти мир, что никакое жирное убожество не сможет встать у него на пути. Он, Фьольвир Маттиорайс, сын Магнира, – все-таки герой!

– Эй, уважаемый!

Фьольвиру показалось, что крикнул он громко, но усач, поглощающий еду, его не услышал. Хорошо. Где топорик? В руке! Где он сам? Рядом! Близко! Так близко, что видны редкие волоски на розовом затылке сидящего.

– Уважаемый!

– О, ну чего тебе еще? – недовольно спросил мужчина.

Он оторвался от блюда и повернул к Фьольвиру измазанное жиром щекастое лицо с прилипшими к подбородку крошками, рисинками и кусочками кожи.

Фьольвир не раздумывал.

Лезвие топора с ходу раскрыло рот обжоры, придавая тому неожиданную широту. Удивление так и застыло в темных глазах. Следующий удар пришелся в шею, брызнувшую сиреневым соком. Дальше Фьольвир вознил топор в пухлое плечо, выдернул его, словно из теста, и вбил уже в грудь.

– Я хочу спасти мир!

Мужчина содрогнулся. Из глотки его брызнул фонтан крови, перемешанной с едой. Он упал на ковер, засучил ногами и безотчетно сгреб ткань под себя. Халат и штаны его намokли розово-красным узором. Но остановить Фьольвира это уже не могло. Какое-то время он врубался в спину поверженного обжоры, из которой, как щепки из дерева, лезли мясные волокна. Топор вниз, топор вверх, топор вниз. Даже когда мужчина прекратил хрипеть и шевелиться, он еще несколько вдохов и выдохов дробил ему лопатки и позвоночник. На языке было солоно, в голове шелестело: «Вот и тьма. Вот герой, вот тьма. Теперь-то все ясно, уважаемый?».

Устав, Фьольвир сел рядом с мертвецом. Ягоды, хлеб и сыр промялись под коленями. Задувал ветерок. Волны с шорохом накатывали на берег.

– М-да, – раздался вдруг голос.

Двойник обжоры в чистом халате и чистых штанах опустился рядом.

– Ты? – удивился Фьольвир. – Я же тебя только что...

Мужчина кивнул, склонившись, мельком осмотрел мертвого себя.

– Да, – сказал он, – хорошо ты меня отделал. Всю злость выместил, да? Думаешь, я тебя из собственной дурачности не пускал?

– Не знаю! – буркнул Фьольвир.

Он подтянул топорик поближе. Мужчина оценил это понимающей ухмылкой.

– Не, так-то ты, конечно, герой.

Он окинул взглядом разлетевшиеся блюда, потом схватил пучок зелени, сунул в рот и, пережевывая, закатил глаза.

– С прошлой смерти ничего не ел, – заявил он.

– Сам виноват, – хмуро сказал Фьольвир.

– Хочешь еще раз убить?

– Не знаю.

– И кто ты после этого?

Мужчина, жуя, перешагнул через ковер, откинул остатки еды и легко, без видимых усилий откатил мертвого себя на песок. Мелькнул раскрытый лезвием рот, похожий на черно-красную дыру.

– Давай еще раз, – сказал мужчина, устраиваясь напротив Фьольвира.

– Я не уверен, что ты настоящий, – сказал тот.

Усач улыбнулся.

– Ну, здесь я тебе ничем помочь не могу, уважаемый. Тебе придется смириться с невозможностью определить мою истинную природу.

Фьольвир подобрал ломтик прозрачного мяса и посмотрел его на просвет.

– Но если ты – воображаемый, такой же воображаемый, как Уннотюр, как, возможно, я сам в башне, – произнес он, – тогда существует ли на самом деле дверь и изначальная тьма за ней?

Мужчина весело рассмеялся.

– Глубоко копнул, уважаемый! Если тебе нужна дверь, значит, она есть. Если тебе нужна тьма, значит, есть и тьма. Если тебе нужен кто-то еще, он тоже есть, уважаемый. А где он, какой он, существующий или нет, разве это важно?

Фьольвир тяжело вздохнул.

– Мне нужно остановить Мтага, если еще не поздно, – сказал он. – И я не могу ответить, кто я.

– Позволь-ка.

Усач вытянул мясной ломтик из пальцев Фьольвира и, подмигнув, забросил его себе в рот. Несколько мгновений, причмокивая, он двигал челюстями.

– Мтаг... Да, был здесь какой-то грязный человек, – сказал он. – Хотел как ты. Но он знал, кто он.

– Я – Фьольвир Маттиорайс...

– Я слышал, – поморщился мужчина. – У меня уже в ушах звенит от твоего крика. Фьольвир Маттиорайс! Фьольвир Маттиорайс! Ну, войдешь ты, уважаемый Фьольвир Маттиорайс, в дверь. Будет ли во тьме твое имя иметь хоть какое-нибудь значение?

– Не знаю.

– Не будет!

– Значит, я – никто?

– Ближе к ответу. Я подскажу, – наклонился к Фьольвиру усач. – Ты – мертвец. Ты же не бог?

– Нет.

– Ну, вот. А всякий, кто решил войти к изначальной тьме, если он не бог, он совсем не жилец. С именем или без него, уважаемый. Из тьмы не возвращаются. И ты должен уяснить себе это раз и навсегда.

– Но Мтаг...

– Что – Мтаг?

– Мтаг вернется.

– Кто тебе это сказал? – удивился усач.

– Он заключил сделку, – сказал Фьольвир.

– Сделку? С тьмой?

Мужчина захохотал. Лицо его приобрело оттенок плода с красными зернами. Глаза заслезились. Несколько раз от избытка чувств он хлопнул себя по колену. Шлепки вышли звучные, сочные.

– Уважаемый! Сделки с тьмой подобны сделкам с воздухом или морем. Считаю, что их нет. Считаю, что твой Мтаг договорился с морем, что оно отворачивает волны от берега. Или с воздухом, что тот станет тверже камня. Как думаешь, исполнят ли воздух и море этот договор?

Мужчина замотал головой и со смехом пополз по ковру собирать раскатившиеся виноградины. Его путешествие, впрочем, оказалось очень коротким, поскольку встретило препятствие в виде топора.

– Опять? – огорченно спросил усач.

Фьольвир подвинул лезвие к шее обжоры.

– Послушай! – сказал он. – Страж ты, ключ ты или просто безумец. Послушай! У Мтага – шкатулка. А в шкатулке – боги!

– Боги? – переспросил мужчина.

– Да.

– Все-все боги? От Йоруна до Пикля?

– И почти все вазны.

– И вазны? – ахнул усач.

– И вазны, и полубожества.

Несколько мгновений мужчина смотрел на Фьольвира, и весь его хитрый вид говорил: ну, давай, я жду, когда ты сознаешься в том, что это выдумка. Вместе посмеемся. Я готов составить компанию хорошей шутке.

Но Фьольвир был серьезен.

– погоди, – сказал мужчина оторопело, – ты действительно веришь в это? Даже если принять во внимание... Нет, это просто смешно, уважаемый! Все боги в одной шкатулке! Йорун! Йорун что, тоже?

– Да.

Усач задумался.

– Нет, я понимаю, – пробормотал он, – что последние полгода-год наборы блюд не блистали разнообразием... Так это мои возможности... Ну, да, если все боги, где им поддерживать божественное...

– Надо остановить Мтага, – сказал Фьольвир.

– Остановить нельзя, – покачал головой усач. – Но можно сделать другое.

– Что?

– Пошли-ка.

Обжора поднялся и решительно зашагал к арке. Фьольвир последовал за ним. Волны бухали о берег.

– Сразу предупрежу, – обернулся усач, – ты, скорее всего, умрешь там.

– Я уже понял, – кивнул Фьольвир.

– И не сможешь уплыть в Тааливисто.

– Почему?

Мужчина остановился у арки.

– Там все-таки тьма. Никакой связи с миром.

– Ладно, – чуть помедлив, сказал Фьольвир.

– Теперь вот что...

Мужчина провел пальцами по опоре и обмахнул ладонью узорчатый свод. Море за аркой погасло, воздух утратил прозрачность, и вместо открытого прохода обозначилась дверь, словно вылитая из цельного куска металла.

– Между миром и тьмой находится пограничная территория, – сказал усач. – Ее зовут кто тенью, кто сумраком. Мтагу ее придется пройти, а это не так быстро, как ему бы хотелось. У тебя будет возможность его нагнать.

– А давно он?..

Мужчина пожал плечами.

– Здесь нет понятного человеку времени. В общем, – сказал он, – в сумраке ты еще сможешь его перехватить, Фьольвир Маттиорайс. Но если перейдешь границу тьмы, ничто тебя уже не спасет. Хотя вряд ли твой Мтаг сам намерен переходить во тьму. Договариваться они будут, скорее всего, на нейтральной территории.

– А если у самой двери?

– Слишком светло. И еще. Я дам тебе свои сапоги.

Фьольвир опустил взгляд на босые ноги усача.

– У тебя их нет, – сказал он.

Обжора усмехнулся.

– Если бы они были на мне, уважаемый, я бы уже полмира отмахал.

Он встряхнул полы халата и полез за пазуху. Через мгновение Фьольвир получил в руки помятые кожаные штиры, грубо шитые жилами в голенище.

– Надевай, – распорядился мужчина.

Фьольвир опустил на землю.

– Ты совсем, уважаемый? – навис над ним обжора. – Перед дверью надевай. Иначе ни в арку не попадешь, ни берег потом не отыщешь.

Фьольвир послушно пересел ближе к двери. Усач наблюдал, как волосатые ноги Фьольвира исчезают в раструбах сапог.

– Не жмут?

– Нет.

– Вставай на одной ноге, понял?

– Понял.

Поджав одну ногу, Фьольвир с помощью усача поднялся.

– Не опускай! – предупредил тот.

– Держу, – сказал Фьольвир, похожий на цаплю.

Мужчина легонько коснулся двери ногтем, и она с мелкой дрожью земли под ногами распахнулась в зыбкое, серое ничто.

– Сделал шаг – остановился, осмотрелся, – напутствовал усач. – Следы Мтага там светятся. Будешь внимателен – увидишь. Не переступай, отнесет сразу на фальлаф или того дальше. Понял?

Фьольвир, балансируя на одной ноге, кивнул.

– Тогда вперед, уважаемый, – мужчина хлопнул его по плечу, – хоть ты меня и убил, а ты мне все-таки чем-то симпатичен.

– Это потому, что я – герой.

Усач фыркнул.

– Нет, это потому, что я существую только у тебя в голове. Ха-ха-ха!

– Может, так и есть, – сказал Фьольвир.

Он наклонился, придерживая ладонь на арочной опоре, и на вдохе сделал шаг вперед. Шершавая кромка ширкнула по пальцам, сдирая кожу. Серая зыбь надвинулась, за клубилась и потоком покатила мимо, оставляя на лице и теле ощущение влажного тумана и колких дождевых крапин.

Фьольвир опустил ногу.

Слоистый сумрак вокруг него дрогнул и прекратил движение. Было тихо. Вдалеке

вспухали серые холмы и тут же таяли, распадаясь на туманные пряди. Фьольвир качнулся на одной ноге. Обернувшись, он не увидел ни арки, ни берега, ни усача. Но дымка за спиной явно была светлее, чем поблизости. Впереди же сумрак постепенно темнел, превращаясь в высокий горный кряж тьмы.

Следов Мтага Фьольвир, извертевшись, так и не разглядел, поэтому следующий шаг сделал чуть наискось от первоначального направления. Стустки серого тумана ринулись в голову и брызгами расплескались о лоб. Что-то, раскровив, царапнуло щеку. Пространство подернулось и переменялось, сделавшись куда мрачнее. Тьма подступила ближе, изрезав сумрак отрогами. Свет повис за спиной тонкой полоской.

Фьольвир, выдохнув, огляделся.

Прерывистый след мерцал правее. Зыбкие человеческие отражения, пригибаясь, брели сквозь сумрак во тьму. Под мышкой отражения несли прозрачный угловатый предмет, искрящийся рунами.

Шкатулка! Макафик!

Фьольвир уже собрался шагнуть, как сообразил, что любой сделанный шаг унесет его боги знают куда. А без шпиров он, пожалуй, до Мтага добирется, когда тот уже и встретится с изначальной тьмой, и полюбезничает, и договорится. И все будет кончено.

Что делать тогда? Хотя, конечно, понятно. С кривой ухмылкой Фьольвир опустил в серую муть. Куда ж это годится, когда герой – и без причуд? Прежние тоже, если вспоминать, были с особенностями.

Он стянул шпир с ноги.

У Тотенфелля был знаменитый Тюртенфинг, говорящий меч, которого он слушался. Мействорн в мешочке на груди носил куриные кости. У Кейхарта в глазнице жил червяк Ий-Санд, который периодически видел будущее. А он, Фьольвир Магтиорайс, видимо, герой на босу ногу. На одну.

Такова судьба.

Хотя и смешно. Чудной узелок навязала Утойя.

Фьольвир поднялся, сунул снятый сапог за пояс и с топориком в руке, стукнув босой ногой, шагнул в сторону следов. Получилось быстро, но управляемо. Босая нога тормозила и помогала плавно поворачивать. Пятка и пальцы при этом, правда, горели, будто их готовили в жаровне, но Фьольвир был готов потерпеть.

Герой же, Хэнсуйерно всех побери!

За два шага в шпире он добрался до отражений макафика, тяжело, как сквозь бурю, пробирающихся в сумраке к месту встречи, и заковылял от них на расстоянии, но так, чтобы не упускать из вида.

В голове зазвенело: топором по голове – сразу! За все!

А тьме, если захочет поживиться шкатулкой, – по рукам!

Фьольвир почувствовал в себе разрушительное геройское состояние. Он был готов перемолоть тысячи и тысячи вахенов. Никто не остановит! Никто не помешает! В груди разгорался сухой огонь из злости и обиды. Ох, Мтаг! За все ответишь! За поломанную жизнь, за каарайнов и мертвую Хейвиску, за Ульфху и Эйяльтога, за Тааливисто и даже за богов. По голове! Между глаз!

Следы-отражения макафика упорно забирались все дальше в темную область. Мтаг не останавливался. Кряж мрака тем временем вырос на невероятную высоту и навис далекими, грозными тучами-бастионами. Шагая, Фьольвир с тревогой ждал, когда впереди обозначится

граница изначальной тьмы. Он не знал, как она выглядит и есть ли вообще, но надеялся, что макафик не зайдет так далеко.

То и дело сгустки тьмы хищными кляксами проступали в сумраке. Их становилось все больше. Все труднее было дышать. Фьольвир сжимал топорик так, что заболели костяшки. В очередной раз шагнув ногой в шпире, он, наконец, обнаружил, что Мтаг прекратил двигаться и замер в сотне крафуров впереди. Отражения рассеялись. Фьольвир без труда разглядел рядом с макафиком высокую наклоненную фигуру, более темную на фоне оплывающей горы мрака. Существо казалось заключенным в беспросветно-черный хельк, повисший на узких плечах и сливающийся с окружающим пейзажем.

Шкатулка сияла. Мтаг протягивал ее существу. Допустить этого Фьольвир никак не мог.

– Эй! – крикнул он.

Расстояние до макафика уместилось во вдох и выдох. Дальше уже рука пошла сама, и лезвие топорика подрубило шею Мтага у основания черепа. Тот не успел обернуться и только выкатил удивленный глаз.

Потом – рухнул.

– Сделка отменяется, – сказал Фьольвир.

– Сделка совершилась, – прошелестел тихий голос.

Фигура повернулась, взвился край хелька, и тьма вокруг пришла в движение.

– Стой! – крикнул Фьольвир.

Фигура остановилась, словно ослышалась. Кто-то командует ей? Кто-то смеет кричать на нее? Что за герой? Хельк встрепенулся, фигура неуловимо переменялась и, вытягиваясь, наклонилась к Фьольвиру.

– Ты смел, человек, – произнесла тьма, взглядываясь в смельчака чуть светлыми провалами глаз. – Сделка совершилась. Макафик получил свое, я получила свое.

– Ты не должна! – крикнул Фьольвир, привставая на носок, чтобы казаться выше.

Правда, меряться ростом с тьмой было бесполезно. Даже если бы на Фьольвира забрался его двойник, а на двойника – усач с ковра у арки, а на него – Мтаг и Унномтюр, они все равно не достали бы до ее макушки.

Но все же, на одном носке – мнилось, что почти вровень.

– Ты должна отдать!

– Должна?

Казалось, тьма всерьез задумалась.

– Давненько я не слышала, что кому-то чего-то должна, – прошелестел смешок. – Это могло бы сказать мне Боросово семя, взявшее себе имя Йорун. Мог бы прорычать Стергун. Мог бы прошипеть ничтожный червяк Хэнсуйерно. Могли бы пропищать их глупые жены. Но чтобы безвестный человек...

– Я – Фьольвир! Фьольвир Маттиорайс!

– О!

– Сын Магнира и геро...

Фьольвир перенапряг горло и закашлялся.

Тьма, склонившись, изучала его, распустив тонкие узорчатые завитки и стремясь то ли оплести, то ли всего лишь коснуться.

Впрочем, завитки быстро втянулись обратно в хельк.

– Ты мне не интересен, Фьольвир Маттиорайс, – выпрямляясь, сказала тьма.

– Постой. Выслушай, – попросил Фьольвир.

Фигура качнулась.

– Ты не можешь мне ничего предложить, глупый человек. Ни как воин, ни как раб ты мне не нужен. А жизнь твою я возьму и так, не сейчас, так чуть позже. Предлагать ее мне не надо.

– Я расскажу тебе о тебе!

– Что? – Тьма рассмеялась. – Что ты мне расскажешь, человек?

– Что ты получишь, если оставишь шкатулку у себя!

Тьма вздохнула. Хельк плеснул краями. Мрак вокруг загустел, а кряж поднялся еще выше.

– Я получу все, человек. И всюду буду я.

– Но это будет не победа!

– Почему же?

– Потому что это обман!

– Нет разницы, человек. И не кричи, я прекрасно тебя слышу. Любая победа, какая бы она ни была, есть победа. Убит враг в бою или сдох в постели в изгнании, упал с лошади или пронзен случайной стрелой – все одно. Боросово семя держало меня в заточении многие

тысячи лет, и не мне печалиться, если оно само себя со всем своим мерзким выводком из помощников и слуг посадило в шкатулку, как в клетку.

– погоди! – выставил руки Фьольвир. – послушай. сломаешь ты двери, выйдешь. пожрешь все. что дальше?

Тьма хмыкнула.

– Ничего. Дальше только я.

– А дальше?

– Что за глупый вопрос, человечек?

– Просто я думаю, что дальше у тебя не будет цели, – сказал Фьольвир. – Ведь если все будешь ты, тебе незачем будет жить.

– А я и не есть жизнь, – наклонилась к человеку тьма, сверля его светлыми пятнышками глаз. – Я есть тьма, глупец. Я погашу все мирки, что настрогали эти недоумки, превращу все в спокойное ничто, без всплеска света и жизни. И, поверь, это доставит мне ни с чем несравнимое удовольствие.

– А потом тебе станет скучно, и ты сама откроешь шкатулку!

– Нет.

– Да!

– Упрямый ты человечек. Ну, может быть. Через миллион лет. Хотя я согласна, что одолеть Боросово семя в открытом сражении было бы много приятнее.

– Так давай! – крикнул Фьольвир. – Чего тебе стоит?

– Они слишком сильны, – нехотя признала тьма. – Им не одолеть меня, но и мне не одолеть их. Мне нужно подкопить силы.

– Так копи! Кто тебе мешает?

– А они будут копить свои?

– Это честно.

– И шкатулку я должна отдать тебе?

Фьольвир кивнул.

– Ты забавен, человечек, – прошелестела тьма. – Фьольвир Магтиорайс. А хочешь, я расскажу тебе кое-что?

– Расскажи.

Темнота облепила на Фьольвира, полезла за пазуху, в волосы, в глаза.

– Ты мертв, человечек, –дохнула она в лицо. – Ты мертв, убит кааряйнами там, в своем Бьеннтестаде! Ты лежишь у ворот, со стрелами в спине и в ноге, со вспоротым боком и раскроенной ладонью. Ты мертв, уже несколько мгновений мертв, но твой мозг еще жив, и он, угасая, породил забавную иллюзию, заставив тебя поверить в то, что ты выжил, что тебя спас некий безликий божок Уннотюр, потому что нуждался в герое.

Боги придумали для тебя шкатулку, гнусного макафика и тонкий путь с ключами. Да, человечек, да, придумали, чтобы твоя боль и злость от кровожадного убийства угасли и не затекали, не портили их мирки. Ты – герой, человечек, значит, беги, спасай, не думай.

В преддверии смерти время течет, как патока, как густой мед, собираемый вами для косматого Аттитойне, медленно, почти незаметно. В одно мгновение умещаются часы, дни, недели. Ты мертв, но плывешь в море на утлой лодчонке, сражаешься с Коггфальтаддиром, пробираешься по горам и равнинам в поселки, преследуешь макафика, который, как ни удивительно, оказывается всегда рядом, но все же недосыгаем.

Ты мертв, но еще живешь внутри себя. Пожалуй, через сомнения и страхи вырастаешь в

настоящего героя. А как иначе? Богам, видишь ли, нужны мертвые герои. Нет страданий, нет отчаяния и богохульства, нет разрушительной энергетике насильственной смерти. Да, человек, тебе дарят иллюзию, такую же, как и Тааливисто.

И вот теперь ты стоишь напротив меня, чтобы сразить и освободить их. И, конечно, я тебе подыграю. Вонзи в меня топорик, и я загнусь, сложусь, растаю, ты возьмешь шкатулку и выберешься за дверь, исполняя свою геройскую миссию.

Но знай, ты – мертв. Ты – мертв, Фьольвир Магтиорайс! И последние крохи жизни с тенью дыхания покидают тебя сейчас! Вот правда, человек, настоящая правда про жизнь и смерть героя. Как она тебе?

Тьма отступила. Фьольвир, склонив голову, стоял неподвижно. Казалось, что жестокие слова превратили его в камень. Потом он все же пошевелился и издал странный звук, засмеялся и тут же оборвал смех.

– Не сходится, – сказал он, подняв взгляд на тьму.

– Что не сходится? – спросила тьма.

– Если я мертв... умираю... То боги не могли играть мной, потому что их пять лет уже нет. Не сходится.

Фьольвир улыбнулся.

– И еще, – сказал он. – Если это мои фантазии, что я герой, и все прочее, Унномтюр, чудовища, макафик со шкатулкой, то ты... Ты не должна была говорить мне о том, что я мертв, это ведь моя фантазия, и ты действуешь так, как я захочу. А ты вдруг решила мне – правду.

Тьма пожала плечами.

– М-да, тут ты меня уел. – Белесые пятна глаз превратились в щелочки. – Я подумала: герои же не отличаются умом. Натарабанила, что в голову пришло, ну, такое, более-менее похожее...

– И что теперь? – спросил Фьольвир.

– Можешь идти, – сказала тьма. – Проведи весело последние деньки там, в своем мире. Я скоро буду.

– А шкатулка?

– Останется при мне.

Фьольвир мотнул головой.

– Я не могу этого позволить.

– Ах, да, – сказала тьма мягким, насмешливым голосом, – ты же герой. Я видела это в тебе. И видела крупицу божественной силы, что Боросово семя дарит всем героям. Она мала, глупый человек, она крохотна. Она как искорка во всепоглощающем мраке. Она слишком слаба, чтобы представлять из себя серьезную опасность.

– Ульфха тоже так думала! – крикнул Фьольвир.

Тьма рассмеялась.

– Да, ты храбр. Но неужели ты думаешь, что у меня нет своих храбрецов?

Край хелька отдернулся, и перед Фьольвиром вылепились из мрака одетые в черную чешую существа. Они были в два раза выше Фьольвира и походили на ящериц, вставших на задние лапы. Из широких пастей то и дело выглядывали алые языки, похожие на всплески пламени, которому мало было места в глотке.

Зубы, когти, крючки шипов, слизь и толстые обрубки хвостов. Вахены. Фьольвир не сомневался, что видит именно их. В лапах вахены держали кривые мечи и копья, кованные

из черного железа. Глаза тлели как угольки.

– Ну, что? – спросила тьма, когда вахены тремя плотными рядами встали перед Фьольвиром. – Ты все еще хочешь отнять у меня мое?

– У меня нет другого выхода.

– Как это забавно! – Тьма хохотнула. – Еще недавно ты вовсе не видел себя героем. Ты же рвался в Тааливисто, человек! В место отдыха, где такие же души, потеряв свои тела, предаются праздным развлечениям. Что изменилось? Выйди за двери и плыви. Так уж и быть, я дам тебе несколько дней.

– Добренькая?

– Нет. Я – тьма. Доброта, долг – это человеческие понятия. Вы их столько наплодили, что даже к богам прилипло. А я от всего этого свободна. Мне просто, человек, нужно подготовиться.

– Я уже был в Тааливисто, – сказал Фьольвир.

– И что, не понравилось?

– Нет.

– Это, поверь, не моя печаль, человек.

– А если я...

Фьольвир почувствовал, что кто-то тянет шпир у него из-за пояса, и дернулся было, но услышал шепот:

– Говори, арнасон, не останавливайся. Я у тебя на время позаимствую.

Унномтюр! Фьольвир не видел своего провожатого, но щипок пониже спины ощутил. Радость вспыхнула в нем. Не фантазия, не призрак в голове!

– Говори, – чуть ли не в ухо ему дохнул Унномтюр.

– Что, если я пробьюсь через твоих вахенов? – спросил Фьольвир тьму. – Вот через этих, прямо к тебе?

– Хм.

– Если не пробьюсь, что ж, умру, – добавил Фьольвир. – А если пробьюсь, ты отдаешь мне шкатулку.

– С твоей стороны – совсем небольшой подарок, – заметила тьма. – Я могу убить тебя и так. Не вижу, с чего бы мне соглашаться.

– Проверишь, так ли хороши твои вахены, – сказал Фьольвир.

Тьма фыркнула.

– Человек! Они сражались против Йоруна и Стергруна! Против богов войны и оружия Хейтанна и Калнира, против бога удачи Ульдафьоллира!

– Но против меня-то – нет.

– О, да, ты – герой!

Тьма что-то гортанно выкрикнула, и ряды вахенов загромыхали смехом. Защелкали зубы, заходили языки.

Фьольвир крутнул в руке топорик.

– Ну, вот, хотя бы повеселишься, – сказал он. – Если я совсем буду никуда не годен, то, надеюсь, подарю немного радости твоим воинам.

– Тебя слишком мало для радости, – сказала тьма.

– А так? – спросил кто-то сбоку от Фьольвира.

Повернув голову, Фьольвир увидел своего двойника, вооруженного коротким мечом и кинжалом.

– О! – заинтересовалась тьма. – Вас двое! И этот тоже босой!

– Трое! – услышал Фьольвир.

И обнаружил обжору-усача с копьём по другую от себя сторону.

– Я подумал, – сказал тот, – что если тьма действительно на пороге, то... Собственно, чего я теряю, кроме своей еды?

– Я рад, – сказал Фьольвир.

– Мы оба рады, – поддержал его двойник.

– Ну, это уже интересней, – сказала тьма. – Будет ли кто-то еще? Все-таки вас маловато.

– Я еще! – раздался задорный голос.

Фьольвир увидел вставшего за усачом Хворвика. На шее, закрывая разрез, у него была повязана тряпка.

– А ты как здесь? – спросил Фьольвир.

– Не знаю, – ответил Хворвик.

– Но ты же...

– Ага.

– Очень интересно, – пошевелилась тьма. – Будут ли еще любители умереть? Просто проходной двор какой-то сегодня. Все так и ломаются ко мне на встречу.

– Мы.

Коротким строем вынырнули из сумрака и выстроились за двойником кааряйны вперемешку с соломенными йотунгами.

– И мы, – встали с другой стороны стражники и недавние обитатели дворца Сарина Инца.

Компания была пестрая, в рубашках, везингах и доспехах, измазанных кровью.

Фьольвир ничего уже не понимал. Зато тьма, словно принохиваясь, повела головой.

– Как от вас тянет эйхе! Прекрасно! Прекрасно! Все с толикой божественных сил! Славное будет сражение!

– Так ты согласна? – крикнул Фьольвир.

– Я с удовольствием посмотрю, как мои вахены порубят вас на кусочки, человечек. В мелкую окрошку.

– Ха, я не против! – облизнулся усач.

– Только нам надо видеть шкатулку! – донесся из строя кааряйнов голос Унномтюра. – А то ради чего – в окрошку? Просто так?

Тьма захохотала.

– Обожаю самоуверенных человечков!

Она вытянулась, выпростала из-под брызнувшего мраком хелька тонкую руку и вознесла ее на невероятную высоту. Там, на высоте, под самыми тучами и сверкнула рунами шкатулка.

– Достаточно?

– Пойдет! – сказал невидимый Унномтюр.

Фьольвир кивнул.

– По крайней мере, видно.

– Замечательно! – оценила тьма. – Мне уже не терпится увидеть ваши трупы! Кто даст сигнал?

– Наверное, я, – сказал Фьольвир.

– Человечек в одном сапоге...

– Вообще-то, герой.

– Да-да, я помню, Фьольвир Маттиорайс, – кивнула тьма. – Только ты, человек, не стой, у меня времени мало. Впереди – целый мир, а потом – еще один, и еще! Наплодили, понимаешь, миров твои боги... Творцы так себе, но самомнения... Точно знаю, самомнение от них к вам перешло. Ну, подавай сигнал!

Фьольвир поднял руку.

Вахены, до которых было не больше десяти крафуров, задвигались, облизываясь, затолклись плечами, подбадривая себя. Зазвенели, сталкиваясь, черные мечи. Часть вахенов присела, выставив копыя.

– Люди! – крикнул Фьольвир. – Возможно, мы сейчас умрем окончательно...

Тьма гоготнула.

– Но это не важно, – продолжил Фьольвир. – Все мы здесь находимся ради одного – спасти наш мир от поглощения изначальной тьмой, и тогда уже не будет ни земли, ни неба, ни родных, ни нас самих. Она пожрет все. Раньше ее сдерживали боги, но теперь они заточены в шкатулке, и, значит, спасти мир и другие миры придется нам. Другого просто не остается. Вы готовы?

Нестройный, но решительный гул голосов был ему ответом. И люди, и йотунги, стоя в одном ряду, ошетинились оружием.

– Собрал, кого смог, – шепнул откуда-то из-за спины Унномтюр. – Чудовищ не стал оживлять, не управляемы. Ты готов?

Незаметно кивнув, Фьольвир крикнул:

– Тогда в бой!

Вопли взметнулись вверх. Люди, йотунги и вахены сошлись и сшиблись, как две волны. Одна, правда, была пожиже, но оказалась более юркой. Зазвенело железо, высекая искры. Комья соломы полетели в стороны. Черной пеной принялись стягиваться к месту сражения вахены с задних рядов.

Фьольвир, приготовившийся ринуться в схватку, застыл с поднятой ногой.

– Тише, арнасон, – сказал Унномтюр, придерживая героя. – Я сейчас выскочу, подопни меня шпиром.

– Как?

– Пониже спины, понятно. У меня есть план.

– Какой?

– Осторожно, – сказал Унномтюр и качнул Фьольвира так, чтобы черная секира, со свистом мазнув по воздуху, прошла мимо. – План, конечно, дурацкий, но героический. И может, ничего и не выйдет. Понял? В бой!

Становясь видимым, он выскочил к огромному вахену, который определил Фьольвира своей целью.

– Ах-ха!

Босой на одну ногу, в драном везинге и штанах, кое-как перехваченных поясом, Унномтюр в прыжке врезался вахену в подбородок. Секира, которая была в крафуре от того, чтобы раскроить Фьольвира надвое вместе с лапами вахена подлетела высоко-высоко вверх и, вращаясь опасным, заточенным колесом, устремилась к земле.

– Давай! – крикнул, опускаясь, Унномтюр.

Сверкнули голубые глаза. Фьольвир повернулся от йотунга, повалившегося от удара копыя, притормозил босой ступней, будто окунул ее в угли, и с воплем поймал пятую точку

своего нисколько не воображаемого спутника на носок сапога.

Ах!

В ногу отдало острой болью. Зато Унномтюром выстрелило над вахенами, и он яркой молнией прочертил сгущающийся над сражением мрак.

– Эй!

Тьма попыталась отмахнуться от него, но он легко прошил складки хелька и, кажется, даже оттолкнулся от них. Во всяком случае, направление полета его слегка изменилось. Фьольвир тем временем избежал нежелательной встречи с двумя зазубренными мечами, на одной ноге поднырнул под копые и, на шпире рванув между раздвинутых лап, от души врезал вахену топориком по открывшейся спине. Геройская сила была при нем. Вахена опрокинуло на соседей.

– Бей! – взвился голос двойника.

Впереди мелкнул Хворвик, позаимствовавший зачем-то тяжелый вахеновский меч.

– Эй! Куда?

Вздернув голову, Фьольвир увидел, что тьма отводит руку со шкатулкой в сторону от настырного Унномтюра, но тот летит куда быстрее ее движения – еще бы, сила героического пинка! Потом Фьольвир отвлекся на двух вахенов, которые, раскромсав секирами одного из стражников, пошли на него. Обегать их, тормозить уже почти ничего не чувствующей ногой, пропускать черное железо и вонзять под чешую свое у него отняло достаточно времени, чтобы, в очередной раз подняв глаза, он не увидел ни тьму, ни Унномтюра. По лапе, по зубам, по мордам!

Еще несколько быстотечных мгновений были наполнены для Фьольвира скрежетом металла, сопением, взмахами лап и сухим уколом вахеновского языка. Потом тьма вдруг вздулась в стороне огромным куполом, руки ее вскинулись, а на тыковке головы обозначился красный рот.

– Ловите его! – прогремело в небе.

Унномтюр поскакал от купола вертлявой блохой. Под мышкой у него посверкивала шкатулка. Руки тьмы тщетно пытались его перехватить.

– Во-о-ор!

Тяжелые кляксы мрака принялись расцветать у Унномтюра на пути, но он умело уворачивался, менял скорость бега, а где надо пробивал себе путь всплесками света. Большая часть вахенов прекратила сражение и потянулась за ним. Оставшиеся выстроили что-то вроде заслона для тех, кто решил бы помочь Унномтюру и отвлек чешуйчатое воинство тьмы на себя. Впрочем, призывать на помощь беглецу со шкатулкой было почти некого. Две трети соратников Фьольвира уже канули под черным вахенским железом, а те, кто были еще способны держаться, представляли из себя уставших, измученных и израненных людей, едва стоящих на ногах.

– ...насон! – услышал Фьольвир неясный крик.

– Да! – отозвался он.

– ...овся! – прилетело сквозь занавесь раскинутого тьмой хелька.

– Что?

Ответа не последовало. Вместо него раздалось шипение тьмы:

– Не сбежишь!

Унномтюр тусклой искрой вмыл ввысь в узкой прослойке сумрака. Вахены, сбившись в многолапые сгустки, рыча, преследовали его и оставляли все меньше пространства для

маневра. Число их явно возросло. Тьма прорацивала шипы и кольца, тынула зыбкие и липкие нити. Шкатулка посверкивала. Фьольвир видел, что Унномтюр устает, и прыжки его все короче. Тьма же, заходя то с одного, то с другого бока, подбиралась к нему все ближе.

Фьольвир думал уже, увлекая за собой остатки людей, собранных Унномтюром, ринуться на заслон. И с сапогом обжоры-усача он, пожалуй, пробился бы, но, скорее всего, далее остался бы один на один с сотнями, а то и тысячами вахенов. Что же делать? Где же выход? Подскажи, Унномтюр!

– Унномтюр! – крикнул он, до одури напрягая горло.

– И-и-и!

Голос Унномтюра оборвался. Он пропал, погас, растворился во мраке, но внезапно из густого, темного киселя, заварившегося на месте его исчезновения, выскользнула и поплыла в сторону Фьольвира звездочка. Сверкнув над головами и копьями вахенов, она превратилась в шкатулку.

Кажется, напрочь повредив ногу в штире, Фьольвир с воплем оттолкнулся, взлетел и поймал ее в объятья. Рухнул, правда, так, что несколько мгновений не видел никого и ничего вокруг. Первой мыслью было: бежать к двери! Шкатулка у него, бежать! Но потом он сообразил, что добежать попросту не сможет. К тому же смысла в бегстве не было никакого. Он же может открыть шкатулку здесь!

– Мое! – завопила тьма.

Вахены ринулись к Фьольвиру.

Немногочисленный отряд встал на его защиту. В плывущей, вихрящейся дымке высверками Фьольвир замечал то вахена, заносящего меч, то скользящего по черной крови мужчину, то знакомого-усача, проседающего под ударами копья. Сам он, отползая подальше от сражения, пытался открыть шкатулку.

Крышка не поддавалась. Ни в какую.

– Смер-рть!

Тьма нахлынула, взвизгнула, словно обжегшись, закрутилась и вцепилась в спину и в волосы, оттаскивая от шкатулки.

– Отда-ай!

Сделалось темно. Только руны просвечивали едва-едва.

– Нет!

Фьольвир оттолкнул тьму и вслепую попробовал поддеть крышку топориком, но лезвие не смогло найти щель и соскользнуло.

– Отдай!

Тьма поймала его за плечи. Когти ее были остры. С каждым щипком в ее пальцах оставался капающий кровью лоскут. Тьма, видимо, решила ободрать его заживо.

– К войца-пекка!

Фьольвир оскалился, отмахнулся топором и вновь занялся шкатулкой. Творение Телеотта не желало впускать в себя ни ноготь, ни железо. Казалось, не имелось в ней никакой пустоты, и крышка просто была фальшивой.

– Да как же тебя открыть, тварь? – чуть не заплакал вслух Фьольвир.

– Никак, – шепнула тьма. – Смотри.

Она помахала перед глазами Фьольвира длинной мясной лентой.

– Это ты, герой, – засмеялась она. – Ты сейчас видишь себя со стороны. Непривычно? Больно? Отдай шкатулку!

– Нет!

В кровавом тумане перед взором Фьольвира произошло шевеление, и он увидел своего двойника, который с хрустом костей упал рядом со шкатулкой. Наконечник копья вошел ему под лопатку, и, двойник, дернувшись, закричал зубами.

– Дурень, – произнес он синими губами. – Все ж на виду. Руна «энхуз», неправильная руна. Ее...

Договорить ему не удалось. Копье вскинуло двойника вверх и увело его обмякшее тело по воздуху, но Фьольвир уже знал, что делать. Он заколотил обухом топора по шкатулке, стараясь попасть по рубинам, составляющим рунный узор.

– Отдай!

Тьма навалилась, обжала, стиснула холодом сердце. Фьольвир почувствовал ее острые зубы на щеке, на скуле, на шее. Теплая, чуть светящаяся кровь брызнула из-под подбородка. Он покачнулся, сознание выключилось и включилось, замерцало. Непонятно как, но у него все же нашлись силы на последний удар. Фьольвир Маттиорайс – герой! Алыми осколками выстрелил драгоценный рубин.

Тьму вдруг отбросило, оттащило в сторону кряжа, из шкатулки ударил в небо сноп яркого, золотого пламени. Попадали друг на друга вахены, закружились листвой йотунги и мертвецы. Бесхозные мечи и секиры завели в небе хоровод.

Фьольвир закрыл глаза и открыл глаза. Мимо проплыла гигантская нога в кожаном шпире.

– Что это? Тьма? – услышал он подобный грому голос.

– Похоже, братец, мы едва не потеряли мироздание, – ответил ему другой. – Видишь кряж?

– Вижу!

Из пламени появлялись все новые исполинские мужские и женские фигуры, косматые, воздушные, крылатые силуэты. Фьольвир то окунался в забытие, то выныривал из него, улавливая:

– Дорогой, твое копье!

– Накки, бери правое крыло!

– Надо загнать тьму обратно за кряж.

– Стергрун, ты слева!

– Хэн, тебя бы пустить первым...

– Не надо его первым, он еще договорится.

– Ха-ха-ха-ха!

Сознание звенело, мерцало, трещало, рассыпало солнечные блики. Гасло. Боги гудели, кричали, плясали под веками, ухали, фыркали и весело проводили время. Фьольвир думал: как дети.

А так-то боги. А он – герой.

– Давай, открывай глаза.

Его похлопали по щекам, и Фьольвир с трудом очнулся, чтобы обнаружить рядом с собой как ни в чем не бывало сидящего усача. Тот что-то с аппетитом ел, не забывая при этом комментировать не совсем четко видимое Фьольвиру происходящее.

– Смотри, – говорил он, – теперь наши справа давят. Это Наккинейсе с прочими. Воительница! Давно говорил уважаемым, что тьма расплзлась, осмелела. Они же смеются: в прошлый раз так дали, куда ей! А оно вон что.

Голос отдалился, но скоро вернулся.

– А слева, видишь, Стерггун. Слышишь: бум, бум? Это он, значит, молотом. Не хотел бы я попасть под его молот. Была голова – нет головы. От тьмы только клочья летят. Да, это хорошо. Это я понимаю.

Вдох, выдох.

– А в центре, понятно, Йорун со своим отрядом. Там все как на подбор – гиганты и полубоги. Вахенам, честно, не завидую. Может, в этот раз и кряжу высоту укоротят. Я бы укоротил. Опасно, конечно...

Славно, подумал Фьольвир.

Мир спасен. Я – герой. Боги ка-ак выскочат, и давай тьму кошмарить. Правильные боги оказались. А шкатулка – дурацкая. Надо же додуматься... Интересно только, как там Уннотюр?

– Эй-эй!

Фьольвир разлепил глаза.

Обжора, нависнув над ним, какое-то время вглядывался в него, потом ткнул пухлым кулаком куда-то в область плеча – Фьольвир не почувствовал.

– Ты давай, уважаемый, не раскисай, – сказал усач. – Сейчас все закончится, тобой тоже займутся. Ты же кто?

– Фьольвир Маттиорайс, – прошептал Фьольвир.

– Э, уважаемый, – улыбнулся усач, – ты – герой. Настоящий.

– Я не хотел...

– Ну, бывает. Хотел, не хотел, а стал. Так что ты держись. Герои, уважаемый, вообще не умирают.

– Я знаю, – одними губами произнес Фьольвир.

И умер.

Разбудил его скрип уключин.

Фьольвир обнаружил, что, скособочившись, сидит в лодке, одна рука его свесилась, и пальцы касаются воды. Вода была теплая. Мелкая рябь играла на солнце. От нее то и дело свет проникал сквозь веки.

Фьольвир сморщился и переменял позу.

– Ага! – услышал он. – Наконец-то!

– Что? – буркнул Фьольвир.

– Ты проснулся!

– Кажется, я умер, – сказал Фьольвир.

– Одно другому не мешает!

– Возможно.

Фьольвир потянулся и открыл один глаз. На лавке перед собой он увидел Унномтюра, который старательно работал веслами. На пустом лице спутника цвела широкая улыбка. Впереди низкой тучкой темнел остров.

– Я тебе обещал, что сам отвезу тебя в Тааливисто? – сказал Унномтюр. – Смотри! Везу! Как завзятый лодочник!

Фьольвир вздохнул.

– Значит, я все-таки умер.

– А чего ты хотел, арнасон? – фыркнул спутник. – Да, так и есть. Все-таки тьма – это тебе не Ульфха. И не Коггфальтаддир. Я, кстати, тоже не выжил. Тьма меня – бац! – и пополам! Ноги – вправо, тело – влево.

Бросив весла, он показал, как это произошло. Фьольвир почему-то рассмеялся.

– Ну, да, смешно, – признал Унномтюр и вновь принялся грести. – Лежишь себе, вокруг топчутся...

– А сапог?

– Ну, шпир на ноге, конечно. Был. Где еще?

– А тьма?

– Так и сидит за дверью. Ну, загнали в берлогу. Не к твоему ваэну, а в самое изначалье. Она, арнасон, тварь бессмертная. Или даже не тварь... – Унномтюр задумался. – Скажем, природное образование. Без нее никак нельзя, но и с ней хорошего мало. Самое лучшее – через перегородочку.

Он оглянулся на остров.

– Хочешь побыстрее?

– Не-а.

Фьольвир прищурился на солнце в небе.

– Скажи, – запрокинул голову он, ловя лицом чуть солоноватый ветер, – все так и закончится?

– А тебе мало? – удивился Унномтюр.

– Ну, все как-то... Словно кувыркком.

– Так, извини, арнасон, обстоятельства. Вообще, у героев редко выходит, чтобы они год собирались, два прощались, три шли, а беда или чудище какое их терпеливо ждали: ах, что-то Фьольвир Маттиорайс запаздывает!

– А боги?

– Боги? Благодарны. Тебя – в Тааливисто, меня, видишь, оживили, искупали в эйхе. Я тебе скажу, – наклонился и зашептал Унномтюр, – благодарность одной богини была очень даже... Только это между нами! У нее муж ревнивый. Копьеносец тот еще!

Фьольвир посмотрел на спутника с улыбкой.

– Смотри.

– Я смотрю, – кивнул Унномтюр, гребя. – Но я же это... существо подневольное. Это ты, считай, отмучался, а мне еще пыхтеть и пыхтеть у богов на посылках. Кстати, слышишь, арнасон?

– Нет.

Унномтюр поднял весла.

– А сейчас?

Фьольвир, привстав, насторожил слух. Сквозь мягкий, ласковый плеск воды о борт лодки прорезался далекий, странный шум. Голоса не голоса. Крики.

– Что это?

– Ты совсем, арнасон? Это ж тебя встречают!

– Меня?

Фьольвира вынесло на нос лодки.

Он всматривался в остров, в береговую линию Тааливисто, и ему чудилось, что она вся заполнена людьми. Там, среди облепивших бревенчатый подъем, пристань и ближние холмы, он узнал отца, мать, Эртина, Тотверна и Мейвосу, всех, с кем был знаком и кого любил. Даже старого пса, по морду забравшегося в воду, разглядел. Тонкой белой черточкой отдельно стояла Хейвиска и махала ему руками.

– Фьоли! – услышал он. – Фьоли!

Ощущение счастья затопило Фьольвира, и он бешено замахал в ответ. И закричал так, как, наверное, не кричал никогда в жизни:

– Люди! Хейвиска! Это я!

Больше книг на сайте - Knigoed.net